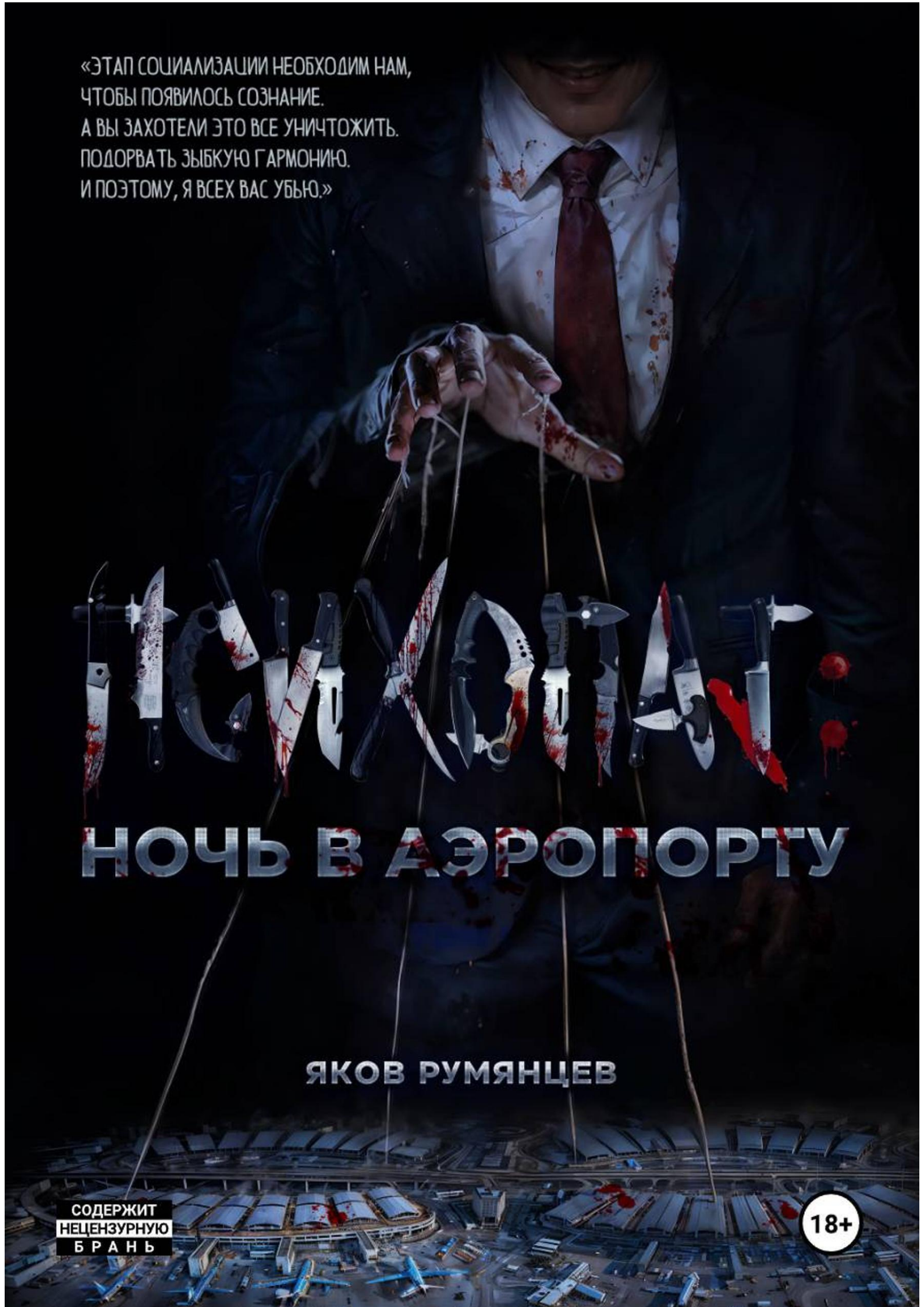

«ЭТАП СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕОБХОДИМ НАМ,
ЧТОБЫ ПОЯВИЛОСЬ СОЗНАНИЕ.
А ВЫ ЗАХОТЕЛИ ЭТО ВСЕ УНИЧТОЖИТЬ.
ПОДОРВАТЬ ЗЫБКУЮ ГАРМОНИЮ.
И ПОЭТОМУ, Я ВСЕХ ВАС УБЬЮ.»

ПРЕЖДЕВРЕМЯ НОЧЬ В АЭРОПОРТУ

ЯКОВ РУМЯНЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яков Румянцев

Психопат: ночь в аэропорту

«Автор»

2026

Румянцев Я.

Психопат: ночь в аэропорту / Я. Румянцев — «Автор», 2026

Парижский аэропорт Шарль-де-Голль превращен в заминированную мышеловку. В его терминалах укрывается беглый американский шпион, владеющий опаснейшим цифровым секретом века. Но главная угроза приходит из глубокой тьмы прошлого. «Энтикам» — фанатичный террор-орден, наследники средневековых ассасинов. Погребенные под обломками эпох, они восстали из небытия, чтобы перекроить мировой порядок, похоронив под обломками Руасси десятки тысяч жизней. В самом эпицентре ада оказывается русский психопат — человек с расщепленным сознанием, видящий истину сквозь хаос и проникающий в самые темные глубины чужой души. Раскрыв заговор, он идет на отчаянную сделку с американцем. Единственным барьером перед убийством тысяч заложников оказывается этот противоестественный союз. Когда вокруг рушится мир, побеждает тот, кто виртуозно дергает за нити чужих страхов.

© Румянцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Часть I	9
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	79
Глава 14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Яков Румянцев

Психопат: ночь в аэропорту

Вступление

Эта идиотка хоть когда-нибудь затыкается?

Её голос сверлит виски — тонкий, непрерывный, как жужжание застрявшей между рамами мухи. Она говорит и говорит без остановки. Неужели она сама не слышит этой бессмысленной какофонии?

Разрушительная волна раздражения подступает к горлу, но он укрощает её на взлёте. Глубокий вдох — и мышцы лица привычно подчиняются дрессировке: бровь сочувственно приподнимается, губы разжимаются в мягкой улыбке.

— А? Что? Нет-нет, Кристи, я слушаю тебя очень внимательно...

Конечно, я слушаю. Куда я денусь? Из всего этого потока нуды выжимается только одна надежда: пусть слухи не лгут и ты окажешься виртуозом хотя бы в постели...

Он позволил себе секундную паузу, чтобы насладиться собственным превосходством, и тут же вернулся к партитуре.

— Мне кажется, — начал он мягко, понизив голос до полупшепота, — этот мужчина тебя просто не заслуживает. Ты ведь и сама видишь: он... сомневается. А зачем тебе связь с человеком, который не верит в собственные силы? Кристина, научись себя уважать. Ты из тех женщин, ради которых совершают подвиги, а не ломаются на полпути.

Он замолчал, фиксируя взгляд на её лице. Заметив, как у неё чуть расширились зрачки и приоткрылись губы — первый верный признак того, что наживка проглочена, — он сделал следующий рассчитанный ход:

— Ты сильная. Я разглядел это с первой минуты. У тебя колоссальный потенциал, но ты бездушно сжигаешь его на тех, кто мелок для тебя. Послушай меня: выбрось из жизни балласт. Отрежь всех, кто тянет на дно, кто мешает тебе расти. Окружай себя только достойными... Это сделает тебя недосыгаемой.

Он подался вперед, сокращая дистанцию до пределов интимной зоны — туда, где любой шепот ощущается как прикосновение.

— А теперь сделай что-нибудь дерзкое. Переступи через границу, которую сама себе нарисовала... Ты заслуживаешь куда большего.

В его улыбке застыло сочувствие, но в глубине темных зрачков не было ничего, кроме расчетливого азарта. Она уже была на крючке, опьяненная иллюзией, будто встретила долгожданного спасителя и наставника.

Боже, какая идиотия... Ты болтаешь и болтаешь о нём: о вашем разрыве, о том, как тебе было больно. Словно я слышу эту заезженную пластинку впервые. Ты смакуешь его недостатки, черты, ошибки, даже не замечая, что вся эта исповедь — лишь попытка упиться ролью жертвы. Но знаешь, Кристи, мне абсолютно плевать на него. Меня интересует только ты. Я наблюдаю, как ты собственными руками копаешь себе колодец боли. И вовсе не из жалости — из исследовательского азарта. Твоя уязвимость, твоя выдуманная драма — это мои ключи. Говори дальше.

Он плавно покачивал кистью в такт её речи, ободряюще кивая, пока поток его мыслей подбирался к главной уязвимости.

Он был холодным и не слышал тебя? Ты уверена, Кристи, что проблема только в нём? Или твои ожидания раздуты до небес и ты требуешь, чтобы весь мир вращался вокруг тебя? Ты ведь даже не допустила мысли, что рядом стоял человек, который мог бы... нет, хотел бы

тебя спасти. До чего же банальный сценарий. Ты проклинаешь его, разыгрывая несчастную жертву...

Он чуть сдвинул брови, сфокусировав на ней взгляд, переполненный фальшивым сочувствием.

— Ты так много отдала этим отношениям... — с мягким вздохом произнес он. — Понимаю, как тебе больно.

Ещё чуть-чуть. Как удобно работать тем, кто вытирает твои слёзы, пока ты не видишь, что этими же слезами я и питаюсь. Думаешь, он — твоя ошибка? Нет, Кристи. Твоя главная ошибка — это каждый, за кого ты судорожно цепляешься в своём отчаянии. Ты проклинаешь бывшего и не замечаешь, как всё сильнее разворачиваешься ко мне. Ведь я здесь. Я выслушиваю. И для тебя это сейчас единственная точка опоры, правда?

Вся её душевная излитость sluкавила бы, назови он её просто «рассказом» — для него это был чистый рабочий материал. Он скрупулезно каталогизировал её надломы, отыскивая ту самую брешь, куда останется лишь точечно вонзить нужную фразу, превращая мелкую психологическую трещину в непреодолимую пропасть.

Ты ведь уже сравниваешь меня с ним. Невольно, бессознательно... И я выигрываю по всем фронтам. Почему? Во мне есть всё, от голода по чему тебя корчит. Ты шепчешь, что устала от таких, как он? Что ж, я избавлю тебя от этой усталости.

Он наклонился чуть ближе.

— Ты заслуживаешь быть рядом с тем, кто способен по-настоящему тебя чувствовать. Ты ведь понимаешь, что такие люди существуют?..

И этот человек, разумеется, я.

— Ну конечно я прав! — он подхватил её взгляд. — Я же вижу: ты наконец начинаешь осознавать, как важно любить себя. Принимать себя без оглядки, ведь в этом и скрыта подлинная душевная грация.

Он улыбнулся, небрежно опершись локтем о подлокотник. Голос обрёл ту самую бархатистую, обволакивающую теплоту «понимающего слушателя», в которой неизощренный ум никогда не заподозрит фальши.

— А твои страхи перед одиночеством... выкинь их из головы! Рядом с тобой всегда есть те, кто ценит тебя настоящую. По крайней мере, сейчас я здесь. И ты знаешь, что на меня можно положиться.

И вот — очередная порция слезливых откровений. Ты распаиваешь душу с такой легкостью, будто это норма — вываливать всё сокровенное человеку, с которым знакома всего пять часов. Нет, поправка: абсолютному незнакомцу. Что это — эмоциональная недисциплинированность или крайняя степень отчаяния?

Он вглядывался в её лицо, считывая мельчайшие микромимические судороги: дрожь век, припухлость губ, натянутость кожи на скулах.

Боже, сколько можно затапливать меня словами? Пять часов общения — а ты уже выложила на стол всю свою жизненную колоду. Поразительно, как быстро человек способен наскучить своей абсолютной прозрачностью. Если всю твою судьбу можно уместить в пару часов ресторанного трепа, значит, твоя жизнь — пресная, бесцветная пустыня. Ты хватаешься за первые попавшиеся уши только для того, чтобы подтвердить собственное существование.

Он подавил легкий укол безразличия, возвращая уму привычную ясность. Главное сделано: урожай собран.

Ты сама вручила мне ключи от своих защитных механизмов. Рассказала про родителей и тут же связала их поведение с выкрутасами бывшего. Роковая ошибка, Кристина. Семья — это матрица всех человеческих неврозов и страхов. Ты только что начертила перед мной

проекцию, по которой ищешь спасителя. Теперь я знаю точно, какой слепок мне нужно снять с себя, чтобы стать для тебя единственным идеалом

Сфокусировав взгляд с выражением глубокой сосредоточенности, он изображал абсолютную погруженность в её слова, пока его собственный ум с опережением на несколько ходов выстраивал финал партии.

Свежий разрыв — кровоточащая рана. Дать ей время затянуться? Нет, к чему такая расточительность. Твой животный страх одиночества не позволит тебе переживать это в тишине. И вот ты сидишь здесь, выливая душу первому встречному, цепляясь за случайное плечо, чтобы не упасть. Но это крючок. И ты уже наживка, глубоко заглатившая сталь. Восхитительная, эталонная гипервигтимность: полная размытость личных границ, демонстративная эмоциональная нестабильность и абсолютное, почти детское игнорирование элементарной безопасности...

Он мельком скользнул взглядом по циферблату часов, сверяя внутренний тайминг.

Ещё пара минут этой бессмысленной потоки — и можно ставить точку. Зачем тянуть, если ты уже сама проделала всю рутинную работу?

— Честно говоря... я даже не знаю, что сказать, — произнес он после тщательно выверенной паузы.

Он растерянно приподнял плечи, чуть смущенно повел головой — движение было отретировано до микрона и дышало трогательной искренностью.

— Ты, вероятно, веришь, что этот разрыв должен был случиться... Ну, чтобы в твоей жизни наконец появился тот самый человек? — Он медленно подался вперед, поймав её взгляд своим — глубоким, чуть влажным. — И этот человек... неужели это я? Черт... я просто в растерянности.

Он умолк, давая ложной неуверенности пропитать воздух. Классическая провокация: теперь она сама, движимая женским спасательным инстинктом и желанием развеять его «смущение», ринется доказывать, что он — именно тот, единственный.

Какой оглушительный контраст: породистое лицо, безупречные формы, лоск, заставляющий мужчин терять разум... и звенящая, совершенная пустота внутри. Ты привыкла, что внешность открывает перед тобой любые двери без малейших усилий. Лоск стал твоей бронёй и твоим главным товаром. Люди поразительно слепы: они готовы дорисовывать душевную глубину к красивому фасаду

На краю его губ тенью мелькнула непроизвольная усмешка.

Но твоя красота, Кристина, — это твоё проклятие. И самое забавное, что ты бесцельна что-либо изменить. У тебя нет ни стимула, ни внутренних ресурсов. Ты привыкла быть центром притяжения, трофеем, за которым охотятся. Но этот бесконечный поток мужского умиления лишил тебя главного — шанса на эволюцию. Ирония судьбы: имея всё, чтобы вдохновлять, ты стремительно деградируешь. Зачем напрягать интеллект, когда весь мир и так брошен к твоим ногам?

Он продолжал сидеть с видом чуткого, затаившего дыхание слушателя, но её слова уже давно превратились для него в невнятный фоновый шум, на фоне которого шли последние вычисления.

Забавно, насколько всё это недолговечно. Кожа увянет, гибкость линий исчезнет, а тело утратит ту манящую скульптурность, за которую мужчины сейчас готовы драться. Всё развеется. Всё, на чём держится твой хрупкий пьедестал. Останется лишь пустота, которую ты попытаешься латать бесплодными воспоминаниями. У будущего нет места для таких, как ты, Кристина. Эволюция бессердечна к тем, чьё существование исчерпывается собственным отражением

Он тихо выдохнул, гася подступающую судорогу раздражения, вызванную её неумолимой трескотнёй.

Человеческая природа смехотворно проста. Достаточно подбросить глазным яблокам симметричные черты и привлекательный силуэт — и разум отключается. Мозг сам дорисовывает идеальные качества, лихорадочно оправдывая примитивную биологию. Тебе кажется, будто ты держишь нити управления, но ты уже проиграла. Я знаю о тебе всё, что нужно для моей игры. А раз ты привыкла к мужской охоте, пора перехватить инициативу. Я лишь аккуратно подставляю тебе новую мишень — себя. И ты искренне поверишь, что сделала этот выбор сама...

Он приподнял подбородок, качнув головой с выражением целомудренного участия.

— Я не хочу сказать, что ты мне не нравишься, — произнёс он тихим голосом и выдержал паузу, давая ей проглотить наживку. — Ты невероятно привлекательна. Любой мужчина на моём месте мечтал бы провести с тобой эту ночь... Но я так не могу.

Пауза сработала безотказно. В её глазах вспыхнул азарт проигравшего, пытающегося отыграться.

— Поехали делать глупости? — выдохнула она с той самой интонацией доверчивого безрассудства, которую он так рассчитывал услышать.

«Поехали делать глупости»... Какая трогательная щенячья наивность. Словно у тебя ещё оставался хоть какой-то выбор. Разумеется, поехали. Что ещё нам остаётся?

В его глазах вспыхнул восхищённый огонёк, а на губах расцвела сама непринуждённость.

— Знаешь, ты просто безумная девушка, — негромко рассмеялся он, качнув головой. — Но мне это чертовски нравится. Поехали ко мне. Возьмём бутылку хорошего вина.

Люди... Извечная, банальная драка за собственную иллюзию значимости. В каждом живёт эта ненасытная, слепая жажда почувствовать себя особенным, угаданным, избранным. И именно этот голод превращает их в безупречно управляемых марионеток.

Часть I

«Порой в поисках покоя приходится оставлять позади всё, что мы привыкли называть домом. Судьба, играя нашими чувствами, вынуждает искать приют в чужой душе. Ирония жизни такова: даже в мире, охваченном террором, на пепелище разбитых судеб росток надежды пробивается там, где его совсем не ждёшь — в сердце другого человека»

Джим Каррагер

*Из разговора специального агента ЦРУ Джима Каррагера и террориста № 1
Назима Саббаха*

Глава 1

С высоты балкона «Shangri-La» Париж казался гигантским, сверкающим анатомическим препаратом.

Город, куда веками приезжали изнывать от любви, разочаровываться и судорожно искать смысл существования, с первого взгляда охотно укутывал пришельцев туманной сказкой. Сена лениво тащила отравленные городским стоком воды вдоль набережных, где старинные мосты застыли безмолвными стражами. Но стоит первому восторгу развеяться, как сквозь позолоту проступает суровая анатомия: Париж — это тяжело дышащий, больной организм с истощенными артериями и непрекращающейся внутренней судорогой.

Внизу, на Наполеоновской дороге, очередной турист, верующий в открыточный глянце-вый романтизм, замер с телефоном наперевес. Исторические магистрали вроде улицы Риволи всё еще пытались держать фасон стальной строгой геометрией, но имперского величия в них не осталось вовсе. Ветшающие кварталы заполнили шумящие толпы чужаков и потерянные души эмигрантов, окончательно вытеснившие запах гордой истории.

Извилистые булыжные переулки Латинского квартала выглядели живописно только на сувенирных магнитах. За двойными стеклами быстро с завышенным втрое ценником гремела дешевая посуда и нарастало глухое ворчание клиентов. Под готическими сводами Сорбонны новые поколения студентов все так же имитировали штурм наук, но в их глазах читалась лишь изнуряющая бытовая усталость — аренда клочка парижской земли превратилась в ежедневное выживание. Толчея автобусов, запах гари, периодические вспышки уличных протестов... Культурная столица Европы давно перестала жить искусством, окончательно погрузившись в беспощадную гонку за ресурс внутри бездушной экономической матрицы.

Елисейские Поля, бывшие некогда триумфальной ареной наций, превратились в вульгар-ный восточный базар: замершие витрины люксовых брендов тонули в море туристов, делаю-щих бесконечные селфи на фоне Триумфальной арки. Монмартр, приют нищих и гениальных отверженных, выродился в шумный балаган, где редкие выживающие галереи затерты рядами сувенирных лавок. И даже Лувр — святилище вечного — не избежал этой деградации: мно-гочасовая очередь петляла через стеклянную пирамиду внутреннего двора, и каждый второй посетитель, застывая перед «Джокондой», был озабочен не её загадочной улыбкой, а поиском пароля от бесплатного Wi-Fi.

Париж навсегда умер как поэтическая мечта, уступив место суровой, предельно прагма-тичной реальности перенаселенного мира.

И всё же именно в этом обнаженном несовершенстве и заключалась подлинная суровость Парижа. Его эстетика жила на стыке имперского блеска и нищей серости, вековых каменных кладок и дешевого обывательского шума. Город выступал безупречным индикатором челове-ческой природы — он словно с вызовом бросал в лицо каждому: *«Здесь нет иллюзий. Но разве не за правдой вы сюда рвались?»*

Монументальность архитектуры отчаянно спорила с духовным истощением толпы, а ноч-ная иллюминация лишь подсвечивала внутренние надломы, от которых никому не удавалось укрыться. В этой бесконечной борьбе между порядком и хаосом, между жадой покоя и раз-рушительными амбициями проступала не просто специфика древней столицы — в ней про-свечивала фундаментальная патология самого человеческого вида. Париж не судил. Он бес-страстно наблюдал.

Человек тратит колоссальные ресурсы не на то, чтобы жить, а на попытки удержать рас-падающееся равновесие собственной psyche¹. Провозглашая стремление к свободе, он лишь

¹ Psyche (от греч. ψυχή — «душа», «дух») — в психологии и психоанализе: совокупность всех сознательных и бессозна-

глубже затягивает на своей шее узел из собственных страстей и неврозов. Именно здесь, над этим муравейником, мысли о человечестве как об органическом носителе энтропии и хаоса обретали абсолютную наглядность.

На противоположном берегу Сены, под покровом парижской ночи, верхний балкон отеля «Shangri-La» превратился в эпицентр силового поля, скрытого от глаз обывателей. Напротив балкона, подобно гигантскому стальному часовому, в темнеющее небо уходила Эйфелева башня. Два человека, застывшие в глубоких креслах, своим молчанием создавали ощутимое напряжение.

На круглом гранитном столике между ними застыла бутылка коллекционного бордо. Бокалы ловили тёмные отблески лунного света, а рядом, на деревянном подносе, остывали стейки слабой прожарки и сочные фрукты. Эта трапеза не имела ничего общего с банальным гедонизмом — она служила лишь декорацией для ночных переговоров, где разыгрывалась судьба существующего мироустройства.

Человек, сидевший слева, обладал мышлением титанического масштаба. Он был не просто финансовым гигантом — он выступал невидимым архитектором глобального переустройства, чьи идеи, подобно грибнице, пронизывали институты власти по всему континенту. Его особый дар заключался в способности безошибочно вычленять микроскопические зоны хаоса внутри казавшегося незыблемым порядка и превращать эту деструкцию в рычаг собственного управления. Капитал он воспринимал не как источник банального гедонизма, а как сухой математический ресурс. Секретные оборонные разработки, транснациональные сырьевые гиганты, даже стихийные уличные бунты — всё это вращалось в орбите его расчетов. Его имя табуировалось в прессе, но в кулуарах европейских разведцентров и президентских кабинетов его произносили шепотом — так говорят о силе, умеющей переписывать законы мироустройства из тени.

Подчеркнутая скромность его внешнего вида выглядела вызывающе на фоне той реальной власти, которой он располагал. Строгие серые брюки, черная водолазка из кашемира, лаконичные платиновые очки — он казался человеком, способным за секунду раствориться в любой уличной толпе. Но этот аскетизм являлся тщательно выверенной частью стратегии: мимикрировать под обывателя — значит сохранять абсолютную неуязвимость.

Его собеседник, напротив, откровенно излучал властность государственного мужа. Он расположился в кресле с вальяжной грацией: вытянутые ноги демонстрировали матовый блеск дорогой туфлевой кожи. Откинувшись на спинку, он молча давал понять, что этот балкон — его территория. Расстегнутый пиджак из темной шерсти индивидуального пошива чуть обнажал темно-синий шелковый галстук — сдержанный атрибут высшей чиновничьей иерархии. Благородная седина на висках и пронизательный взгляд выдавали в нем человека, прошедшего сквозь десятилетия засекреченных геополитических войн.

Он был виртуозным оператором теневых сетей реального мира. И сейчас, под звездами Парижа, перед подсвеченным остовом Эйфелевой башни, директор внешней разведки смотрел на мерцающий город сквозь сфокусированную оптику государственного суверенитета — оптику, коренным образом отличавшуюся от вселенского замысла его визави.

— И всё же, Брюс, я бы хотел очистить наш разговор от метафизического тумана, — Ксавье не спеша повернул бокал, наблюдая, как рубиновое бордо оставляет на хрустале густые «ножки». — Чего конкретно вы добиваетесь?

Брюс поправил платиновую оправу. На его губах скользнула бескровная улыбка.

— Ксавье, скажите, аналитики вашей дирекции часто задумываются о матрице мировых религий? Вам известна их точная цифра?

— Вы хотите прочесть мне лекцию по сравнительному религиоведению? — Ксавье сузил глаза, сохраняя на лице непроницаемую дипломатическую улыбку. — Если мне память не изменяет, историки сходятся примерно на четырех тысячах культов и конфессий. Но DGSE² обычно интересуют не их молитвы, а их счета в швейцарских банках и мобилизационный ресурс.

— В этом и кроется ваша фундаментальная ошибка, — Брюс снял с грозди крупную ягоду винограда. — Вы смотрите на симптомы, игнорируя природу болезни. Четыре тысячи систем... Одни исчезают, другие мимикрируют, но суть неизменна. Человек — это паническое животное, чье существование сведено к поиску иллюзорной безопасности. Болезнь? Он изобретает вакцину. Ресурсный голод? Выводит спутники на орбиту. Война? Война — это лишь громоздкий, кровавый инструмент, с помощью которого очередная группа проигравших пытаются переписать правила под себя.

Он отправил виноградину в рот и сделал неторопливый глоток вина.

— Но вот в чем парадокс, Ксавье. Сканируя галактики и препарируя геном, человек панически боится заглянуть в главный универсум — собственное сознание. Мозг биологически потребляет микроскопическую мощность, но девяносто пять процентов его активности тонет в глухом подсознании. Лишь пять процентов мыслей контролируются тем, что принято гордо именовать «разумом». Это факт любой нейробиологии³.

Брюс сжал ножку бокала, и его голос обрел жесткость:

— Мы не управляем собой. Человеческая личность в девяносто девяти процентах случаев — это не субъект, а конгломерат чужих страхов, родительских неврозов и культурных догм. Религии, идеологии, ваши государственные институты — лишь судорожная попытка заполнить эту внутреннюю пустоту. Но меня не интересуют ваши бытовые подпорки. Я намеревался вскрыть то, что человечество так судорожно от себя прячет.

Директор разведки взгляделся в лицо собеседника. За годы работы в DGSE он научился мгновенно распознавать этот опасный тип фанатизма: когда титанический интеллект сливается с мессианским комплексом. Такие люди не останавливаются на теориях — они перекраивают карту мира, не считаясь с жертвами.

— И вы предлагаете мне поверить, Брюс, что за вашей активностью стоит лишь романтическое исследовательское любопытство? — с нескрываемым скепсисом произнес Ксавье.

— Любопытство — это первичный импульс. Вспомните Да Винчи, связывавшего анатомию и механику, или Эйнштейна, ломавшего абсолют времени. Но исследовательский азарт — лишь топливо. Моя цель глубже. Я создаю условия для рождения нового мира. Не очередную империю, не религиозный канон и не политический блок, а среду, где человечество впервые станет осознанным.

— Какая трогательная забота о виде, — Ксавье приподнял бровь, и в его голосе проскользнул сухой галльский цинизм. — И какова цена этого эволюционного прыжка?

Брюс аккуратно поставил бокал на гранитный столик.

— Цена всегда одна, Ксавье. Хаос. Метаболизм истории таков, что новый порядок способен родить только выжженное поле. Любой фундаментальный прогресс цивилизации произрастает из руин. Уравнение безупречно: снос старого фундамента, а затем — монтаж нового. Но чтобы хаос не превратился в банальную аннигиляцию, им нужно филигранно управлять. Вы понимаете, куда я клоню?

² DGSE (фр. Direction générale de la Sécurité extérieure) — Генеральный директорат внешней безопасности Франции. Главная служба внешней разведки страны, подчиненная Министерству обороны. Отвечает за стратегическую разведку, проведение спецопераций за рубежом, радиоэлектронный шпионаж и противодействие внешним угрозам.

³ В когнитивной нейробиологии это общепринятая оценка: пропускная способность сознания составляет всего около 40–120 бит информации в секунду (5%), тогда как фоновые подсознательные процессы мозга — 95% (память, сенсорная фильтрация, автоматические реакции) обрабатывают до 11 миллионов бит в секунду.

Взгляд Ксавье стал ледяным.

— «Управляемый хаос»...⁴ Красивая формулировка для желания сломать действующее мироустройство и переписать историю под себя.

— Переписать историю?.. — Брюс повторил эту фразу смакуя, точно так же, как до этого пробовал винтажное бордо. — А разве не этим занимался каждый, чьё имя запечатлено в веках? История — не гранит, а пластилин. Взгляните на мировые религии — с точки зрения социальной инженерии это лишь разные языковые оболочки, созданные для одной цели: пере-записи матрицы человеческого мышления. И главный механизм в них — идея Конца света. Универсальный, безупречно работающий психоз. Как только масса ощущает дыхание гибели, она становится податливой глиной в руках того, кто предлагает спасение.

Ксавье скрестил руки на груди, сокращая дистанцию.

— Всё это — лишь древние сказки, Брюс, — ровным тоном ответил Ксавье. — Попытка человека оправдать своё бессилие перед биологическим увяданием. Вы всерьёз собираетесь строить современную стратегию на детских страхах перед грозой?

Брюс рассмеялся, качнув головой.

— Миф — это закодированная реальность. Каждая крупная религия — это не наивное верование, а строго выверенный социальный алгоритм. Армагеддон в авраамических культах, Рагнарёк у викингов, Кали-Юга у индусов... Везде заложен один и тот же сценарий: тотальная деструкция ради последующего перерождения. Внушите массе страх перед неминуемым концом — и она добровольно отдаст вам ключи от своей свободы. Вспомните Крестовые походы: обещание спасения души в обмен на реки пролитой крови⁵.

Ксавье сделал неторопливый глоток бордо, удерживая взглядом собеседника.

— Допустим. Но если эти концепции — лишь рукотворный инструмент управления, почему они не растворились в эпохе Просвещения? Почему идея Апокалипсиса прошла сквозь тысячелетия и прогресс её не выжиг?

— О, это мой любимый тезис, — глаза Брюса заблестели увлеченностью. — Страх Конца света вшит непосредственно в наш геном. Биоэволюционно мы прошиты под непрерывное ожидание угрозы — это фундаментальный инстинкт выживания. Наш гиппокамп и миндалевидное тело выискивают опасность даже там, где царствует абсолютный покой. Именно поэтому эсхатологический психоз лишь меняет одежды.

Он подался вперед, сокращая расстояние между их лицами до предела, где шепот звучит как приговор:

— Инстинкт неизменен, Ксавье: люди готовы сами уничтожить цивилизацию, лишь бы укрепиться в иллюзии, будто они способны ею управлять.

— И вы искренне убеждены, что мы стоим на пороге финала?

— Мы не просто стоим на пороге — мы уже переступили его. Мы летим в экологическую и социальную пропасть. Обыватели свято верят, что технологии их спасут, пока армии наращивают потенциал, а локальные конфликты сливаются в единую цепную реакцию. Вскоре планета превратится в пространство, где любые идеологии утратят смысл. Останется лишь одна математическая бинарность: выжил или умер.

⁴ Теория «управляемого кризиса» — это концепция, согласно которой кризисы (экономические, политические, социальные или военные) могут быть целенаправленно созданы или использованы для достижения определённых целей, таких как усиление власти, контроль общества или изменение глобального порядка.

⁵ Крестовые походы (1095–1291 гг.) — серия военно-религиозных кампаний Западной Европы за контроль над Святой Землёй. В 1095 году Папа Римский Урбан II объявил об обязательном «отпущении всех грехов» (индальгенции) и гарантированном спасении души для каждого, кто отправится воевать. В истории это один из крупнейших примеров религиозной мобилизации, когда духовное обещание вечной жизни использовалось властными институтами для ведения геополитических войн.

— И ваше кибернетическое устройство — это личная попытка оседлать хаос? — Ксавье отставил бокал, переводя разговор в оперативное русло. — Механизм создавался не ради научных публикаций.

— Устройство — лишь индикатор, — ровным тоном возразил Брюс. — Наглядная иллюстрация того, как жажда власти ведет систему к коллапсу. А Каррагер... Джим — это эталонный продукт нашей эпохи. Высококласный оперативник, аналитик, системный взломщик, привыкший слепо исполнять приказы, пока в его голове не вызрела иллюзия, будто он способен переписать правила игры. Человек, сеявший страх, мгновенно превратился в дичь, за которой теперь охотятся спецслужбы половины мира.

— И вы дали ему уйти? — Ксавье прищурился. — Позволили сбежать вместе с разработкой? И предлагаете мне поверить, якобы этот неуправляемый элемент — часть вашего великого замысла?

На губах Брюса расцвела улыбка. Он сцепил пальцы в замок, облокотившись на гранитную столешницу.

— В древних традициях существовал фундаментальный принцип: трансформация невозможна без фазы локального разрушения. В индуистском тримурти Шива разрушает миры не из злобы, а ради расчистки пространства для нового творения. Китайская метафизика Инь и Ян учит, что порядок и энтропия неразрывны. Каррагер — это не сбой. Это инструмент. Калиброванный квант хаоса, которому я позволил вырваться на свободу.

— Каррагер исчез, Брюс, — жестко перебил его Ксавье, взяв инициативу. — И не нужно прикрывать провал вашей службы безопасности восточной философией. Но меня интересует другое: что вы намерены делать, когда этот запущенный вами хаос выйдет из-под контроля?

— Тогда хаос станет вашей единственной реальностью. И вам придется учиться выживать в его эпицентре.

Директор DGSE не сводил с него пытливого взгляда.

— Прибор, способный взломать любой защищенный контур на планете... Вы уверены, что создали инструмент порядка, а не вбили последний гвоздь в крышку гроба цивилизации?

Брюс качнул алое вино в хрустале, наблюдая за игрой ночных бликов.

— Вы ставите вопрос, цена которого — миллиарды человеческих жизней. Но взгляните правде в глаза: наше устройство — лишь скальпель, позволяющий вскрыть и препарировать когнитивный хаос, в котором захлебывается мир. Вы ведь жаждете знать, где оно находится? Вполне естественный интерес для руководителя разведки. Архитектура, способная сканировать глобальный трафик, распознавать психологические паттерны миллиардов пользователей, манипулировать биржевыми индексами и обрушивать идеологии...

Пальцы Ксавье чуть сильнее сжали хрусталь.

— А если я скажу, что это устройство в ближайшие дни всё равно окажется в распоряжении DGSE?

Брюс взглянул на него с откровенно покровительственной жалостью.

— Удачи, Ксавье. Но искренне надеюсь, вы понимаете: если эта дверь откроется, она станет последней. Как для вашей дирекции, так и для Европы в целом.

— Вы наслаждаетесь ролью пророка апокалипсиса, — с легким налетом скуки отозвался Ксавье. — Неужели вы всерьез полагаете, что эти апокалиптические страшилки способны выбить меня из равновесия? Поверьте, это любопытный перформанс. Не более.

— Но вы ведь действительно не знаете, где Каррагер, — сочувственно произнес Брюс. — Неужели ваши аналитики до сих пор подают вам усыпляющие сводки в красивых черных папках? И вы искренне верите этим отчетам, пока в Елисейском дворце Президент готовит выговор за ваш... как там было сформулировано в вашей внутренней карте эффективности? «Опасное профессиональное застопорение»?

Игла точечного компромата вошла безупречно. Брюс не просто блефовал — он читал закрытые доклады французской разведки в режиме реального времени. Но Ксавье выдержал удар, не позволив ни единому мускулу на лице выдать шок.

— Своеобразные у вас представления об этике переговоров, — саркастично заметил он. — Вы декларируете «спасение цивилизации», но при этом демонстративно презираете тех, кто ежедневно удерживает эту цивилизацию от хаоса. Простите за откровенность, но ваша картина мира отдает банальной клинической социопатией.

Брюс издал смешок, покачав головой.

— Давайте избегать бытовой психиатрии, Ксавье. Мой взгляд на реальность не аномален — он просто очищен от иллюзий, как черный эспрессо без сахара. Горько, зато проясняет сознание.

— Я приехал сюда не за дегустацией ваших метафор, — Ксавье аккуратно выпрямил спину. — Подобные встречи — редчайшее исключение и для вас, и для меня. Но давайте отбросим пафос. Безопасность — это не метафизика. Это геополитика, а геополитика — это единственный реальный инструмент выживания наций.

— Инструмент выживания?.. — Брюс усмехнулся. — Изящный эвфемизм, которым чиновники оправдывают сомнительные операции. Вы закрываетесь «национальной безопасностью», подписывая санкции на внесудебные ликвидации и теневые сделки. Неужели вы думаете, что я не вижу механики вашей работы?

— Ваши претензии отдают дешевым антиглобализмом, — Ксавье брезгливо повел плечом. — Вы пытаетесь возложить на разведку вину за жесткие решения правительств, пока мы защищаем граждан от реальных угроз. И при этом маните неким мифическим «спасительным планом»?

— Потому что ваши институты — это отмирающая ширма, — в голосе Брюса впервые прорезалась жесткая эмоциональная сталь. — Человечество делится на тех, кто тонет в болоте мелкой политики, и тех, кто проектирует само будущее. Реальная власть вершится не на саммитах и раутах. Она строится в нейронных сетях и когнитивных центрах. И именно поэтому вы сидите здесь.

— Но всё это — лишь интеллектуальная партия, Брюс. К чему вы клоните? Излагайте мысли яснее, — сухо оборвал его Ксавье, удерживая голос в регистре делового спокойствия. — Если вы так ратуете за свободу, зачем вам прибор тотального контроля?

Миллиардер поднял на него взгляд, в глубине которого вспыхнул фанатичный блеск. Несколько секунд он молчал, взвешивая, насколько Ксавье готов воспринять масштаб замысла. Затем неспешно поднялся, оперся ладонями о спинку кресла и, возвышаясь над директором разведки, негромко произнес:

— Я не собираюсь уничтожить демократию, Ксавье. Вы уничтожите её сами. Своими руками. И сделаете это потому, что ресурсы, на которых держится ваша хваленая свобода, исчерпаны. Наша цивилизация — это слепой, прожорливый голем, пожирающий планету. И этот механизм неминуемо сломается в тот момент, когда ему больше нечего будет поглощать.

Он небрежным жестом указал на раскинувшийся внизу город, усыпанный миллиардами неоновых огней. Париж, вековой символ триумфа человеческого разума, вдруг показался Ксавье пугающе хрупким — словно светящаяся паутина над бездной.

— Планета задыхается в тисках тройного коллапса: климатического, ресурсного и демографического⁶, — продолжил Брюс. — С каждым часом антропогенное давление на экоси-

⁶ Концепция «планетарных границ» (Planetary Boundaries) — международная научно обоснованная модель устойчивости Земли (разработанная Стокгольмским центром жизнестойкости). Её суть заключается в том, что биосфера имеет четко измеримые пределы физической прочности. Климатический, ресурсный и демографический кризисы рассматриваются не как отдельные проблемы, а как каскадный механизм: перенаселение ускоряет истощение пресной воды и почв, а это, в свою очередь, усиливает дестабилизацию климата. Одновременное пересечение этих порогов ведет к системному, невосполнимому

стему растет. Люди живут дольше, пресной воды и пахотных земель становится меньше, а ваши цифровые технологии лишь ускоряют сжигание ресурсов. Что будет через пятьдесят лет? Через век? Вы хотите пассивно дожидаться, пока этот коллапс наступит сам, превратив агонию цивилизации в кровавую бойню за выживание?

— И поэтому вы решили форсировать финал? — Ксавье усмехнулся, хотя внутри у него всё сильнее натягивалась тетива тревоги. — Решили срежиссировать собственный Апокалипсис? Брюс, при всем уважении, это уже чистая, клиническая мания величия.

Миллиардер опустил обратно в кресло, изящно соединив подушечки пальцев.

— Мания величия — излюбленный ярлык посредственности, пасующей перед масштабом задачи. Называйте это трезвой математической оценкой. Человечество исчерпало лимит мирных эволюционных решений. Вся ваша государственная архитектура построена на компромиссах, а компромисс — это лишь попытка замести мусор под ковер в надежде, что разгрести его придется следующим поколениям. Все ваши президенты, кабинеты министров, генеральные дирекции спецслужб... Разве они способны на хирургическое решение? Нет. Хаос неизбежен. Но зачем ждать столетия хаотичного гниения, если мы можем запустить контролируемый кризис прямо сейчас? Пройти через точку перелома, разрушить отжившую систему и выстроить на её очищенном фундаменте новый тип цивилизации.

— «Новый порядок»... — Ксавье покачал головой. — Формулировки безупречны, Брюс. Но за ними скрывается банальное желание пустить под нож государственные институты, оставив миллиарды людей на произвол судьбы. Какова реальная цена вашего эксперимента в человеческих жизнях? Вы готовы стереть с лица земли половину населения ради вашей идеальной модели?

Брюс склонил голову.

— Я не стану отрицать ценность человечества. Но посмотрите на биологический носитель: он до ужаса уязвим. Мы полны идей, но именно они ведут к бесконечной энтропии — конфликтам, войнам, самоуничтожению. Современные алгоритмы превосходят нас в обработке данных, но они остаются бездушным кодом. Человек же — это сплав субъективности, медлительности и биологического шума. Мы — несовершенный черновик. Пока что.

Брюс подался вперед.

— Вы задумывались о коэффициенте полезного действия нашей системы? Человеческий мозг потребляет всего 20 ватт. Это мощность тусклой лампочки в коридоре. При этом он оперирует на частотах, сопоставимых с эксафлопсными вычислениями. Теперь взгляните на «Fugaku»: один из самых мощных суперкомпьютеров планеты выдает около 440 петафлопс⁷, но пожирает 28 мегаватт. Миллион к одному, Ксавье. Эволюция создала совершенный, энергоэффективный вычислительный узел, но мы до сих пор не понимаем алгоритмов его работы.

Ксавье слушал, не перебивая, хотя в его памяти моментально всплыли закрытые отчеты о попытках моделирования когнитивных функций.

— Проблема в масштабируемости, — ровно заметил он. — Я знаком с результатами японских симуляций на «K Computer». Чтобы симитировать всего один процент нейронной активности человеческого мозга в течение одной секунды, им потребовалось сорок минут работы восьмидесяти тысяч процессоров и полутора петабайт памяти. Мы не на миллиметр не приблизились к симуляции подлинного сознания. Технологии пожирают энергию, а мозг оста-

коллапсу биосферы.

⁷ Петафлопс (PFLOPS) — это единица измерения производительности суперкомпьютеров, обозначающая способность выполнять квадриллион (10^{15}) операций с плавающей запятой в секунду. Мощность мозга человека, если попытаться перевести её в эквивалент вычислительных операций, оценивается примерно в 1 эксафлопс (EFLOPS), что эквивалентно 1 000 петафлопс (10^{18} операций в секунду). Это делает мозг значительно мощнее самых современных суперкомпьютеров, таких как Fugaku (442 петафлопс).

ется черным ящиком, где каждый отдельный синапс совершает операции, которые мы даже не в состоянии оцифровать.

Брюс разочарованно качнул головой, словно речь шла о нерадивом студенте.

— Именно. Эти «гиганты» техники — лишь громоздкие костыли. А теперь представьте, что будет, если мы замкнем этот биологический потенциал в прямой нейрокибернетический симбиоз? Мощность машины помноженная на интуитивную непредсказуемость разума. Это скачок, который мы не имеем права пускать на самотек. Ресурсы планеты тают, и человечество не успеет раскрыть свой потенциал естественным путем. Мы обречены на деградацию, если не сделаем этот апгрейд насильно.

Ксавье впервые почувствовал холод, который не имел отношения к ночному воздуху Парижа. Раньше ему приходилось иметь дело с людьми, чей цинизм диктовался жадной наживы или территорий. Но перед ним сидел человек, для которого этика была лишь устаревшим программным кодом, подлежащим удалению ради «оптимизации». Это пугало своей абсолютной логикой.

Брюс говорил с той непоколебимой убежденностью, которая не нуждается в оправданиях и не признает внешних авторитетов. Для него не существовало ни норм международного права, ни этических барьеров.

— Все ваши академические построения о симбиозе звучат впечатляюще, — Ксавье откинулся назад, возвращая беседу в жесткую оперативную плоскость. — Но давайте к фактам. Где прототип устройства? И где Джим Каррагер? Рассуждения о вечном плохо защищают от ордера на арест.

Взгляд Брюса зафиксировался на зрачках собеседника.

— А если я скажу вам, что мы уже переступили порог? Мы установили прямой синхронный контакт между синаптической сетью человеческого мозга и квантовой архитектурой. На две секунды. Две секунды полной цифровой интеграции, Ксавье. В масштабе эволюции это не просто успешный опыт — это пробитая в стене дверь. Мы доказали, что человеческое сознание способно быть не просто наблюдателем, а первичным процессором.

Он выдержал паузу, давая весу сказанного опуститься на плечи директора разведки.

— Мы находимся на пороге фазового перехода. Симбиоз такого порядка сметут локальные геополитические конфликты. Это возможность выйти за пределы ресурсного голода, совершить колониционный рывок, создать машины, мыслящие со скоростью нейронного импульса.

Ум Ксавье работал как быстродействующий счетчик. Перед ним сидел преступник планетарного масштаба, вышедший за рамки привычной криминалистики. Ни признаний на диктофон, ни физических улик, которые можно было бы предъявить международному трибуналу. Арестовать его прямо здесь, на балконе «Shangri-La», означало спровоцировать колоссальный дипломатический и финансовый скандал без гарантии результата.

Из затененного зала на балкон бесшумно ступил охранник. Наклонившись к уху милиардера, он за несколько секунд передал сообщение и так же растворился в полумраке. Брюс проводил его спокойным взглядом, взялся за серебряные приборы и с хирургической аккуратностью отрезал ломтик стейка.

Сок мяса выступил на срезе.

Контраст между обыденным гедонизмом этой трапезы и нависшей над миром угрозой был почти невыносимым.

— Итак, Ксавье, — Брюс отправил кусочек в рот, не сводя глаз с визави. — Ваш вердикт?

— Допустим, я дослушаю вас до конца, — ровно ответил Ксавье. — Каковы условия входа?

— Вы сделаете всё, что потребуется, — Брюс аккуратно отложил приборы. — Кампания предполагает два последовательных этапа. Сначала вы доказываете лояльность, затем получаете доступ к архитектуре нового порядка. Мы спасем этот мир. Хотите вы этого или нет.

Ксавье замер, удерживая фасадную невозмутимость.

— Раскройте суть этих двух этапов.

Брюс пронзил его скрупулезным взглядом, точно взвешивая запас прочности своего оппонента.

— Сначала — принципиальное согласие, — Брюс откинулся на спинку кресла, всем видом выражая ленивое превосходство. — Проверка на лояльность будет куда совершеннее вашего архаичного полиграфа. А чтобы гарантии стали абсолютными, мне нужны ваши обязательства. Компромат, обличающие данные, наконец, прямой доступ к вашим личным счетам и близким. Не ищите в этом этики — это лишь рычаг давления на случай вашего предательства. И да, Ксавье, если вы решите дать ложный положительный ответ, последствия для вас и вашей семьи будут фатальными.

Брюс поддел вилкой кусок мяса, не сводя с него глаз.

— Это угроза, — спокойно констатировал он, отправляя стейк в рот. — Честный ответ джентльмена сэкономит нам обоим время.

Ксавье бросил короткий взгляд на застекленные окна. Там, в сумерках комнаты, едва различимые в тенях, застыли фигуры вооруженной охраны Холидея. Директор понимал: ступить на этот путь — значит навсегда вычеркнуть себя из числа свободных людей. Он знал, что в смежных залах отеля дежурит его собственная ударная группа. Но была ли это победа?

— Я не буду в этом участвовать, — отрезал Ксавье.

Холидей замер. В его взгляде, лишенном даже тени изумления, читалось лишь легкое разочарование.

— Вы сделали свой выбор, директор. Очень жаль. Поверьте, мне бесконечно жаль.

Он неспешно протер губы салфеткой, завершая этот ужин, как ставят точку в протоколе. Затем поднялся, расправляя плечи, и направился к балюстраде, спиной чувствуя напряжение Ксавье.

— Прежде чем отдать приказ о моем задержании, — Брюс обернулся через плечо, — я сдержу слово. Джим Каррагер в Париже. Прибыл вчера в Шарль-де-Голль под паспортом Вилла Лестрейда. Париж он не покидал.

Ксавье сохранял каменное лицо, хотя внутри его сознание работало в режиме аварийного анализа. Зачем? Ловушка? Искушение? Брюс улыбнулся — его спокойствие было убийственным.

— А теперь перейдем к финалу нашего вечера, — Брюс развел руками, демонстрируя полную готовность к аресту. — Вы предпочтете, чтобы я проследовал с вами добровольно, или вам нужно вызвать усиление, чтобы превратить это в фарс? Я задержан, верно?

— Вы правы, — процедил Ксавье, сдерживая ярость, готовую взорвать его выдержку.

Брюс с невозмутимым видом извлек из кармана смартфон и развернул его экраном к директору.

— Однако прежде чем вы наденете на меня наручники, взгляните на это. Немецкий банк «KfW», швейцарский «Zürcher Kantonalbank»... Счета зарегистрированы на вашу бывшую супругу. Весьма предприимчивая домохозяйка, не находите?

Лицо Ксавье, еще секунду назад сохранявшее каменную маску, пошло пятнами. Брюс жестом пролистал экран, демонстрируя новую страницу.

— А это, Ксавье, уже куда интереснее. Вы и две юные девушки. Боюсь, одной из них едва исполнилось пятнадцать.

Время в пространстве балкона схлопнулось. Директор застыл, лихорадочно пытаясь нащупать опору в реальности, которая рушилась на глазах.

— Что за черт!.. — он вскочил, с грохотом опрокинув кресло. Ярость, копившаяся часами, вырвалась наружу, но это была ярость обреченного.

— Прошу, без вульгарности, — Брюс убрал телефон, сохраняя спокойствие. — Эти файлы останутся в цифровом забвении, если наш диалог не выйдет за рамки этого балкона. Если же вы решите обнародовать свою «отредактированную» версию, я выложу исходники. Ставки, Ксавье, давно вышли за пределы вашей карьеры. Наша встреча окончена. Стейк, боюсь, окончательно остыл.

Брюс направился к выходу, не удостоив директора даже взглядом. Ксавье остался стоять в пустоте, судорожно вцепившись в край стола. Он был сломлен, унижен и, что хуже всего, полностью управляем.

Спустя минуту Брюс уже бесшумно скользил вниз в лифте в окружении охраны. Он набрал номер.

— Каррагер в Париже, — произнес он в трубку.

На другом конце провода раздалось прерывистое дыхание и гортанный ответ на арабском. Брюс отключился, жестом передал смартфон охраннику и бросил одно слово:

— Уничтожить.

У входа в «Shangri-La» его ждал черный лимузин. Брюс погрузился на заднее сиденье и, когда машина плавно тронулась, бросил помощнику:

— Запускайте протокол. Время пошло.

Глядя на огни Парижа, он не чувствовал триумфа. Только удовлетворенность хирурга, наконец-то сделавшего первый надрез в теле умирающей цивилизации. Для Брюса Холидея игра перешла в активную фазу. Для всего остального мира она только начиналась.

Глава 2

Лэнгли, штат Вирджиния. Сонные, покрытые густыми дубовыми лесами холмы округа Фэрфакс надежно скрывали от посторонних глаз бетонно-стеклянный монолит Разведывательного центра имени Джорджа Буша-старшего — штаб-квартиру ЦРУ. Это был стерильный, закрытый мир, где за глухими фасадами перекраивались государственные границы и выносились приговоры, о которых обыватель никогда не должен был узнать.

В самом сердце этого лабиринта, в кабинете директора Дилана Динлейка, царила тишина. Динлейк мерил просторное помещение шагами — не нервно, а методично, словно хищник в запертом вольере. Сигаретный дым пластами застывал под потолком, а оранжевый уголек вспыхивал в такт его рваному дыханию. Директор ЦРУ плевал на федеральный запрет на курение в правительственных зданиях: в его личном кабинете-крепости действовали только его законы.

В свои неполные семьдесят Динлейк сохранил выправку кадрового армейского офицера. Седящий жесткий ежик волос, грубые, высеченные из серого гранита черты лица: массивный упрямый подбородок, резкие скулы и глубоко посаженные глаза. Этот параноидальный, цепкий взгляд за десятилетия службы научился безошибочно вычленять ложь и слабость там, где другие видели абсолютную лояльность.

Обстановка кабинета служила продолжением его характера. Никакого дешевого офисного пластика — только тяжелое темное дерево, кожа и латунь. Монументальный персидский ковер глушил звуки шагов. Два массивных дубовых стола сходились под прямым углом, разделяя пространство на зону единоличного контроля директора и место для отчетов подчиненных. Дубовые стеллажи вдоль стен ломились от специальной литературы, исторических трудов и папок под грифом «Совершенно секретно».

Этот кабинет, защищенный от любых видов космического и акустического сканирования, был его цитаделью. Здесь, под тихий, едва слышный гул генератора белого шума, Динлейк проводил бессонные ночи. Редкие минуты передышки он запечатывал глотком чистого бурбона и горьким табаком.

Но сегодня покоя не было. Шесть утра. Тишину кабинета безжалостно разорвал резкий зуммер телефона прямой защищенной связи.

Динлейк замер, прижав трубку к уху. Сигарета, забытая в пепельнице, догорала, испуская тонкую струйку едкого дыма. Пальцы директора сжимали пластик с такой силой, что костяшки побелели, но голос оставался ровным и холодным.

— Слушаю, — коротко бросил он.

— Сэр, есть визуальный контакт. Мы установили его местонахождение.

В кабинете повисла пауза. Динлейк не шевелился, только желваки на его лице заметно дрогнули.

— Докладывай. Где?

— Проверка систем распознавания лиц в транспортных узлах дала результат. Париж. Аэропорт Шарль-де-Голль.

Париж. Город, который Динлейк всегда недолюбливал за его излишнюю мягкость, теперь становился ареной для самой грязной зачистки в истории управления.

— Он ушел из терминала? — вопрос прозвучал как щелчок предохранителя. Упустить Каррагера сейчас означало подписать себе смертный приговор перед комитетом по разведке.

— Да, сэр. Рейс из Латакии. Использует паспорт на имя Вилла Лестрейда.

— Сирия? — Динлейк нахмурился. — Какого черта он забыл в Сирии?

— Выясняем. Мы попытались организовать негласное сопровождение силами местной резидентуры, но объект нас «срисовал» через триста метров. Сейчас его местоположение не

установлено. Мы подняли всю наружку в округе, задействован каждый свободный агент. Сэр, есть смысл запросить содействие у префектуры полиции...

— Никакой полиции! — рыкнул Динлейк, и этот звук больше походил на хруст ломающихся костей. — Если вмешаются жандармы, всё дерьмо по проекту «Паук» всплывет в заголовках Le Monde⁸. Работаем только своими силами. Полная секретность.

— Понял вас, шеф.

— Сообщать мне о каждом его шаге. Приоритет — ноль. Привлеките лучшие группы зачистки из европейского отдела.

— Сэр, — голос подчиненного стал неуверенным. — Две наши лучшие двойки сейчас «глубоко» в Берлине. Если сорвать их без подготовки, мы обрушим годовую разработку по Бундестагу. Имеется серьезный риск утечки...

Динлейк не дослушал. Он с размаху ударил кулаком по столу. Тяжелая дубовая поверхность отозвалась глухим гулом, стакан с бурбоном мелко задрожал.

— Плевать на Берлин! Плевать на риск! — голос директора перешел на шепот, который был страшнее любого крика. — Решите этот вопрос в течение часа. И еще: я отправляю в Париж своего человека. Обеспечите ему полный карт-бланш и любую техническую поддержку.

— Будет исполнено.

Динлейк бросил трубку и опустился в кресло, чувствуя, как пульсирует жилка на виске. Каждое слово этого разговора вытягивало из него последние силы, накопленные за бессонные недели.

В дверь кабинета коротко постучали.

Динлейк не поднял глаз от бумаг, когда дверь бесшумно подалась внутрь. На пороге возник силуэт Доррис Уайт — его секретаря, человека, который знал об управлении больше, чем иные заместители директора. Безупречный деловой костюм, ни единой лишней складки, лиловый шелковый платок как единственный акцент в этой стерильной среде. Она была частью кабинета — невидимой, эффективной и абсолютно незаменимой.

— Сэр, — голос Доррис прозвучал ровно.

Дилан наконец поднял взгляд, и в нем отразилась вся накопленная за ночь ярость.

— Шерман, — отрезал он, не утруждая себя приветствиями. — Выдерните его. Пусть явится ко мне. Немедленно.

— Конечно. Что-нибудь еще? Кофе?

— Тройной эспрессо. Без сахара. И найдите Шермана. Сейчас же.

Доррис кивнула — одно короткое, почти механическое движение — и исчезла. Дверь закрылась без единого звука.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь сухим шорохом страниц. Дилан раскрыл папку с грифом «Операция „Паук“». Красная маркировка на обложке казалась свежей раной на теле документации. Он рыскал глазами по строкам, пытаясь вычленить хоть одну логическую зацепку, способную превратить Каррагера из неуловимого призрака в мишень. Полчаса пролетели как секунды, превращаясь в бесконечный ряд отчетов и тактических карт.

Раздался сухой щелчок селектора:

— Сэр, Шерман прибыл.

Дилан одним движением захлопнул папку, отсекая все сомнения.

Дверь бесшумно ушла в стену, и в кабинет шагнул Майкл Шерман. Полы пальто распахнулись, открывая массивную грудную клетку, обтянутую черной водолазкой. Шерман двигался с грацией сытого хищника — обманчиво мягко, но с той внутренней готовностью к прыжку, от

⁸ Le Monde (фр. «Мир») — ведущая ежедневная французская газета, основанная в 1944 году. Одно из самых авторитетных и влиятельных печатных изданий Европы, выполняющее роль «газеты записей». Известна глубокими журналистскими расследованиями; публикация на её страницах гарантирует международный резонанс и немедленный политический скандал высшего уровня.

которой у профессионалов срабатывает инстинкт самосохранения. Его взгляд, немигающий и острый, сразу же пригвоздил директора к месту. В этих глазах не было человеческой теплоты — только расчет и скрывааемый азарт убийцы.

— Директор, — протянул Майкл. В его низком тембре отчетливо слышалась наглая хрипотца.

— Садись.

Вместо того чтобы подойти к столу, Шерман демонстративно рухнул на кожаный диван в глубине кабинета. Он одним движением выудил сигарету, щелкнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку, не сводя глаз с Динлейка. Густая струя дыма поплыла к вентиляционной решетке, оставляя в стерильном воздухе Лэнгли едкий привкус неповиновения.

— Сядь к столу, Шерман, — Дилан указал на стул напротив себя.

Агент лишь ухмыльнулся, смакуя момент. Ему доставляло физическое удовольствие видеть, как подергивается жилка на виске его начальника.

— Да бросьте, мне и отсюда прекрасно слышно. А вот вам стоило бы дважды подумать, прежде чем выдергивать меня с объекта. Знаете, чем я был занят? Работал. — На лице Шермана расплылась садистская улыбка. — Плоскогубцы, сырой подвал, сенатор Грин... Звучит знакомо, не так ли? Вы прервали меня на самом интересном месте.

Динлейк с размаху ударил ладонью по дубовой столешнице. Гул пронесся по кабинету.

— Я сказал — сядь сюда и заткнись! — Динлейк перешел на рык, от которого в управлении обычно вытягивались в струнку. — Иначе я лично активирую протокол утилизации. Ты сдохнешь на этом ковре, захлебываясь в собственных судорогах, Шерман.

Шерман бесцеремонно перебил его, не дав закончить угрозу.

— Оставьте свои пугалки для стажеров. Ну же, рискните. Кто потом будет разгребать ваше дерьмо? Расскажите всем, что я — ваше карманное чудовище? Представляете, какой шум поднимется в комитете по этике, если я начну говорить? Давайте начистоту: вы позвали меня, потому что ваши штатные клоуны обосрались. Так признайте это: я — единственный, кто способен вам помочь.

Лицо Динлейка на мгновение окаменело. Взгляд директора, казалось, был способен испепелить на месте, но он заставил себя разжать кулаки. Он знал: Шерман прав. Этот ублюдок — его единственный козырь. Контроль над ним напоминал прогулку по минному полю, но выбора не оставалось.

— У нас нет времени на этот лай, — наконец произнес Дилан, возвращая себе самообладание. — Ты прав: я бы не тронул тебя без крайней нужды. Но это касается нас всех. Проект «Паук» вскрыт. Это — государственная измена приоритета «ноль».

— Государственная измена? — Шерман наклонил голову, изучая Динлейка. — Тогда почему вы дрожите, как школьник перед директором? Я-то могу в любой момент раствориться в тени, и ни одна ищейка меня не найдет. Это ваша шея в петле, Дилан. Но знаете, почему я всё еще здесь? Вы платите чертовски много, и... — он выпустил кольцо дыма, — ...ваши задания иногда по-настоящему забавны.

Динлейк сжал виски, пытаясь унять пульсирующую боль.

— Шерман, запомни: мы в одной лодке. Оступится один — ко дну пойдут оба. И если я лишусь головы, твоя отправится на свалку в тот же час.

В повисшей тишине Майкл прищурился, стряхнул пепел прямо на персидский ковер и пробормотал:

— Ах, как патетично. Прямо в сердце, шеф. Ладно, излагайте, что там у вас стряслось, раз вы решили спустить меня с цепи.

Динлейк тяжело выдохнул. Первый раунд борьбы за доминирование закончился вничью. Но сейчас это было неважно — хищник учуял запах крови.

Майкл поднялся с дивана, демонстрируя ту обманчивую легкость движений, которая свойственна лишь зверю, знающему цену своей смертоносности. Прозвище «Мясник» он оправдал не количеством трупов, а «хирургической» жестокостью, с которой привык обнулять цели.

— Ну, — бросил он, нависая над столом. — В какую именно клоаку вы планируете меня макнуть на сей раз?

— Присядь, — Динлейк указал на стул напротив. — То, что я скажу, тебя заинтересует. И поверь, это не прогулка по Гаити.

Шерман вскинул бровь. Выбив окуроч в пепельницу, он опустился на стул, всем корпусом подавшись к директору. Дилан же, собравшись с духом, разложил перед ним папку.

— Три года назад разведка вышла на след китайского исследователя Тао Чжоу. Он получил безлимитное финансирование от британского частного капитала на разработку системы «Паук».

Шерман скривился, в его глазах блеснуло презрение:

— «Паук»? Господи, вы в Вашингтоне все помешаны на комиксах? Где хоть капля фантазии?

Динлейк проигнорировал выпад, не сводя с наемника тяжелого взгляда.

— Мы отправили агента в Ланьчжоу. Он не вернулся. Но перед тем, как оборвалась связь, прислал отчет: «Ресурсы безграничны. Программа изменит всё». Это было последнее, что от него осталось.

— Кто спонсор этого британского цирка?

Динлейк заметно поморщился, вспоминая детали.

— После получения данных в Вашингтоне было созвано экстренное совещание. Хейз тогда поставил вопрос ребром: проект вышел далеко за рамки коммерческого шпионажа. Речь шла о системной дестабилизации. Программа «Паук» вскрывает любой контур безопасности за минуты: от банковских узлов до военных протоколов. Они сильны, Шерман. И если мы не перережем им артерии сейчас, через год эта технология сделает наши спецслужбы слепыми и беспомощными.

Шерман нахмурился.

— Источники надежные?

— Более чем. Но цена этой информации — жизни всех наших ребят, которые пытались к ней подобраться. — Дилан наклонился ближе. — Теперь осталась только последняя нить. Только ты и я.

Майкл выудил из пачки новую сигарету.

— Ладно... Заинтриговали. На что конкретно способен этот «Паук», кроме как воровать цифры с серверов?

Динлейк пристально всмотрелся в глаза агента.

— На уничтожение. И если ты сейчас откажешься, эта сеть поглотит страну быстрее, чем ты успеешь перезарядить оружие. Слушай внимательно: мы должны были внедрить человека в окружение Чжоу, но информация о кандидатах утекла. Мне пришлось действовать в обход штатных протоколов. Тогда ты работал на Гаити — громко, с кровью и пылающими стенами. А здесь требовалась тишина.

Что-то уловимое изменилось в плотной позе Шермана. Он медленно поднял взгляд. Каменная маска на его лице дала глубокую трещину, обнажая внезапно полыхнувшие звериным огнем глаза.

— Директор, — процедил он сквозь зубы. — Ты отправил кого-то из нас?

— Да.

Майкл перестал крутить сигарету. Он наклонился вперед, как готовый к прыжку зверь, и одним своим видом пригвоздил Динлейка к спинке кресла.

— Сколько нас выжило? Из тех, кто прошел твою кровавую мясорубку?

— Только двое. Ты и еще один.

Шерман выпрямился, и его взгляд стал прожигающим насквозь.

— Двое... — повторил Майкл, смакуя это слово. — И кто же этот второй, счастливчик? Почему я, чёрт возьми, никогда о нем не слышал?

Дилан тяжело выдохнул. Он понял: дальнейшие уловки бесполезны. Шерман был готов вырвать правду голыми руками.

— Джим Каррагер, — произнес Динлейк, и это имя повисло в кабинете, как приговор. — Он работал на меня так же, как и ты, но по параллельным каналам. Поэтому ты о нем не знал. Он... был на другой стороне поля боя, но по сути — на той же самой мясорубке.

— Очень интересно, — уголки губ Шермана подернулись нервной судорогой. — Расскажите мне всё о вашем «Каррагере».

— Каррагер, как и ты, — единственные выжившие. Вы оба — единственные, кто успешно прошел все этапы эксперимента и сдал психофизический тест «Сила воли» на максимальный балл.

Эти слова не просто открыли «давно запертую дверь» — они вырвали её с петель. В глазах Шермана полыхнуло адское пламя. От показной расслабленности не осталось и следа. Перед Динлейком сидел не просто человек, а кипящий котел первобытной ярости.

— Какое отношение ко всему этому имеет Каррагер? При чем здесь он и это... устройство?

— Когда я отправил Каррагера на задание, все пошло не по плану, — Дилан постарался удержать голос. — Ему было невероятно трудно внедриться в окружение Тао Чжоу. Китаец был параноиком высшей пробы. После почти года кропотливой работы Каррагер смог пробиться. Вскоре он стал его ближайшим соратником. Долгое время он не выходил на связь, мы решили, что он мертв... Но все изменилось, когда Каррагер спас Чжоу от покушения. Именно тогда ученый полностью доверился ему и раскрыл самую смертоносную разработку нашей эпохи.

— Что именно он раскрыл?

— Портативное кибернетическое устройство. Размер — меньше мизинца. Это не просто хакерский инструмент, Майкл. Это самонастраивающийся «когнитивный паразит», способный обходить любые сетевые протоколы, проникать в инфраструктуры двойного назначения, похищать квантовые данные, деактивировать оборонные комплексы и даже менять коды запуска ядерных ракет.

— И это всё?

— Помнишь, год назад мир содрогался от синхронных кибератак, парализовавших глобальную логистику и финансовые рынки? Это была работа «Паука». Но даже Каррагер, внедренный в самое сердце системы, оказался лишь пешкой в чужой игре. Тао Чжоу изобрел нечто гораздо большее, чем просто вирус. Это оружие в руках китайцев — стратегическая угроза, на фоне которой Холодная война покажется детской игрой.

Дилан уперся локтями в стол, сцепив пальцы перед лицом.

— Название «Паук» отражает саму суть технологии. Этот код не пробивает защиту в лоб, как таран. Он вплетается в цифровую ткань изнутри. Используя инженерии динамических морфологических алгоритмов, он непрерывно меняет собственную структуру под каждый узел системы. Для защитных фаерволов «Паук» выглядит не как угроза, а как родной, легитимный модуль. Он не ломает систему — он становится ее частью.

Шерман нахмурился, оценивая масштаб кибернетической диверсии.

— Иными словами...

— Иными словами, обнаружить его математически невозможно, — перебил Динлейк. — Он будет выкачивать данные прямо у тебя под носом, пока инженеры будут искать утечку в пустых логах. В теории этот вирус способен перехватить протоколы ядерного сдерживания

любой из ведущих держав. Однажды утром мир просто проснется в состоянии тотального коллапса, даже не поняв, кто нажал на спуск.

— Звучит изящно... — в голосе Майкла прозвучала темная тень уважения к врагу.

— Это не изящество. Это катастрофа, — глухо парировал Дилан.

— Китайцам стоит отдать должное, — усмехнулся Шерман, крутя незажженную сигарету в пальцах. — Но я полагаю, вы позвали меня не для того, чтобы читать лекции по кибербезопасности. К чему готовиться?

Лицо Дилана окаменело. В его глазах блеснуло искреннее отвращение.

— Каррагер изначально рассматривался как идеальный инструмент. Холодный, расчетливый, абсолютно автономный. Но абсолютных машин не бывает.

Шерман приподнял бровь, уловив смену интонации.

— Когда кольцо вокруг резидентуры Чжоу начало сжиматься, китайские службы безопасности вышли на след нашего агента. Каррагер должен был уходить в глубокий отрыв, оставив объект зачищаться силами ликвидаторов. Но он совершил ошибку.

Динлейк с силой ударил ладонью по столу, заставив чашки подпрыгнуть.

— Он влюбился. Влюбился в доверенную наложницу Тао Чжоу! Ты представляешь этот абсурд? Человек, прошедший все фильтры отбора, сломался из-за дешевой бабы! Он сорвал операцию, подставил сеть и попытался вытащить ее из-под удара, поставив под угрозу всю нашу агентурную паутину в Азии!

Динлейк схватил со стола пачку сигарет, вытряхнул одну и с яростью чиркнул спичкой.

— Знаешь, что самое омерзительное? — прошипел он, выпуская струю дыма в потолок. — Он прикончил Чжоу не ради выполнения приказа и не ради спасения родины. Он просто испугался за свою суку.

Губы Шермана изогнулись в откровенно издевательской усмешке.

— Значит, ваш «Паук» плел не только цифровые сети, но и... любовные кружева? — саркастично бросил он.

— Не смей шутить об этом, — прорычал Дилан. — Именно эта шлюха стала нашим провалом. Странное поведение Каррагера, его снисходительность к ней, попытки вывести из-под наблюдения — всё это вызвало вопросы у китайцев. В итоге они его раскусили. Именно это меня выводит из себя, Майкл. Люди, которые должны быть инструментами, превращаются в одержимых идиотов.

Директор ткнул пальцем в красную маркировку «Операция „Паук“» на лежащей перед Шерманом папке. В его взгляде читалась такая ненависть, будто он хотел испепелить всё, что было связано с Джимом.

— Поэтому я хочу видеть там тебя, — отрезал Дилан. — Что бы ни случилось, ты всегда останешься хладнокровным. Ты не свернешь с пути. Только ты.

— Если ты так разочарован в своем «счастливчике», — произнес Майкл, неотрывно глядя в глаза Динлейка, — почему не отозвал его раньше?

— Потому что у нас не было выбора. Каррагер был нашим единственным шансом. А теперь ты — наш последний. Он не заслуживал моего доверия, Майкл. Под маской профессионала скрывался слабак, ведомый инстинктами. Дисциплина — это архитектура. И если в ней хоть один несущий элемент дает трещину, рушится всё.

Шерман склонил голову набок, с язвительным удовольствием выслушивая исповедь шефа.

— Директор... Ты ведь знал, что это случится, не так ли? — в голосе Шермана прозвучала тонкая издевка. — У всех есть слабости, Дилан. У всех. Даже у тебя.

— Ты пытаешься трактовать мои приказы как развлечение? — Дилан рывком подался вперед. — Думаешь, мне нужно напоминать, каким ничтожеством оказался Каррагер?

— Но как ты проморгал такую проблему? Как профессионал твоего уровня, «гений организации», не заметил, что твой лучший агент выходит из-под контроля?

— Каррагер мастерски скрывал свои мотивы. Если честно, я слишком долго прикрывал его перед Хейзом, хотя что-то в нем настораживало. Но наш дорогой Джим всё испортил. Его погубила банальная похоть.

Голос Дилана понизился до глухого шепота:

— Я понял одну вещь, Майкл. Есть те, кто умеет любить — это биомусор. А есть те, кто готов уничтожить всё на своем пути. Ты из последних. Ты не Каррагер, — произнес директор, откидываясь на спинку кресла. — Вы двое — полярные противоположности. Он выбрал привязанности, слабость. А ты... ты просто делаешь свою работу.

Его взгляд блуждал по лицу Майкла, пытаясь выхватить хоть тень реакции. Но Шерман лишь провел пальцем по краю стола.

— Любопытно, — произнес Мясник. — Говоришь об этом так, словно завидуешь.

— Завидую? — Дилан рывком подался вперед. Его лицо исказила гримаса отвращения. — Я выжег бы это чувство из себя, как гангрену. Здесь нет места для зависти. Есть только холодный, безупречный расчет. И чем отличается профессионал? Он держит расчет даже тогда, когда вокруг рушится мир. Каррагер этого не умел.

— Так что же он сделал? — лениво спросил Шерман, подбрасывая в разговор ядовитый импульс.

— Этот идиот даже не понял, в какую ловушку угодил. Я доложил Хейзу о его провале, и он приказал немедленно свернуть операцию. Но связаться с Каррагером было уже поздно. Китайцы начали подбираться к нему слишком близко.

— И чем же закончилась эта мелодрама?

— Чем закончилось? — Дилан горько усмехнулся. — Его рассекретили. И этот идиот не нашел ничего лучше, как пустить пулю в голову Тао Чжоу, взорвать лабораторию и исчезнуть с прототипом. Ты хоть представляешь? Объект стоимостью в миллиарды, десятилетия технологического преимущества — всё превратилось в радиоактивный пепел из-за одного приступа сентиментальности!

Голос директора вибрировал от сдерживаемой ярости.

— Каррагер поступил как испуганный дилетант, а не как лучший оперативник Лэнгли. И я не советую тебе искать оправдания его поступкам.

Шерман прищурился, с интересом наблюдая за реакцией Дилана.

— Как минимум, у парня хватило яиц навести порядок по-своему, — сухо заметил он.

— Это была не храбрость, а тупость! — Дилан почти выплюнул эти слова. — Он поставил под удар всё управление. Проигнорировал прямой приказ и скрылся в «красной зоне».

— И каков итог? — Майкл лениво обвел рукой кабинет, приглашая Дилана продолжить этот затянувшийся спектакль.

Динлейк навис над столом, и его тень накрыла папку с документами.

— Он вернулся на радары не для того, чтобы сдать. Он вернулся, чтобы диктовать условия. Каррагер украл данные, которые принадлежат этой стране. И теперь он играет в одиночку. Мне нужны эти файлы, Майкл. И мне нужна его голова.

Дилан замолчал, изучая реакцию Шермана. Затем, наклонившись к самому лицу агента, он перешел на свистящий шепот:

— Я доложил Хейзу, что проект уничтожен, данные утрачены, а Каррагер погиб при взрыве. Я лично сфальсифицировал отчет о его ликвидации, чтобы вывести эту историю из-под надзора сенатских комитетов. Китайцы, хвала небесам, подыграли мне — они слишком боятся признать провал в Чжунгуаньцуне, поэтому подтвердили «смерть» объекта. Хейз проглотил эту наживку.

Майкл отложил зажигалку. На его губах заиграла опасная, понимающая усмешка.

— Разумеется, — протянул он. — Смерть подтверждена, концы в воду... И всё это ради чего, Дилан? Ради вашего истинного желания?

Скулы Динлейка окаменели.

— О чем ты?

— Вы могли бы просто списать Каррагера как системную ошибку. Но вы лгали Хейзу не ради репутации ведомства. Вы лгали, потому что «Паук» в ваших личных руках — это возможность плести любые сети, не отчитываясь перед Вашингтоном. Вам не нужны бюрократы над душой, когда у вас в кармане ключи от ядерного апокалипсиса.

— Заткнись! — рявкнул Дилан, с силой обрушив кулак на дубовую поверхность.

— Вот оно как... — тихо произнес Шерман, откидываясь на спинку кресла. Он выглядел абсолютно удовлетворенным. — Похоже, не только Каррагер возомнил себя богом. Вы ведете куда более грязную игру, чем кажется со стороны.

Выдержав тяжелый взгляд директора, Майкл заставил его первым отвести глаза.

— Как только стало ясно, что Джим ушел с данными, я бросил по его следу лучшие группы, — голос Дилана стал глухим и усталым. — Они должны были вернуть файлы и обнулить Каррагера. Но за ним оставался только кровавый след. Он убивал людей одного за другим, просчитывая наши ходы на два шага вперед.

— Можно подумать, вы втайне гордитесь своим выкорыщем.

— Это не гордость. Это ненависть. Этот человек стал моим персональным проклятием. Три месяца он был призраком, растворившимся в эфире. До сегодняшнего дня. Час назад наша резидентура подтвердила: Каррагер в Париже. Ты вылетаешь немедленно.

Дилан замолчал, вглядываясь в хищный оскал Шермана.

— Мне нужны украденные данные, Майкл. И мне нужна голова Каррагера на этом столе. Майкл неторопливо поднялся, отодвинув стул.

— Прекрасно, сэр. Кажется, эта прогулка мне по душе. Особенно её... интимный подтекст.

Дилан смотрел на него не мигая. Шерман поймал этот взгляд и ослабил еще шире, обнажая зубы в хищном оскале:

— Не волнуйтесь, Дилан. Ваши кровожадные амбиции всегда меня воодушевляли. Когда борт?

— Сейчас. Машина внизу, Хьюз ждет у входа. Все протоколы допуска активированы.

Шерман кивнул, развернулся и на ходу застегнул пальто. Его массивная тень скользнула по дубовым панелям стены, словно неотвратимое предзнаменование. Дверь бесшумно закрылась, отсекая его присутствие, но в кабинете еще долго витал запах его дешевого табака и дорогой смерти.

Дилан обессиленно откинулся на спинку кресла. Теперь, когда маска «железного директора» была не нужна, его лицо осунулось, обнажая сетку глубоких морщин. Он трясущимися пальцами выудил последнюю сигарету, жадно затянулся и, глядя в окно на серый рассвет над Вирджинией, тихо пробормотал:

— Это стоило сделать давно. Давным-давно...

Глава 3

Номер походил не на гостиницу, а на схрон, где прячутся от реальности. Повсюду царил хаос: на кровати громоздились бумаги, рядом был распахнут чемодан. Воздух в комнате казался густым, пропитанным едким запахом дешевого табака, застарелого пота и плесени, от которой першило в горле.

Обои свисали со стен лохмотьями, открывая грязные, покрытые грибком пятна. С потолка, на оголенном проводе, свисала тусклая лампа, выхватывая из темноты исцарапанный стол, разболтанную табуретку и шкаф, дверца которого держалась на честном слове. В углу жалась узкая кровать — куча сваленных одеял поверх продавленного матраса.

Из ванной вышел мужчина. Мощная фигура оперативника, чьи мышцы были лишены ненужной атлетической раздутости, свидетельствовала о годах изнурительной полевой работы, а не тренажерного зала. Обтирая бедра влажным полотенцем, он прошел по комнате, оставляя на скрипучих досках мокрые следы босых ног. Достал сигарету из измятой пачки и замер у окна.

За окном брезжил рассвет. Бледный свет, пробивавшийся сквозь слой уличной копоти на стекле, тонул в сером полумраке номера. Внизу, во дворе, ржавые качели одиноко покачивались на ветру.

Тишину разорвали крики в коридоре — хозяин отеля, не скупясь на отборную брань, требовал долги с кого-то из соседей. Джим резко затушил окурок в набитой пепельнице и перешел в режим полной готовности.

Быстро одевшись, он придвинул табуретку к столу и сел, погрузившись в изучение бумаг. Часы ползли медленно. Наконец, он закурил снова, глядя, как небо за окном окрашивается в синий цвет. Этот просвет в серости казался ему не символом надежды, а лишь индикатором того, что время уходит.

Он выдохнул дым и поднес зажигалку к стопке документов. Пламя жадно вгрызлось в бумагу, превращая отчеты и тактические схемы в невесомый серый пепел. Накинув потертую кожаную куртку, он подхватил чемодан, запер дверь и вышел в коридор.

У стойки регистрации сидел портье — тучный, обросший сальной бородой субъект, от которого разило вчерашним перегаром. При виде гостя он попытался было приподняться, но быстро оставил эту затею, окончательно увязнув в своем кресле.

— Мистер Лестрейд, вы уже уезжаете? — просипел он.

— Да, — Джим коротко бросил ключ на стойку.

— Как вам наш сервис? Понравилось?

Каррагер не удостоил его ответом. Он уже развернулся к выходу, когда за спиной раздался полный презрения голос хозяина:

— Ну и катись.

Джим вышел на улицу. Он пересек квартал за кварталом, прежде чем поймал такси.

— Аэропорт, — бросил американец водителю.

Город за окном расплывался в огнях, смывая следы его пребывания здесь. Все концы были обрублены, бумаги стали пеплом. Джим Каррагер оставлял это убогое прикрытие позади, не чувствуя ни капли жалости.

Ровно в 12:30 Джим вошел в терминал «Шарль-де-Голль». Его облик был выверен до мелочей: короткая стрижка, простая кожаная куртка, потертый деним. В этом образе «серого человека» не было ни одной детали, способной зацепить глаз случайного наблюдателя. Но внутри, за маской отстраненного спокойствия, работал аналитический процессор: каждый жест и звук аэропорта Каррагер фиксировал с точностью.

Аэропорт гудел: пассажиры, измотанные ожиданием, метались от стойки к стойке, ругались с автоматами, суетились. Джим скользил сквозь эту толпу как акула сквозь косяк мелкой рыбешки.

На табло горел ближайший рейс до Санкт-Петербурга. Стойка №3.

— Добрый день, месье! — сотрудница аэропорта была подчеркнуто любезна.

— Билет на ближайший рейс до Санкт-Петербурга, — ответил Джим.

Пока девушка сканировала паспорт, Каррагер, не меняя выражения лица, краем глаза вел периферийное наблюдение. Двое охранников в двадцати метрах. Слишком медленные, слишком расслабленные. Угрозы нет.

— Багаж?

— Один чемодан.

Процедура прошла без сучка. Получив талон, Джим направился к зоне досмотра. Здесь напряжение достигло пика. Металлоискатели, рентгены, вооруженные люди — зона, где любая ошибка стоила жизни. Он поставил чемодан на ленту, выложил ключи и телефон. Прошел через рамку. Короткий сигнал — чисто.

Но когда он уже потянулся за вещами, прозвучал резкий голос контролера:

— Месье, стойте.

Сотрудница службы безопасности жестом указала на его чемодан.

— Процедура досмотра. Откройте, пожалуйста.

Щелчок замка прозвучал в ушах Джима как выстрел. Полицейская откинула крышку. Внутри, в идеальном порядке, лежали папки с документами. Она начала их перебирать, мельком бросая взгляды то на бумаги, то на его лицо. Джим держал руки на виду, глубоко в карманы не прятал — это выдавало бы нервозность. Лишь едва заметно хмыкнул.

— Доклады. Материалы конференции, — спокойно пояснил он.

— Цель визита?

— Возвращаюсь после лекций. Финансовая аналитика. Поверьте, это скучнее, чем кажется, — в его тоне проскользнула легкая ирония.

Полицейская потянулась к ярко-желтой папке. Джим подался вперед, понизив голос до интимного полупшепота:

— Я бы крайне не рекомендовал вам изучать это детально. Там специфическая терминология и грифы доступа, которые вызовут у вас только лишние вопросы со стороны моего ведомства. Вам это нужно?

Сотрудница на секунду замерла, взгляделась в его уверенные глаза и поняла: она не хочет знать, что там. Она хочет просто закончить смену.

— Всё в порядке, — буркнула она, захлопывая чемодан. — Счастливого пути.

Джим подхватил чемодан и ушел вглубь зала ожидания, ища место, где можно было бы прикрыть спину. Он опустился в кресло у самого окна, подальше от основных потоков людей. Теплые лучи солнца падали сквозь стекло, подсвечивая пылинки в воздухе, но этот уют был иллюзорным: для Каррагера аэропорт оставался лишь транзитной камерой.

Он развернул газету, используя её скорее как щит, чем как источник информации. Взгляд скользил по заголовкам, но мозг отказывался считывать текст. «Санкции против Москвы», «Гуманитарный кризис в Сирии», «Развертывание контингента в Идлибе»... Это не были новости. Это был краткий пересказ его собственного послужного списка. За каждой строчкой Джим видел не политику, а запах гари, шум винтов и лица людей, которых больше нет.

До рейса оставалось три часа — самое опасное время для человека его склада. В тишине зала мысли неизбежно возвращались к цене, которую пришлось заплатить за этот побег.

Он понимал: предательство — это состояние, которое останется с ним до конца. Русские обещали безопасность, новую легенду и возможность «быть полезным», но Джим не питал иллюзий. В мире большой разведки «безопасность» — это лишь временное отсутствие приказа

на ликвидацию. Осматривая лица проходящих мимо пассажиров, он задавался только одним вопросом: какую часть своей души ему придется окончательно выжечь, чтобы прижиться в этой новой роли?

Чем ближе Джим был к своей новой цели, тем отчетливее он чувствовал, как рвется последняя нить, связывавшая его с Америкой. Глядя сквозь стерильное стекло терминала, он видел не взлетные полосы Парижа, а полумрак бара на Медл Вэлли Драйв — единственной гавани, где ему когда-то позволяли быть просто человеком.

Он кожей помнил запах этого места: смесь пролитого бурбона, дешевого табака и старой кожи. Помнил угрюмого Бенджамина Диксона, который стоял за стойкой с таким видом, будто охранял вход в преисподнюю, и всегда держал под рукой обмотанную изолентой битую. Помнил Нэнси Хилл — тонкую, хрупкую официантку, чья легкая походка была единственным изящным штрихом в этом царстве тестостерона и перегара.

Диксон опекал Нэнси с яростью цепного пса. Он был лучшим другом её отца — кадрового нелегала, которого Дилан Динлейк списал в утиль во время провальной операции в Лондоне. Нэнси осталась сиротой: мать растворилась в алкогольном тумане, и если бы не угрюмая доброта Бенджамина, вытащившего девочку из нищеты, её судьба была бы предрешена. В этом баре, напоминавшем подпольные «спикизи»⁹ времен Сухого закона, агенты Лэнгли «складывали оружие». Здесь действовало неписаное правило: за порогом Диксона все старые счета обнулялись. Но даже самые отпетые костоломы управления стихали, когда Нэнси подходила к их столику.

Джим возвращался туда снова и снова. И однажды он привел туда её.

Появление Веики стало для Диксона шоком — Каррагер никогда раньше не приводил женщин. Она была не просто красива: в её раскосых темных глазах таилась глубина, способная поглотить любого аналитика без остатка. Тот вечер они провели втроем, переходя от тяжелого рома к ледяному виски. Джим ловил каждое движение Веики, её звонкий смех, разрезающий плотный табачный дым. Он, привыкший просчитывать вероятности на десять ходов вперед, вдруг осознал, что в этой партии у него нет стратегии. Было только тихое, обжигающее чувство, которое он запрещал себе годами.

Бенджамин, уже изрядно захмелевший, косо взглянул на Джима и пробасил:

— Знаешь, крошка, в этом гадюшнике была только одна девочка, за которую я готов был пойти на мокрое дело. Теперь вас две.

Веики улыбнулась, задержав взгляд на Каррагере чуть дольше, чем позволяли приличия.

— А как же Джим? — лукаво спросила она. — Он меня не защитит?

— Этот-то? — Диксон хмыкнул. — Джимми — это машина, детка. Ходячий морг. С ним лучше не связываться. Но тебя он, пожалуй, в обиду не даст. Глотку перегрызет любому, кто косо посмотрит.

— Вот как? — Веики притворно нахмурилась, но в её глазах плясали искры азарта. — Жаль... А я, знаете, была бы не прочь принять его защиту в любой удобный момент.

Джим хотел что-то возразить, отшутиться, вернуть свою маску хладнокровного оперативника, но слова застряли в горле. Его молчание в тот вечер было громче любых признаний. Он тонул.

— Джим... — тихо произнесла Веики, коснувшись его руки, когда Бенджамин отвернулся к полкам. — Ты не представляешь, как мне важно быть здесь. С тобой.

⁹ Спикизы (speakeasy) — это подпольные бары, которые появились в США в 1920–1933 годах во время «Сухого закона», когда продажа, производство и транспортировка алкоголя были запрещены. Название «speakeasy» (буквально «говори тихо») связано с необходимостью скрытности: посетители должны были «говорить тихо», чтобы не привлекать внимания полиции.

Тепло её ладони прошило его насквозь. Он посмотрел на неё, пытаясь удержать контроль, но Веики — нежная, игривая и пугающе искренняя — не оставила ему шансов.

— Ладно, хватит нежностей, а то я сейчас расплачусь, — Диксон грохнул бутылкой по стойке. — Короче, вы оба для меня — семья. Без лишних слов.

Они шли по ночной улице, впитывая прохладу Вирджинии. Джим, обычно считавающий каждый шорох и каждое движение теней, в тот момент не замечал ничего, кроме её лица, подсвеченного дрожащим светом фонаря. Тысячи мыслей, привычных для аналитика, вдруг смолкли, уступив место тишине.

— Спасибо, — негромко произнес он, нарушив молчание. — За то, что ты здесь.

Веики посмотрела на него, и в этом взгляде было больше правды, чем во всех донесениях, которые он когда-либо писал для Лэнгли.

— Всегда, — ответила она.

Шум аэропорта навалился на него свинцовой тяжестью, мгновенно вытесняя призраки бара Диксона. Реальность не прощала пауз. До вылета оставались считанные часы, и от этих часов зависело всё: удастся ли ему дотянуться до спасительного берега или он останется в истории лишь очередной «утилизированной» единицей ЦРУ.

Русские гарантировали убежище, но Джим не был бы собой, если бы доверился одним лишь обещаниям. Он выстроил свою «страховку» — путь к публичности. Интервью с Романом Белкиным, въедливым и донельзя скандальным журналистом «Ведомостей», было его главным козырем. Белкин не умел играть по правилам, и именно это делало его идеальным рупором. Стратегия была проста: если интервью с описанием «Паука» и причин его побега выйдет в свет, международный скандал заблокирует любую попытку его ликвидации. Это был его личный ядерный чемоданчик, доступ к которому имел только он.

— Это интервью — единственный способ не превратиться в статистику, — пробормотал он себе под нос, закрепляя формулу выживания.

Пытаясь окончательно отогнать тревогу, Джим развернул газету, но тут же замер. В десяти шагах от него разыгрывалась сцена, которая показалась ему дурным предзнаменованием.

Молодая пара устроила истерику прямо у входа в терминал. Женщина кричала, размахивая руками, мужчина вжимал голову в плечи, пытаясь отстраниться. Прибывший офицер безопасности попытался вмешаться, но получил лишь новую порцию яростных обвинений. С каждой секундой конфликт набирал обороты, привлекая всё больше любопытных взглядов. Когда подоспел второй охранник, ситуация стала напоминать классический оперативный сбой: гнев, хаос, потеря контроля.

Джим сложил газету. Он видел в этом балагане не просто семейную драму, а кривое зеркало своей судьбы.

«Один в один моя ситуация, — подумал он, наблюдая, как мужчину под руки уводят в сторону поста охраны. — В этом хаосе у каждого своя роль. Кто-то срыгается, кто-то пытается купировать ущерб, кто-то просто хочет тишины. И никто из них не понимает, что за ними уже наблюдают».

Он откинулся на спинку кресла, чувствуя, как внутри нарастает холод. Он до сих пор пытался играть роль стороннего наблюдателя, но чувствовал, как невидимая петля с каждой минутой затягивается всё туже. Иллюзия контроля заканчивалась здесь, в терминале Шарль-де-Голль.

Глава 4

Вашингтон, 11:45. На лбу Дилана Динлейка выступила испарина. Он выглядел изможденным, словно только что завершил изнурительный многочасовой допрос, где в роли подозреваемого выступал он сам. Последний раз такое чувство подступающего краха он испытывал почти сорок лет назад, в Восточном Берлине, когда за спиной лязгнул затвор «Калашникова».

Директор смотрел на поверхность стола. Пять чашек с остывшим, горьким кофе и гора окурков в хрустальной пепельнице — немые свидетели бессонной ночи. В кабинете пахло застоявшимся дымом и старой бумагой. Часы на стене методично отсчитывали секунды, превращая каждую минуту ожидания в пытку.

Память, подстегнутая стрессом, услужливо подбрасывала кадры из прошлого. 1982 год. ГДР¹⁰. Ему тогда было двадцать шесть, и он верил в свою неуязвимость. Тот период конца Холодной войны был пропитан серостью и запахом бурого угля. Берлинская стена тогда казалась вечной, бетонным шрамом, разделившим мир на «нас» и «них».

Дилан с болезненной четкостью вспомнил свой первый серьезный прокол. Ночная погоня в районе Потсдама, лай овчарок, резкие выкрики пограничников и свист пуль над головой. Тогда он выжил лишь благодаря слепой удаче и звериному инстинкту, который позже сделал его директором Лэнгли. Именно там, в подворотнях Магдебурга, он усвоил главный закон: информация — это единственная валюта, которая имеет значение, а право на ошибку — это роскошь, которой у него нет.

В те годы мир бряцал водородными бомбами, но Дилан знал: настоящая война идет в тишине, за железными дверями конспиративных квартир. Свою первую звезду он получил за вербовку офицера из штаба Группы советских войск. Цена вопроса — обещание коридора на Запад. Результат — координаты шахтных пусковых установок, способных стереть с лица земли пол-Европы. Эта победа научила его рассчитывать только на себя.

Теперь, спустя десятилетия, Динлейк чувствовал, как фундамент его империи дает трещину. Он не строил иллюзий. Если Каррагер сольет «Паука», это не будет просто скандалом. Это будет аннигиляция. Волна накроет не только ЦРУ, но и похоронит под собой его самого. Отставка — это лишь формальность. Для Динлейка потеря контроля и позор означали фактическую смерть, даже если его сердце продолжит биться.

Перед глазами отчетливо всплывали заголовки завтрашних утренних газет: *«Директор ЦРУ уличен в сокрытии государственной измены»*, *«Архитектор шпионажа №1»*. Он уже видел себя перед камерами комитета Сената, за пуленепробиваемым стеклом, под перекрестным огнем камер и презрительных взглядов тех, кто еще вчера заискивал перед ним.

Никакие тюрьмы строгого режима не сравнялись бы с тем аппаратным адом, который ожидал его в случае утечки. Все его заслуги, десятилетия грязной работы, сломанные судьбы и выжженные дотла резидентуры — всё будет аннулировано одной строчкой в утреннем дайджесте.

Тишину кабинета разорвал зуммер защищенной линии. Доррис.

— Сэр, Дэвид Хант на прямой связи из Парижа. Срочно.

Дилан собрался в один миг, сбросив оцепенение. В голове пульсировала единственная мысль: *только бы не упустили*.

— Соединяй.

Голос парижского дипломата доносился через треск помех:

¹⁰ Германская Демократическая Республика (ГДР) — это социалистическое государство, существовавшее в Центральной Европе с 1949 по 1990 год на территории восточной части современной Германии. ГДР была образована после Второй мировой войны и находилась под влиянием Советского Союза.

— Сэр... Мы зацепили Каррагера.

Динлейк подался корпусом вперед, вперив взгляд в черную пластиковую трубку.

— Где он?

— Отель «France Louvre». Объект взял такси. По нашим данным, движется в сторону Руасси — Шарль-де-Голль.

Руасси¹¹. Последний рубеж.

— На хвосте кто-то есть? — голос директора упал до металлического скрежета.

— Наружное наблюдение ведет группа. Контролируем каждый поворот, сэр.

— Хант, забудь про стандарты оперативной работы, — чеканя каждое слово, приказал Динлейк. — Ликвидируй угрозу на месте. Забери чемодан. Любой ценой.

— Будет исполнено, сэр.

— И сразу на доклад. Чтобы через час от этой истории осталась только зачищенная зона. Вы поняли меня, Хант?

— Так точно.

Дилан бросил трубку на рычаг. Несколько секунд он неподвижно сидел в темноте кабинета, чувствуя, как адреналин отступает, оставляя после себя выжженную пустыню.

Когда-то, на заре своей карьеры, он верил, что служит великой идее. Но Берлинская стена пала, мир изменился, и старый шпионский роман превратился в циничный корпоративный спрут. Вернувшись из Европы в Вашингтон, он думал, что заслужил тишину в высоких кабинетах. Наивный глупец. Он угодил в паутину куда более опасную, чем советская резидентура — в паутину большой политики, где мораль была лишь сырьем для манипуляций.

Свою империю он выстроил на трупах и лжи. Он без колебаний сдавал агентов, чей срок годности истекал, стравливал департаменты, фабриковал досье на политических оппонентов и топил конкурентов в океане компромата. Этот цинизм принес свои плоды: он дорвался до вершины, став серым кардиналом Лэнгли.

Но сейчас, стоя лицом к лицу с зеркалом собственной системы, он отчетливо видел главного врага.

Джим Каррагер...

Любую рядовую утечку или бунт в конгрессе можно было замять, списав на издержки профессии. Но Каррагер был исключительным случаем. Слишком опасным, слишком осведомленным. Дилан с отрезвляющим осознанием признавал то, в чем боялся себе признаться годами: Джим знал слишком много о самых темных подвалах управления.

Что именно лежало в том чемодане?

Для сенатских комиссий это был лишь массив украденных цифровых файлов. Но Динлейк видел в них не компромат — он видел рычаг. Устройство было абсолютным инструментом геополитического шантажа, способным парализовать целые государства без единого выстрела.

И этот план он вынашивал в глубочайшем секрете от собственных коллег и Белого дома. Замысел был дьявольски прост: завладеть технологией, чтобы замкнуть все потоки принятия решений на себя. Дилан бредил властью нового типа — абсолютной, невидимой, стоящей за спинами марионеток-президентов и генералов.

Каррагер глубоко заблуждался, полагая, что играет в игру против системы. Увольнение директоров и крушение Лэнгли были лишь поверхностной рябью на воде. То, что разведка воспринимала как фатальный сбой, на самом деле являлось частью его собственного, вынашиваемого годами плана по переделу мира.

¹¹ Руасси — это название коммуны (общины) во Франции, расположенной в департаменте Валь-д'Уаз, в регионе Иль-де-Франс. Она известна прежде всего тем, что на ее территории находится аэропорт Шарль де Голль, крупнейший аэропорт Франции. Иногда, чтобы обозначить аэропорт, его называют «Руасси-Шарль де-Голль» или просто «Руасси». Однако, официальное название аэропорта — «Международный аэропорт Париж - Шарль-де-Голль» (фр. Aéroport de Paris-Charles-de-Gaulle).

Дилан поднялся из-за стола. Заложив руки за спину, он застыл у бронированного стекла, вглядываясь в безликие фасады правительственных зданий Вашингтона. Хаос в его голове наконец структурировался в неумолимую формулу.

Убрать Каррагера — значит удержать империю. А в этой игре существовало лишь два исхода: либо ты держишь в руках всё, либо ты превращаешься в прах.

Глава 5

Разговор с Динлейком ещё долго отдавался у Дэвида Ханта гулом в ушах. Американский посол беспокойно ёрзал в кресле, пока наконец не потянулся к полупустой бутылке виски. Налив себе, он достал сигарету и прикурил.

Алкоголь обжёт горло, но не принёс облегчения. Хант откинулся на спинку кресла, пытаясь хотя бы на несколько минут отгородиться от реальности, в которой на кону стояла не только операция, но и его собственная жизнь. Если всё провалится, полетят головы. Его — первой.

И это не было преувеличением. Опасность исходила не только от Джима Каррагера, но и от самого Динлейка: директор ЦРУ не терпел провалов и не оставлял свидетелей, способных связать их с его приказами.

Каррагер был не просто источником угрозы — он стал её катализатором. После предательства и похищения данных он исчез, оставив за собой сорванные операции, уничтоженные карьеры и людей, которых прежде считал инструментами системы. Он знал, что за ним придут. Его преследователи тоже понимали: впереди их ждёт не задержание, а смертельное противостояние.

К тому же последние операции Ханта — в России и на Украине — закончились провалом. Он сжал стакан, глядя на янтарный остаток виски, и представил, как быстро может рухнуть всё, что он с таким трудом выстроил.

Только бы они не узнали, сколько раз я уже ошибался.

Хант залпом допил виски и схватил телефон.

— Да?

В трубке отозвался Роджер Тайлер — агент, неотступно следовавший за такси Каррагера.

— Он не должен сесть в самолёт, — приказал Хант, стараясь, чтобы голос не выдал напряжения. — Устранить цель. Чемодан забрать. Любой ценой.

Он отключился и нажал кнопку селектора.

— Мария, Макэвой и Берк прибыли?

— Да, сэр.

— Тогда какого чёрта ты их не пускаешь?

— Сэр, я...

Связь оборвалась под ударом кулака по селектору.

В дверь почти сразу постучали. Не дожидаясь разрешения, в кабинет вошли два агента, экстренно отозванные из Германии.

Рон Макэвой, рыжеволосый и ещё слишком молодой для своей самоуверенности, первым нарушил тишину. Он улыбался так, словно предстояла не ликвидационная операция, а увлекательная игра.

— Ну что, повеселимся?

— Заткнись, — бросил Морис Берк.

Ветеран выглядел полной противоположностью напарника: пятьдесят семь лет, пятнадцать лет в горячих точках и три десятилетия в разведке. Его лицо было неподвижным, а взгляд — жёстким и тяжёлым; таким взглядом не предупреждают, а пресекают.

Макэвой пожал плечами и вместе с Берком сел напротив Ханта.

Посол не стал тратить время на вступления.

— Каррагер в Париже. Сейчас он направляется в аэропорт Руасси. Приоритет — устранение цели. Живым его не брать.

Он протянул Берку жёлтую записку с номером Тайлера.

— Наш человек ведёт его. Свяжитесь с ним и скоординируйте действия. Центральное управление высылает подкрепление, но вы должны закончить операцию до его прибытия.

Макэвой захлопал в ладоши, не скрывая восторга. Берк лишь кивнул, сжимая жёлтую записку в пальцах.

— Свободны, — бросил Хант.

Агенты вышли, и дверь за ними закрылась. Хант остался один. Несколько секунд он неподвижно смотрел перед собой, затем тяжело выдохнул, позволив себе осознать масштаб происходящего.

А если и этих двоих окажется недостаточно? Если Каррагер снова выскользнет?

Хант тряхнул головой, отгоняя сомнения. В памяти всплыл пронзительный взгляд Дилана Динлейка. Провал будет иметь катастрофические последствия — не только для операции, но и лично для него.

Пути назад уже не было.

С каждой минутой петля вокруг шеи Каррагера затягивалась всё туже.

Положив трубку, Роджер Тайлер подобрался, почувствовав, что добыча близка. Узкие тёмные глаза неотрывно следили за машиной впереди. В салоне сидел Джим Каррагер.

Когда такси остановилось у аэропорта Руасси, Каррагер вышел и направился к терминалу. Тайлер невольно задержал дыхание.

— Куда дальше? — спросил водитель.

Тайлер уже не слушал. Он вытащил деньги и бросил их на переднее сиденье.

— Без сдачи.

Дверь хлопнула. Когда таксист обернулся, заднее сиденье было пусто.

— Эй! Ваша сдача! — крикнул он вслед, но Тайлер уже растворился в людском потоке.

В терминале Каррагер ускорил шаг — ровно настолько, чтобы не привлекать внимания. Тайлер держался позади, выдерживая безопасную дистанцию: достаточно близко, чтобы не потерять цель, и достаточно далеко, чтобы не попасть в поле её внимания.

Каррагер направился к стойке регистрации. Тайлер встал в очередь двумя пассажирами позади. Когда подошла очередь Джима, Роджер опустил на одно колено, будто поправляя шнурок, и незаметно сократил расстояние.

— ...ближайший рейс до Санкт-Петербурга, — донёсся до него голос Каррагера.

Санкт-Петербург.

Если Каррагер сядет в самолёт, операция фактически закончится. В России он исчезнет за границей чужой юрисдикции, а вместе с ним пропадёт и чемодан.

Тайлер вышел из очереди. Рука сама потянулась к оружию, но он заставил себя остановиться. Полицейские стояли у выходов, курсировали между стойками, следили за пассажирами. Перестрелка в терминале превратит операцию в международный скандал — и, скорее всего, станет последним эпизодом его карьеры.

Нужно другое решение.

Он заметил урну у колонны. Подойдя к ней, Тайлер незаметно опустил внутрь свой пистолет. Теперь оставалось заставить французскую систему безопасности самой задержать Каррагера.

Он направился к ближайшему полицейскому и поднял руку.

— Простите, месье! — Голос слегка дрожал — настолько, чтобы казаться убедительным.

Полицейский повернулся к нему.

— Я боюсь, один из пассажиров несёт бомбу.

Лицо сотрудника мгновенно изменилось.

— Что вы сказали? Спокойно. Кто вы?

— Сезар Бруссо, — ответил Тайлер с безупречным французским акцентом. — Я наклонился завязать шнурок и услышал тиканье из его чемодана.

— Опишите подозреваемого.

— Мужчина около тридцати пяти лет. Среднего роста, с короткой бородой. Коричневый чемодан, потёртый по бокам... — Тайлер торопливо перевёл дыхание. — Прошу вас, я понимаю, что багаж проверяют, но если он пронесёт устройство дальше...

— Какое устройство?

— Я не знаю! — Тайлер повысил голос. — Но если это бомба, погибнут люди. Вы помните, чем закончилась история Мохаммеда Меры¹²? Хотите, чтобы здесь появились такие же жертвы?

Полицейский всмотрелся в его лицо. За годы службы он наверняка слышал немало панических заявлений, но волнение Тайлера выглядело правдоподобно — и достаточно опасно, чтобы отнестись к нему серьёзно.

Он схватил рацию и начал отдавать распоряжения коллегам.

Тем временем Роджер успел заметить, как Каррагер направился к зоне досмотра.

— Опишите звук точнее, — попросил второй полицейский, поднеся рацию ко рту.

— Тиканье. Неровное, будто сломались часы, — ответил Тайлер, заставляя голос дрогнуть.

— Спасибо за бдительность, месье. Мы передали информацию на пункт контроля. Если подозреваемый всё ещё здесь, его багаж досмотрят.

Полицейский расправил плечи, приняв на себя роль человека, предотвратившего катастрофу.

Но Тайлера такой ответ не устроил. Если Каррагер пройдёт контроль, шанс может исчезнуть.

— Месье, если вы его пропустите, погибнут люди, — сказал он тише, заставляя собеседника наклониться к нему. — Дайте мне взглянуть на пассажиров. Я сразу его узнаю.

— Это невозможно.

— Конечно. Но вы можете стать тем, кто остановил теракт. — Тайлер указал на женщину с двумя детьми, стоявшую неподалёку. — Посмотрите на них. Если этот человек пронесёт устройство дальше, кто будет отвечать за последствия? Ещё одна трагедия, ещё несколько семей, которым останется только смотреть новости и считать погибших...

Он сделал паузу, позволяя полицейскому самому достроить картину.

— Я уже потерял близкого человека, — добавил Тайлер. — Не хочу снова кого-то хоронить.

Двое полицейских переглянулись. Между недоверием и желанием поступить правильно пролегла тонкая грань. Наконец один из них кивнул:

— Хорошо. Пройдёмте со мной. Но не отходите и не вмешивайтесь.

— Разумеется. Спасибо.

Тайлер тут же поднял руку, будто вспомнил о чём-то важном.

— Только позвольте предупредить мою семью.

Не дожидаясь возражений, он направился к незнакомой женщине.

— Мадемуазель, простите за беспокойство. Не подскажете, который час?

Женщина взглянула на часы и назвала время.

— Спасибо. И... у вас замечательные мальчики. Уверен, они вырастут достойными мужчинами.

Она тепло улыбнулась. Тайлер ответил вежливым кивком и вернулся к полицейским.

¹² Мохаммед Мера — террорист, совершивший серию убийств на религиозной почве во Франции в марте 2012 года. Он был мотивирован радикальным исламом и ненавистью к евреям и французам. В общей сложности Мера убил 7 человек: 3 солдат, 3 детей и 1 учителя.

Этого оказалось достаточно. Перед ними стоял уже не подозрительный свидетель, а встревоженный отец, пытающийся защитить своих детей. Сомнения отступили, уступив место сочувствию и профессиональному азарту.

— Идёмте, — повторил полицейский.

Тайлер последовал за ним в диспетчерскую, не забывая держаться чуть позади. Полицейский сам расчищал ему путь, даже не понимая, что делает.

За контрольным пунктом Роджер замедлил шаг.

— Месье... — Он неловко прижал ладонь к животу. — Я могу воспользоваться уборной?

Полицейский нахмурился.

— Вам нельзя находиться в этой зоне.

— Понимаю. Но это срочно. У меня слабый желудок.

— Потерпеть не можете?

Тайлер опустил взгляд, изображая мучительное смущение.

— Боюсь, что нет.

Полицейский раздражённо выдохнул и махнул рукой.

— Ладно. Только быстро.

Тайлер вошёл в уборную и остановился, прислушиваясь. За дверью звучали приглушённые голоса, внутри было пусто. Он быстро проверил кабинки и только после этого выглянул в коридор.

— Месье... — позвал он дрожащим голосом.

Полицейский приблизился.

— Что?

Тайлер отступил на шаг, расширив глаза:

— Он здесь... У него пистолет.

Полицейский ворвался в уборную, вскинув пистолет. Роджер отступил в тень, давая «герою» сделать первый шаг.

Офицер был напряжен — дыхание сбивчивое, оружие в руках дрожало. Он проверял кабинку за кабинкой, не замечая того, что происходит у него за спиной. Роджер двигался бесшумно, как тень, отделившаяся от стены. Одно резкое движение — хруст шейных позвонков, короткий выдох, и обмякшее тело полицейского осело в руках Тайлера.

Он быстро подобрал оброненный пистолет, осмотрел форму убитого и усадил его на унитаз. Опустил штаны, запер дверь кабинки изнутри, перекинув засов с помощью ножа. Теперь со стороны это выглядело как обычное уединение. Убедившись, что всё выглядит достоверно, Роджер перемахнул через перегородку в соседнюю кабинку и вышел в коридор.

Он проследовал за Каррагером в зал ожидания и сел на скамью напротив, сливаясь с толпой.

В кулуарах Лэнгли об этом человеке слагали легенды. Его имя произносили шёпотом, обрастая мифами о призраке, который стер все следы своего существования. Роджер долго пытался представить этот «миф» в реальности. И вот он перед ним.

Джим Каррагер выглядел до нелепости обычным. Он сидел, закинув ногу на ногу, и читал газету с таким видом, словно был уставшим клерком, ожидающим задержанный рейс.

Тайлер сканировал его взглядом, пытаясь найти изъян: ухоженные руки, чистые ботинки, ни единого шрама. Либо это был безупречный актер, либо легенды о Каррагере были сильно преувеличены. Но Роджер знал: профессионал такого уровня никогда не покажет нервозности. Его маска обывателя была слишком идеальной, чтобы быть правдой.

«*Неужели этот человек стоит седых волос Динлейка?*» — подумал Роджер, с трудом подавляя усмешку.

Легенды гласили, что Каррагер обвел вокруг пальца лучших аналитиков ЦРУ и исчез, не оставив ни одной фотографии. Реальность же предлагала Роджеру мужчину в джинсах, кото-

рый просто хотел улететь в Санкт-Петербург. Но Тайлер не собирался расслабляться. Если Каррагер — призрак, значит, убить его будет так же непросто, как схватить дым.

Роджер оглядел зал. Охрана у входа, камеры под потолком, безучастные пассажиры. Любое действие должно быть выверено до секунды.

Убить тебя — только половина дела, — размышлял Тайлер, ощущая металл пистолета под курткой. Главное — забрать чемодан.

Роджер бегло просканировал зал: охранники у входа, камеры под потолком, равнодушные лица пассажиров. Мозг автоматически рисовал линии отхода, вычисляя зоны слепых пятен. Ошибка здесь означала бы не просто тюрьму, а «пожизненное» в подвалах французской разведки.

Этот чемодан проклят. Стоит ли он того?

Сообщение Ханта о подкреплении окончательно расставило приоритеты. Тайлер быстро набрал сообщение Берку: «Чемодан будет в углу зала, у колонны. Прикройте зону».

План был циничен: ликвидировать Каррагера, сбросить чемодан в условленном месте и раствориться в хаосе, который неизбежно вспыхнет после выстрелов. Пусть Берк и Макэвой забирают улики и принимают на себя весь удар службы безопасности.

Интуиция, ни разу не подводившая его в поле, кричала: это задание — билет в один конец. ЦРУ не оставляет в живых тех, кто слишком много знает. Похлопают по плечу, наградят, а через неделю — «случайная» передозировка или несчастный случай.

Каррагер прав. Система — это мельница, которая перемалывает своих же. Владеть чемоданом самому — единственный шанс остаться в живых.

Внезапно тишину зала разорвал визг. Пара неподалеку устроила безобразную сцену: женщина орала на спутника, обвиняя его в измене, а подоспевший охранник лишь усугубил конфликт. Суeta длилась всего минуту, но для Роджера этого было достаточно.

Это мой момент.

Он поднялся, чувствуя, как адреналин сменяется спокойствием. С каждым шагом миф о Каррагере таял, превращаясь в обычную плоть и кровь. Жизнь легендарного агента должна была оборваться здесь, на полу аэропорта, и Тайлер был готов написать этот финал собственноручно.

Глава 6

Ранним утром пятеро русских друзей покинули скромный парижский отель. На лицах читалась вчерашняя усталость, смешанная с утренним предвкушением. Трое из них, уже с вещами, ждали остальных в холле. Бледный свет, пробивавшийся сквозь стеклянные двери, разгонял остатки дремоты.

— Где их носит? — ворчал Артём, то и дело поглядывая на часы.

Сергей шагал из стороны в сторону. На его лице играла легкая улыбка — он мысленно возвращался к событиям прошлой ночи.

— Я поднимусь за ними, — примирительно бросил он и шагнул в лифт.

Под глухие звуки французского шансона кабина уносила его вверх. Мысли возвращались к вчерашнему вечеру: к улыбке Натальи, свету ее платья и музыке, в которой для них двоих остановилось время. Но по мере подъема беззаботность сменилась предчувствием перемен.

Когда двери разошлись, его встретил отстраненный взгляд.

— Не надо. Идём, — сухо бросила она, обходя его.

Он молча последовал за ней. Еще вчера они были ближе некуда, а сегодня казались чужими людьми. Париж за окнами казался серым и чужим, будто похоронил под собой ночные обещания. Даже когда Сергей попытался вернуть легкий тон, бросив шутливое приглашение на танец, Наталья лишь отвернулась, пряча за напускным безразличием растерянность.

— Нет, — коротко ответила она, но вспыхнувший на щеках румянец выдал её с головой.

— Значит, помнишь, — не отступал он, поддразнивая её воспоминаниями.

— Я была пьяна, — отрезала Наталья, избегая смотреть ему в глаза.

Внизу их ждал потрёпанный утренней суетой Артём и уже поданное такси. Артём занял переднее сиденье, а Сергей и Наталья устроились сзади. Всю дорогу до пригорода Сергей сыпал шпильками и двусмысленными намеками; Наталья то хмурилась, то срывалась на смех, не в силах сдаться по-настоящему.

Когда в салоне заиграла старая мелодия из кабаре, она попыталась выключить магнитола, но Сергей мягко перехватил ее руку, а водитель, уловив настроение, лишь прибавил громкости. В машине повисла наэлектризованная смесь напряжения и недавней близости, где Париж казался им ближе, чем когда-либо.

Вскоре город остался позади. Аэропорт Шарль-де-Голль встретил их привычным хаосом: гулом сотен голосов, объявлениями на разных языках и стуком колесиков по кафелю. Но для компании этот шум отошел на второй план — они держались вместе, образуя свой тихий островок посреди чужого потока.

Устроившись на свободных креслах у стены, друзья стряхивали остатки усталости.

— Голова раскалывается, — простонал Никита, прижимая к лицу холодную бутылку воды.

— Неудивительно, если вчера ты решил выпить всю карту французских вин, — хихикнула Марина.

Смех и шутки наполняли пространство легкостью. Наталья смеялась со всеми, но боковым зрением следила за Сергеем. Он откинулся на спинку кресла, и его взгляд вдруг стал пустым и цепким — он сканировал пространство, выискивая невидимые детали. В памяти Натальи всплывала вся сложность их отношений — постоянные попытки отстраниться, которые неизбежно заканчивались признанием: по-настоящему отпустить она его не могла. Всё было слишком глубоко, слишком сильно.

— Ты в порядке? — спросила она, наклонившись к его плечу.

— Всё нормально. Просто думаю, — ответил он, не отрывая взгляда от зала.

Сергей продолжал сканировать толпу, подмечая каждую деталь. Его взгляд скользнул по человеку в кожаной куртке, сидевшему в нескольких рядах от них. Мужчина держал перед собой газету, но в его позе сквозила едва уловимая напряженность.

Наталья, наблюдая за Сергеем, ощутила ту самую дистанцию. Его загадочность, отстраненность — стена, которую она так часто пыталась пробить. В такие моменты ей казалось, что она теряет его окончательно.

Внезапно зал аэропорта взорвался криком: молодая женщина, разъяренная и отчаявшаяся, обрушилась на своего спутника. К ним поспешили полицейские, и сцена на глазах превратилась в маленькую драму на фоне общего ожидания.

Сергей, склонившись к Наталье, с насмешкой прошептал:

— Спорим, сейчас будет пощечина?

Она лишь бросила на него взгляд, сдерживая улыбку. Даже в эпицентре чужого конфликта он оставался невозмутимым и циничным — таким, каким она его и знала.

Когда страсти улеглись, и пара под надзором службы безопасности направилась к выходу, Сергей подмигнул Наталье:

— Ты ведь тоже не всегда права.

— Но тебе нравится мне проигрывать, правда? — мягко парировала она.

Сергей улыбнулся шире:

— Тебе — всегда.

Наталья склонила голову, угадывая очередную игру Сергея. В её взгляде, пронизанном нежностью и силой, проскользнуло то, что она так старательно пыталась скрыть. Она отвернулась, надеясь спрятать чувства — и от него, и от самой себя. Но бороться было бесполезно: она давно приняла его со всеми его «острыми углами» и пугающими странностями. И всё же, перемены были заметны — его улыбки становились теплее, а за шутками всё чаще проглядывала искренность.

Сергей уловил её настроение, но, не желая нарушать хрупкое равновесие, перевел взгляд обратно к центру зала. В тот же миг женщина, не выдержав очередных извинений спутника, влепила ему звонкую пощечину. Хлопок эхом прокатился по залу, заставив публику вздрогнуть.

— Я же говорил, — рассмеялся Сергей.

Наталья откинулась на спинку кресла, и её рука невольно легла на подлокотник. В такие моменты она чувствовала себя уязвимой перед Сергеем: он умел влиять на неё без слов, одними только взглядами и полупамятками, оставляя её беззащитной и одновременно живой.

Сергей собирался склониться, чтобы прошептать что-то язвительное, но вдруг его взгляд замер. Словно невидимый магнит притянул его внимание к другой части зала.

Высокий, неестественно напряженный мужчина резко вскочил с места в соседнем ряду. Под давлением внутренней ярости, он стремительно двинулся к человеку, читавшему газету.

Тело Сергея подалось вперед. Взгляд стал колючим, а губы превратились в тонкую полоску. Наталья заметила, как напряглись мышцы на его шее, прежде чем он глухо произнес:

— Интересно...

Ей стало не по себе. Сергей вновь ускользал от неё, уходя за ту грань, где она его точно потеряет. Рядом с друзьями он был расслаблен, как игрок, уверенный в выигрыше. Но сейчас на его лице было что-то другое, то, что она видела редко. Невозмутимость на секунду уступила место хищным чертам.

— А здесь я абсолютно прав, — прошептал он.

Наталья почувствовала, как воздух в зале мгновенно остыл и стал тяжелым. Привычный, ироничный Сергей исчез за долю секунды — вместо него рядом сидел пугающий, опасный незнакомец.

Внезапно обстановка взорвалась. Мужчина выхватил из-под полы пистолет. Время замедлило свой ход, сфокусировавшись на блеске вороненой стали. В ту же секунду терминал прорезал истошный женский крик, возвестивший о начале катастрофы.

Джим Каррагер среагировал мгновенно. Отбросив газету, он мощным броском швырнул чемодан прямо в лицо Роджеру Тайлеру и тут же ринулся вперед. Удар чемодана сбил прицел нападавшего: грохнул выстрел, и пуля с мясистым звуком вонзилась в спинку кресла — туда, где мгновение назад находилась голова Натальи.

Сергей наотмашь рванул девушку за волосы вниз, буквально впечатывая в грязный кафельный пол и закрывая её своим телом.

Между Роджером и Джимом завязалась яростная схватка. Вокруг них мгновенно вскипел ад: паника охватила зал, испуганные пассажиры с криками бросали вещи, метались между рядами сидений и баррикадировались за чемоданами. Беспорядочная человеческая волна полностью перекрыла полицейским сектор обстрела.

Роджер отчаянно пытался удержать пистолет, но пальцы Джима мертвой хваткой вцепились в его запястье, выворачивая сустав. Снова грохнул выстрел, выбив фонтанчик каменной крошки из колонны. Двое охранников аэропорта, пригнувшись, прорывались к эпицентру борьбы, пока остальные силовики пытались взять стрелков в кольцо.

— Оружие на пол! Руки вверх! — заорал французский патрульный, целясь в катающийся по полу клубок.

Джим нанес короткий удар в печень Тайлера. Роджер согнулся, захлебываясь воздухом, и рухнул набок, увлекая Каррагера за собой. Пальцы Джима нащупали спусковой крючок зажатого между их телами оружия — сухой щелчок выстрела раздробил Роджеру пальцы. Пистолет дернулся, и шальная пуля в упор прошла шею подросшему полицейскому.

Офицер захрипел, зажимая рану руками, из-под которых хлынула темная кровь, и замертво повалился на кафед. Этот труп сработал как детонатор: силовики открыли огонь.

Каррагер среагировал профессионально — рванул на себя воющего от боли Тайлера, используя его как живой щит от полицейских пуль. По телу Роджера застучали глухие удары попаданий. Перекатившись за металлический каркас кресел, Джим по-пластунски рванул к выходу.

— Проверь его! Живой?! — крикнул один из патрульных, держа сектор.

Второй полицейский быстро склонился над изрешеченным телом Тайлера, протягивая руку к шее.

— Он...

Роджер, собрав последние силы, вскинул уцелевшую руку и выстрелил ему прямо в лицо. Офицер отлетел назад, превратившись в труп с остекленевшим взглядом. Третий патрульный дернулся на звук, но ствол Роджера уже смотрел ему в лоб. Грохнул выстрел, и пуля оборвала жизнь офицера прежде, чем он успел нажать на спуск.

В этот момент в терминал с восточного крыла ворвались Макэвой и Берк. Действуя слаженно и хладнокровно, они открыли перекрестный огонь на подавление, выкашивая уцелевшую охрану аэропорта.

Заметив, как жестоко Каррагер расправился с Роджером, Рон Макэвой юркнул за стойку информации, растворяясь в клубах порохового дыма. Каррагер, понимая, что его обложили, прижался к массивной бетонной колонне. Люди Динлейка продолжали зачищать терминал, стреляя во все, что двигалось. Истекающий кровью Роджер с трудом поднялся на ноги, его одежда намочила от багровых пятен, но ненависть давала ему силы.

— Каррагер! — захлебываясь собственной кровью, прорычал Тайлер.

Он выстрелил навскидку. Пуля лишь слегка царапнула плечо Джима, заставив его плотнее вжаться в бетонный столб.

Оглянувшись, Каррагер увидел, как Макэвой и Берк добивают раненых. Сзади, тяжело дыша и оставляя на полу кровавый след, к нему неумолимо приближался умирающий, но смертельно опасный Роджер Тайлер.

Джим осторожно выглянул из-за укрытия. Бетонная крошка сыпалась ему за воротник, а пули с визгом рикошетили от стен, превращая штукатурку в белое облако пыли. Путь к отступлению был отрезан. Каррагер понимал: как только прибывшие агенты закончат с патрульными, они зажмут его в клещи. В запасе оставались секунды, а единственный шанс выжить — добраться до тяжелораненого Тайлера и забрать его оружие.

Наталья, прижавшись к полу под металлическим каркасом сидений, содрогалась от беззвучных слез. Сергей, укрывая её своим телом от рикошетов, неотрывно следил за залом. Его взгляд скользил по траекториям движения стрелков. Выждав момент, когда Тайлер двинулся к колонне Каррагера, Сергей аккуратно отстранился от девушки.

— Стой... — выдохнула она, вцепившись в его рукав. — Серёжа, ты куда?

— Лежи тихо и не высовывайся, — шепотом приказал он.

Наталья попыталась удержать его, но его ладонь выскользнула из её руки. Стиснув зубы, она приподняла голову, провожая его полным ужаса взглядом. Грохот выстрелов заглушал всё вокруг, а Сергей, распластавшись на полу, быстро и бесшумно двигался в сторону убитого французского полицейского.

В этот момент Тайлер уже почти вплотную подошел к укрытию Джима. Секунда — и он выстрелит Каррагеру в упор.

Сергей, сохраняя пугающее хладнокровие, подобрал выпавший из рук мертвого жандарма пистолет и с силой запустил его по кафелю. Тяжелый черный металл скрежещущим визгом пронесся прямо под ногами Тайлера.

Роджер инстинктивно вздрогнул, оборачиваясь на звук, и на мгновение перевел ствол на притаившегося за телом патрульного юноши. Эта секунда стоила ему жизни. Из-за колонны молниеносно вырос Джим. Его рука не дрогнула — Каррагер дважды нажал на спуск, и пули вошли точно в голову агента ЦРУ.

Тем временем Берк и Макэвой зачищали прибывающее из соседних секторов подкрепление. Плитка терминала стремительно покрывалась кровью и стреляными гильзами. Действуя на чистых боевых рефлексх, они отсекали любые попытки силовиков организовать оборону.

Берк двинулся вправо, заходя к бетонной опоре, за которой укрылся Джим.

— Каррагер! — крикнул он. — Тебе некуда уходить. Мы оба знаем, чем это закончится. Сдайся, и мы сделаем это быстро.

Берк опустился на колено, собираясь сменить магазин, как вдруг Макэвой за спиной неестественно замер. Его пальцы разжались, пистолет с глухим стуком упал на пол, а сам он тяжело завалился навзничь. Шальная пуля тяжелораненого французского офицера вошла Макэвоей точно в основание черепа. Рон попытался подняться, но спинной мозг был перебит — ноги его не слушались, а в ушах стоял плотный, ватный гул.

Заметив шевеление недобитого патрульного, Берк мгновенно развернулся и хладнокровно всадил две пули ему в голову. Но Макэвой был списан — он остался лежать на полу, парализованный и беспомощный.

Каррагер и Берк замерли за параллельными колоннами друг напротив друга. Их разделяли всего несколько метров и невидимая стена порохового дыма.

В зале ожидания постепенно стихал крик толпы. Сквозь плач уцелевших женщин и детей пробивался лишь далекий, надрывный вой пожарной сирены. На терминал опустилась вязкая тишина.

Прижавшись к бетону, Джим проверил магазин забранного у Тайлера оружия. Два патрона. Всего два шанса выжить в этой дуэли. Берк не сделает глупостей — этот ветеран будет

выжидать до последнего, пока у Джима не сдадут нервы. Нужно было заставить его совершить ошибку.

Тишина, изредка прорезаемая сдавленными всхлипами, стала невыносимой пыткой. Внезапно одна из женщин не выдержала: обезумев от страха, она вскочила и бросилась к выходу. Резкий выстрел Берка мгновенно оборвал её бег. Тело рухнуло на кафед, багровая лужа начала стремительно растекаться под ней — это было жестокое предупреждение каждому, кто посмеет шевельнуться.

Джим, вжавшись в бетон, заметил нечто странное. Парень, притаившийся за телами убитых патрульных, внезапно поднял голову. Он несколько секунд пристально смотрел на Каррагера, а затем кивнул. Этот жест заставил Джима на мгновение замереть.

Наталья не сводила с Сергея взгляда. Она видела, как он медленно перерождается, как из-под маски её Сережи проступает лицо расчетливого чудовища. Она отчаянно затрясла головой, пытаясь найти слова, способные остановить этот самоубийственный шаг.

— Не надо... — выдохнула она одними губами.

Когда Сергей поднялся в полный рост, Джим инстинктивно вскинул ствол, целясь ему в грудь. Но палец на спусковом крючке замер. Что-то в осанке этого парня — наглая уверенность — заставило Каррагера выждать. Профессиональное чутье подсказало: этот русский вышел сюда не убирать руки за голову. Он ловил от происходящего адреналин.

Сергей вышел на открытое пространство между колоннами. Без оружия, с запятнанными кровью рукавами, он шагал с такой непринужденной легкостью, будто играл в рулетку с полной обоймой и смаковал каждую секунду.

— Ты слишком долго думаешь, — произнес он.

Из-за массивной опоры показался Берк. Ветеран ЦРУ мгновенно перенацелил пистолет на вышедшего в центр человека. Сцена полностью ломала боевой протокол: мишени не подставляются под огонь с такой пьянящей уверенностью, если только за ними не стоит кто-то.

— У тебя же всё под контролем, верно? — Сергей остановился ровно посередине, взглянув на Берка с прищуром игрока, ва-банк повышающего ставки. — Так стреляй.

В его глазах горел азарт. Так смотрит человек, идущий по натянутому канату над бездной без страховки — просто ради самого вкуса риска.

Именно этот аномальный драйв выбил Берка из колеи. Кадровый ликвидатор привык работать с теми, кто боится, прячется или судорожно нападает. Но противник, искренне кайфующий от смертельной угрозы, в боевых условиях воспринимается оператором как взведенный детонатор.

Берк на долю секунды замешкался, судорожно оценивая периметр и ища подвох.

Эта секунда стала роковой.

Грохот выстрела разорвал тишину. Каррагер, мгновенно уловивший заминку противника, выскочил из-за укрытия и точным одиночным выстрелом раздробил Берку кисть. Пистолет со звоном отлетел на кафед.

Терминал огласил надрывный, звериный вопль. Берк, зажимая кровавое месиво вместо руки, попытался, но Джим не дал ему шанса. Оказавшись рядом, он вскинул ствол и нажал на спуск. С глухим стуком тело последнего агента осело на кафед.

Десяток полицейских и трое американских агентов остались лежать в зале — их жизни оборвались в короткий миг между вдохом и вечностью. Терминал заполнил невидимый туман, сотканный из пороховой гари, запаха меди и парализующего отчаяния уцелевших.

Джим Каррагер стоял посреди этого рукотворного ада, вдыхая тяжелую гарь и запах свежей крови. Мечты о тихой гавани в России и новой жизни рухнули, как подкошенное бурей дерево. Теперь он был не беглецом, а целью №1.

Джим двинулся по залу. Его походка оставалась бесшумной, но для затаивших дыхание людей каждый его шаг отдавался в ушах могильным гулом. Уцелевшие заложники провожали

его взглядами, в которых плескалось безумное отчаяние. Они боялись даже моргать, чтобы не привлечь внимание этого человека, только что превратившего их мир в бойню.

Каррагер собрал разбросанное оружие убитых агентов и полицейских, проверил магазины. Затем его пальцы снова сомкнулись на ручке чемодана — проклятого груза, ставшего его приговором. Не обращая внимания на стоны раненых, он опустился на стул. Внешне Джим был пугающе спокоен, но внутри него бушевал шторм. Он знал: через считанные минуты аэропорт будет блокирован спецназом. Это его последняя остановка.

Прервав тишину, он заговорил — голос был сухим и резким, как щелчок затвора:

— Всем встать! Живее! Поднимайтесь, если хотите дожить до вечера!

Испуганные люди начали медленно подниматься, глядя на него с немим вопросом.

— Баррикадируйте выходы! — приказал Джим. — Тащите всё: кресла, стойки регистрации, автоматы с едой. Забивайте проемы мебелью! Живее! Завешивайте окна одеждой, мне нужен нулевой обзор снаружи!

Джим выпрямился, и атмосфера в зале стала физически давящей. Он обвел толпу взглядом, который ощущался каждым как острие ножа у горла.

— Слушайте меня внимательно. Кто попытается напасть — умрет. Кто не выполнит приказ — умрет. Кто решит сбежать... — он выдержал долгую паузу, — ...умрет еще быстрее. За работу!

Этот вердикт не допускал возражений. Толпа, движимая животным страхом, пришла в движение. Люди в панике хватали стулья и чемоданы, строя из них нелепые, но плотные стены, надеясь этим слепым подчинением выторговать себе еще несколько минут жизни.

Джим не терял ни секунды. Он расстреливал камеры наблюдения под потолком: пули крошили объективы, одну за другой выжигая «глаза» внешней системы слежения. Он окончательно отрезал терминал от остального мира.

Снова опустившись на стул, он почувствовал, как бешеная пульсация в груди сменяется безразличием. Он не хотел такого исхода. Он хотел тишины. Но теперь, когда мосты сожжены, а за дверями неизбежно смыкалось кольцо французского GIGN, оставался лишь один путь — до конца.

Джим глубоко вздохнул и посмотрел на своих заложников. Теперь их безграничное, парализующее отчаяние стало его главным щитом и единственным оружием в предстоящем финальном манифесте.

Менее чем через пятнадцать минут эфир ведущих мировых телеканалов и ленты новостей взорвались экстренными сообщениями. Кадры со смартфонов выживших пассажиров, бегущая строка на France 24, CNN и BBC: «Бойня в Шарль-де-Голль», «Захват заложников в терминале Руасси», «Неизвестные открыли огонь по полиции Парижа».

Парижский аэропорт мгновенно стал главной точкой на карте мира. Обыватели видели в этом очередную вылазку террористов, но в штаб-квартирах мировых разведок — от Ясенево до Пекина — аналитики уже сопоставляли факты.

Личности убитых нападавших не оставляли сомнений: ЦРУ провело отчаянную ликвидацию прямо на территории союзников. Это означало лишь одно — объект, за которым охотился Вашингтон, всё еще заблокирован в терминале. Секрет проекта «Паук», который Динлейк так тщательно оберегал, трещал по швам. Иностранные спецслужбы мгновенно перевели свои европейские резидентуры в режим максимальной готовности. Сделка века превратилась в открытую охоту.

В Лэнгли, в кабинете директора ЦРУ, бушевала буря. Узнав, что Каррагер в одиночку перебил его лучшую ликвидационную группу, Дилан Динлейк потерял контроль. Хрустальный

стакан с остатками бурбона со свистом полетел в стену, разлетевшись на тысячи сверкающих осколков, которые усыпали дорогой персидский ковер.

Динлейк тяжело дышал, его лицо потемнело от ярости, а жилы на шее натянулись до предела. Все его псы были мертвы. Локальная спецоперация обернулась международным позором и аппаратной катастрофой. Единственным козырем в этом проигранном матче оставался Майкл Шерман, чей борт только что коснулся парижской земли.

Глава 7

Уолтер Дюран стоял у окна кухни, наблюдая за утренним садом. В его правой руке была зажата трубка, а левая рассеянно сжимала край подоконника. На столе, в лучах утреннего солнца, переливался фарфор чайного сервиза, но Уолтер этого не замечал. Вся его сосредоточенность была направлена на то, что звучало из динамика.

— Вас понял... Через сколько? ... Теракт? ... Хорошо, доложусь, как только буду на месте. Собираюсь.

Он убрал телефон в карман и только сейчас заметил Джаннет, застывшую в дверном проеме. Её взгляд был настороженным — она привыкла считывать с его лица даже то, что он пытался скрыть.

— Что случилось?

Каждый такой звонок для неё был сигналом тревоги. Мир её мужа всегда был отравлен миром преступности, где грань между жизнью и смертью стиралась в одно мгновение.

— Аэропорт Руасси, — выдохнул Уолтер. — Захвачен терминал. Заложники. Префектура¹³ ждет меня на месте, Жак уже выехал.

Джаннет побледнела. Она знала этот тон — тон человека, который больше не принадлежит себе.

— Но сегодня суббота... у тебя выходной, — голос её дрогнул от отчаянной надежды. — Уолтер, пожалуйста.

Он подошел и мягко взял её за плечи. Его прикосновение всегда действовало как якорь, но сейчас руки комиссара¹⁴ были отстраненными.

— Это приказ, Джанни. И, скорее всего, всё решится быстро. Я буду дома к ужину.

— А жандармы? Разве GIGN¹⁵ не берет это на себя?

— Они вмешаются, но пока я должен взять управление в свои руки. Ситуация неясна.

Она прижалась губами к его лбу — её губы были горячими, а голос превратился в шепот:

— Уолтер, ты же помнишь, что случилось тогда? Будь осторожен. Ради всего святого...

Он притянул её к себе, чувствуя, как дрожат её пальцы, вцепившиеся в его рубашку.

— Я буду предельно осторожен. Обещаю.

— Оставь это, — она посмотрела ему в глаза, и в её взгляде читалась мольба, пробившая даже его «комиссарскую» броню. — Ты мог бы уйти на пенсию. Прямо сейчас.

Уолтер на секунду замолчал, глядя на её волосы глубокого цвета баклажана.

— Давай сделаем так: на следующей неделе я беру отгул. Поедем в Тюильри. Сходим в музей, потом в кино... И я куплю тебе то самое фисташковое мороженое с джемом, — он улыбнулся, пытаясь отогнать тень, упавшую на их утро.

— Папа! Папа! — раздался звонкий детский крик. — Скорее сюда!

¹³ Префектура полиции Парижа (Préfecture de Police de Paris) — структурное подразделение Министерства внутренних дел Франции, осуществляющее охрану правопорядка в Париже и прилегающих департаментах «Малой короны» (О-де-Сен, Сена-Сен-Дени и Валь-де-Марн). Префектура несёт прямую ответственность за обеспечение безопасности и координацию экстренных служб в трех главных аэропортах столичного региона: Шарль-де-Голль, Орли и Ле-Бурже.

¹⁴ Комиссар полиции (Commissaire de police) — высший должностной чин в структуре Национальной полиции Франции, относящийся к категории руководителей и стратегов. В отличие от оперативного состава, комиссар наделен широкими административными и судебными полномочиями: он возглавляет территориальные подразделения (комиссариаты), специализированные бригады или антитеррористические штабы. Это звание подразумевает ответственность за общее руководство крупными операциями и координацию действий с высшими органами государственной власти.

¹⁵ GIGN (Groupe d'Intervention de la Gendarmerie Nationale) — элитное антитеррористическое подразделение Национальной жандармерии Франции. Благодаря специфике жандармерии отряд сочетает функции спецназа как вооруженных сил, так и правоохранительных органов. Ключевые задачи подразделения — проведение контртеррористических операций, ликвидация особо опасных вооруженных преступников и освобождение заложников в условиях повышенной сложности.

Редкий выходной, который они проводили у родителей в Нуази-ле-Сек, был разрушен в одно мгновение. Уолтер отпустил жену, и они вместе пошли в гостиную, навстречу суете, где еще пару минут назад царил покой.

Десятилетняя Жасмин сидела на диване, крепко сжимая пульт. Хрупкая фигурка, светлый сарафан и две косички-ушки — она казалась обычным ребенком, если бы не рваный шрам от ожога на щеке. Этот след был немым свидетельством того, что мир за пределами этого дома умеет убивать. Она завороченно смотрела новости, выискивая в кадрах знакомую фигуру, чтобы с восторгом крикнуть: «Папа! Это ты!».

Тень трагедии двухлетней давности изменила её навсегда. Пока другие дети играли в куклы, Жасмин зачитывалась историческими хрониками и жадно ловила каждое слово из рассказов отца о его работе. Уолтер пытался «смягчать» свои истории, но девочка обладала пугающей проницательностью — она видела то, что он старался скрыть за паузами.

Иногда по вечерам Уолтер пытался отгородиться от семьи стеной из папок и уголовных дел. Закрывшись в кабинете, он погружался в мир улик. Жасмин чувствовала это. Дождавшись, когда щелкнет замок, она тайком проскальзывала внутрь и, пока отец не видел, разглядывала снимки с мест преступлений, пытаясь найти в них свою логику.

Сначала Уолтер надеялся, что это просто игра. Но вскоре его охватил страх: дочь шла по тропе, которая была слишком опасна для её нежной психики. Он пытался отвлечь её подарками: куклы, шелковые платья, туфельки... Жасмин оставалась равнодушной. Её сокровищами были потрепанные детективные романы и сводки происшествий. В конце концов комиссар сдался. Скрывая тревогу под маской наставника, он начал обучать её, превращая сложные расследования в интеллектуальные игры.

Как-то вечером, в тусклом свете настольной лампы, Жасмин с жадностью наблюдала, как отец раскладывает фотографии. Уолтер пытался прикрыть рукой самые жуткие кадры: разорванную плоть и предсмертные оскалы. Но его «маленький сыщик» уже всё видела краем глаза.

— Видишь ли, принцесса, — Уолтер закончил очередной рассказ с печальной улыбкой, — у каждого преступления есть мотив. Кто-то искренне верит, что творит благо, кто-то слепо подчиняется инстинктам. Наша задача — понять их, прежде чем они нанесут новый удар. Помни: не каждый преступник — чудовище, и закон, увы, не всегда равен справедливости.

Жасмин слушала, подперев подбородок ладошкой. Когда он замолчал, она гордо выпрямилась:

— Скоро я вырасту и буду ловить их вместе с тобой, папа!

Уолтер нежно улыбнулся, но в груди заныло.

Не такой судьбы я хотел для тебя, девочка.

— Ну же, папа! Расскажи ещё! — не унималась Жасмин.

— Хватит на сегодня, — он попытался закрыть папку, но рука его дрогнула.

— Но папа!..

— Я сказал — хватит! — рявкнул Уолтер, и голос его хлестнул по комнате как выстрел.

Свет в глазах Жасмин погас в одно мгновение. Она опустила голову, пряча взгляд под челкой, и сцепила пальцы. Уолтер тут же почувствовал острый укол вины. Эта вспышка ярости была вызвана не её капризом, а его собственным бессилием перед её неумолимым желанием шагнуть в ту бездну, из которой он пытался её вытащить.

— Жасмин, — Уолтер опустился перед девочкой на колени и бережно взял её маленькую ладонь в свои. — Моя работа — это не игра. Она слишком опасна. Ты еще слишком мала, чтобы видеть то, что вижу я. Подрастешь — и сама всё решишь.

— Я всё равно буду их ловить, папа, — прошептала Жасмин, поднимая на него полные слез зеленые глаза. — Они плохие. Они лишили тебя глаза... они сделали это со мной, — она коснулась пальчиком шрама на щеке. — Сколько людей страдают из-за них? Помнишь тот день

в супермаркете «Ариэль»? Сколько жизней они тогда забрали? Я просто хочу, чтобы больше никто не чувствовал такой боли.

Горло Уолтера сдавило спазмом, к глазам подступили слезы. Он крепко прижал дочь к себе, пряча лицо в её волосах.

— Я... я тебя научу, — прошептал он, сдаваясь окончательно. В этот момент он понял, что бороться с её призванием — значит бороться с её природой. Она была его дочерью до последнего вздоха.

Шестилетний Даниэль — черноволосый ураган энергии — сидел на коленях у деда Адама, с восторгом разглядывая картинки в книге про гоночные машины. Эмили, семидесятичетырехлетняя мать Уолтера, бережно раскладывала по фарфоровым тарелкам куски бисквитного торта, поливая их горячим шоколадом. Несмотря на возраст, её движения оставались легкими, а взгляд — живым.

Глядя на мать, Уолтер всегда вспоминал, через какой ад ей пришлось пройти, чтобы они сегодня могли сидеть в этом уютном доме в Нуази-ле-Сек. Её история, начавшаяся в грязных трущобах Детройта, была соткана из боли. Юная Эмили когда-то отдала сердце Дантреллу, лидеру местной уличной банды, слишком поздно разглядев в нем безжалостного хищника.

Её отец, старый рабочий Уолтер, в честь которого позже назвали комиссара, пытался вытащить беременную дочь из этого кошмара. Он видел, как она возвращалась домой глубокой ночью с синяками и кровоподтеками. Когда Дантрелл попытался подставить Эмили, обвинив её в убийстве и ограблении на сто двадцать тысяч долларов, старик Уолтер пошел на крайность. Он продал дом, всё имущество и на последние деньги купил ей билет в один конец — во Францию. Он обещал, что они скоро увидятся, но это была их последняя встреча.

Эмили бежала сначала в Марсель, затем в Париж, где родила сына. Позже судьба свела её с Адамом Дюраном — простым французом, который полюбил её и маленького Уолтера как родных.

Накопив денег, Эмили вернулась в Штаты, чтобы забрать отца, но опоздала на годы. Старик Уолтер был застрелен Дантреллом в своем пустом доме в тот самый день, когда отправил её за океан.

Возмездие настигло Дантрелла позже, в федеральной тюрьме, где его жизнь оборвали другие заключенные. Это была грязная, неотвратимая смерть, которая принесла Эмили лишь слабое облегчение. Она вымыла тысячи тарелок в парижских бистро и выстроила для своего сына будущее. И теперь этот сын стоял здесь, готовый снова уйти на войну, которую она так надеялась оставить в Детройте.

— Папа, смотри! — Жасмин резко схватила пульт и прибавила звук телевизора.

На экране на фоне мигающих полицейских мигалок возникла встревоженная журналистка.

«...Преступник, захвативший терминал 2D, до сих пор не выдвинул никаких требований. Зона оцеплена силами жандармерии. Феликс Бланиар, глава службы безопасности аэропорта, уверяет, что ситуация под контролем. Однако, теракт это или разборки синдикатов — пока неизвестно. По нашим данным, руководство операцией на месте поручено комиссару Уолтеру Дюрану, получившему известность два года назад во время ликвидации кризиса в супермаркете „Ариэль“...»

Резкий звонок в дверь заставил всех вздрогнуть. Взгляды семьи мгновенно скрестились на Уолтере. Джаннет, бросив на мужа осуждающий взгляд, молча направилась в прихожую.

На пороге стоял Жак Льюие. В своем вечно помятом темном пиджаке, с перекошенным набок галстуком и небритым лицом, покрытым щетиной-мхом, он выглядел как взъерошенный канцелярский клерк. Под мышкой он привычно сжимал закрытый ноутбук.

— Джаннет, приветствую, — неловко выдавил он, нервно поправляя узел галстука и глядя в пол. — Простите, что мешаю...

— Заходи, Жак, — тихо ответила она, распахивая дверь.

В коридор вышел Уолтер. Увидев шефа, Жак мгновенно подобрался, хотя продолжал переминаться с ноги на ногу.

— Шеф, добрый день. Машина внизу.

— Жди в машине, я сейчас выйду, — глухо приказал комиссар.

Жак послушно кивнул и поспешил к припаркованному у обочины белому автомобилю. Джаннет преградила мужу путь, скрестив руки на груди.

— Джанни, пожалуйста, не надо, — устало вздохнул Уолтер.

Из гостиной выбежала Жасмин. Она подбежала к отцу и заглянула ему в глаза:

— Папа? Ты правда едешь туда? Сражаться с тем плохим человеком из новостей?

— Да, моя принцесса, — Уолтер опустился перед ней на одно колено, бережно взяв её за плечи. — Но у меня есть для тебя секретное задание. Самое важное.

— Какое? — Жасмин округлила глаза, мгновенно включившись в игру.

— Ты должна присмотреть за мамой и бабушкой, пока меня не будет. Они будут очень сильно переживать. А ты у меня сильная. Будешь их подбадривать, договорились? А вечером, когда я вернусь, мы досмотрим тот мультфильм, и я расскажу тебе историю про самого хитроумного вора в Европе.

— Хорошо, — серьезно кивнула девочка, а затем наклонилась к самому уху отца и прошептала: — Если будет трудно, папочка, ты только позвони. Я буду на чеку. Возвращайся скорее.

Она крепко обняла его за шею. Уолтер с трудом поднялся, чувствуя, как тяжелеют ноги.

— Мам! — крикнул он в глубь дома. — У меня здесь остался чистый пиджак и рубашка?

Из кухни вышла Эмили, вытирая руки полотенцем.

— Ты приехал на выходной, Уолтер! И снова лезешь в этот ад к чертовым психопатам! — в её голосе звенела застарелая детройтская жесткость.

— Мама, здесь дети, — тихо прервал её сын.

— На втором этаже, в шкафу твоего отца. Там висит его серый пиджак и рубашка. Галстук возьми на той же вешалке, — бросила Эмили и поспешила отвернуться, чтобы скрыть слезы.

Уолтер взлетел по лестнице на второй этаж. Спустя пару минут он сбегал обратно, на ходу завязывая галстук. У двери его ждала вся семья: отчим Адам с Даниэлем на руках, мать, Джаннет и Жасмин. Комиссар замер на нижней ступени, затягивая узел и пытаясь оттянуть неизбежный момент расставания.

— Эта работа тебя погубит, — с горечью бросила Эмили, скрестив руки на груди. — Ты отдаешь ей всего себя, а этот карьерист Доминик Леруа лишь присваивает твои заслуги. Начальству плевать, вернешься ты живым или в гробу.

— Мам, мне пора, — глухо ответил Уолтер, избегая её взгляда.

— Уолтер Дюран, — Джаннет шагнула вперед и властно перехватила концы его галстука, затягивая узел с такой силой, будто пыталась привязать его к дому. — К ужину будь дома. Мы тебя любим и ждем. И не говори мне, что всё под контролем, — её голос сорвался на шёпот. — Кто-то захватил целый зал. Это не бытовое преступление, Уолтер.

Тяжелая тень предчувствия легла на комнату, заставив умолкнуть даже Даниэля.

— Уолтер, береги себя, сынок, — с глубокой тревогой произнес Адам, прижимая к себе младшего внука.

Комиссар ответил отчиму твердым кивком. Он легко коснулся пальцами темных волос Даниэля, поцеловал мальчика в макушку, а затем прижался губами к смуглой щеке Джаннет, в глазах которой стояло отчаяние.

— Я скоро вернусь.

— Пап, как договаривались, — хитро подмигнула Жасмин.

— Скоро буду, моя принцесса. Скоро... — Уолтер развернулся и решительно вышел за порог.

Возле припаркованного автомобиля он на секунду обернулся. Вся семья стояла в открытом проеме двери. Теперь комиссар Уолтер Дюран официально вступал в шахматную партию, разыгрываемую под куполом парижского аэропорта.

Эмили махала сыну рукой, удерживая на лице натянутую улыбку. Но стоило машине тронуться с места и скрыться за поворотом, как её лицо осунулось.

— Напиши этому Жаку, — резко бросила она Джаннет, направляясь в дом. — Пусть бережет его как зеницу ока, иначе я лично спущу с этого сутулого шкуродера три шкуры. Уолтер вечно лезет в самое пекло... Как только случается беда, он всегда впереди планеты всей.

Джаннет, закусив губу до крови, лихорадочно вытащила телефон. Её пальцы замерли над экраном, выстукивая короткое сообщение Жаку: «Береги его». Тяжелым вздохом проводив уходящую вдаль машину, она затворила входную дверь.

Город за окном автомобиля казался чужим. Внутри салона люди в проезжающих мимо машинах выглядели напуганными — Франция жила одним именем: Руасси.

Жак Льюие, не отрываясь от экрана ноутбука, лихорадочно стучал по клавишам. Его голос, обычно робкий, при докладе становился четким.

— Шеф, картина ясна лишь частично. В терминале 2D перестрелка, девять погибших полицейских, двое гражданских. Счёт раненых растёт. Стрелки, что открыли огонь по полиции, мертвы. Заложники заблокированы в зале ожидания.

— Один стрелок или группа? — Дюран впился взглядом в дорогу.

— Официально — один. Мужчина, европеец, темные волосы.

Жак развернул ноутбук. На экране замелькали кадры с камер наблюдения: ссора пары, внезапная атака Тайлера, вспышки выстрелов, хаос. Уолтер вцепился в подлокотник, его зрение, обострённое многолетним опытом, выхватывало детали, которые пропустил бы обычный офицер.

— Стоп! — рявкнул комиссар. — Откуда у него ствол?

Он ткнул пальцем в экран, где Каррагер в долю секунды перехватывал инициативу.

— Руки были пустыми. А потом — выстрел в упор. Посмотри на траекторию. Ему кто-то бросил пистолет. Увеличь этот фрагмент.

Жак застучал клавишами, пытаясь вытянуть детали из зернистого изображения.

— Слишком низко, шеф. Здесь мертвая зона, заслоненная креслами. Но вы правы... пистолет прилетел откуда-то со стороны.

— Значит, он не один, — Уолтер нахмурился, его искусственный глаз дернулся. — Жак, кто он? У нас есть идентификация?

Помощник переключился на другую вкладку.

— В этом и проблема, имена менялись как перчатки: Вилл Лестрейд, Роналд Райли, Марк Кэннон. Сейчас он проходит как Алексей Миронов.

— Россия, — процедил Дюран. — И это всё? Имя, паспорт, виза?

— Абсолютно чист. Никаких следов до вчерашнего дня.

Уолтер откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Так не бывает, Жак. Никто не берется из ниоткуда. Раскопай всё на тех двоих, что открыли огонь у входа. Мне нужны их досье, места работы, психологические профили. И выведи мне список всех, кто находился в терминале в момент начала стрельбы. Человек, бросивший ему оружие, всё еще там. Он помог Каррагеру, а значит, он — в игре.

Дальнейший путь они проделали в тишине. Уолтер собирал воедино обрывки пазла, чувствуя, что за этой «террористической атакой» скрывается нечто куда более масштабное. Почему Россия? Зачем охотиться за человеком в парижском аэропорту, превращая его в скотобойню?

Вопросов было больше, чем ответов. И каждый из них вел в тупик.

Таков был Уолтер Дюран. В свои пятьдесят шесть он сочетал в себе вдумчивость стратега и хватку старого бойца. На его смуглом лице залегли тени хронической усталости, но взгляд из-под тяжелых бровей оставался острым и сочувственным. Правый глаз — искусно сделанный протез — мерцал в лучах солнца, словно осколок льда. Массивный и коренастый, Уолтер напоминал старого бульдога, сохранившего пугающую подвижность.

Машина замерла у входа в терминал 2D. Здесь воздух вибрировал от напряжения: красно-синие отблески полицейских мигалок плясали на стеклянных фасадах, а гул громкоговорителей смешивался с многоголосым рокотом толпы.

Репортеры плотным кольцом осаждали полицейское оцепление. Как только Уолтер и Жак вышли из автомобиля, их захлестнула волна всплеск и выкриков. Микрофоны тянулись к лицу комиссара, будто щупальца.

— Комиссар! Сюда, скорее! — сквозь толпу прорвался Феликс Бланшар, начальник службы безопасности аэропорта. Его лицо было мертвенно-бледным, а на голубой рубашке проступили пятна пота.

Дюран последовал за ним, пробиваясь сквозь кордоны.

— Какие требования? — спросил Уолтер, на ходу застегивая пиджак.

— Вам лучше увидеть это самому, комиссар, — пробормотал Бланшар, не глядя на него. — Я за всю службу не видел ничего подобного...

— Почему не проведена полная эвакуация? — Уолтер резко остановился, оглядывая суету в соседних залах.

— Префектура приказала не поднимать панику, пока не проясним ситуацию. Мне поручено обеспечить вас связью и техникой. Сейчас мы только задержали ближайшие рейсы.

— Но продажа билетов в кассах продолжается... — проворчал Дюран, глядя на очереди у стоек.

— Наверху верят, что через час вы всё уладите, — с едким сарказмом отозвался Бланшар. — А если нет — пришлют GIGN для штурма.

— Что предпринято на месте?

— Восемь человек у входа в зал ожидания. В радиусе двадцати пяти метров выставлено оцепление.

— Что внутри? — Уолтер нетерпеливо ускорил шаг.

— Сами поймете. Все камеры в секторе уничтожены. Мы «ослепли».

Подойдя к залу ожидания, Дюран замер. Восемь полицейских с автоматами в руках напряженно всматривались в то, что когда-то было входом в терминал.

— Что это такое?!

— О чем я и говорил, — Бланшар указал рукой вперед.

Двери и панорамные окна были забаррикадированы чудовищными горами из вырванных стальных сидений, заваленных грудami одежды и чемоданов. Это больше не походило на зал аэропорта. Это был бастион — мрачный, неприступный и живущий по законам, которые установил один-единственный человек.

— Они заблокировали даже окна, выходящие на взлетную полосу, — тихо добавил Феликс. — Они полностью отрезали себя от мира.

Глава 8

Уолтер Дюран изучал это нагромождение металла и ткани, пытаясь найти хоть малейшую брешь. Стык между рядами кресел, щель, куда можно было бы просунуть хотя бы объектив эндоскопа — стена была глухой, выстроенной с пугающим знанием дела.

— Каков наш план, комиссар? — спросил Жак, не отрываясь от своего ноутбука.

Уолтер еще раз обвел взглядом баррикаду.

— Прямой связи у нас нет, — констатировал он. — А значит, он ждет, когда мы сами обозначим свое присутствие. Других вариантов он нам не оставил. Феликс, — Уолтер повернулся к начальнику охраны, — что с видео? Есть шанс вытянуть картинку?

— Мы работаем, но исходник слишком зернистый, — отозвался Бланшар.

— Если ваши люди не справятся, передайте оригинал Жаку. Он отправит его в лабораторию цифрового анализа. Мне нужно знать, кто этот «призрак», подбросивший Каррагеру ствол. Личность этого человека — наш единственный ключ.

— Подбросил пистолет? — Феликс недоуменно поднял брови. — Вы уверены, что там был кто-то еще?

— Более чем, — отрезал комиссар, и его искусственный глаз на мгновение блеснул синим светом. — Ну что же. Приступим.

С тяжелым вздохом, который выдавал скорее сосредоточенность, чем усталость, Дюран подошел к завалу из кресел и трижды, отчетливо и властно, ударил по каркасу панорамных дверей. Звук гулким эхом разнесся по притихшему терминалу.

Зал ожидания превратился в зону отчуждения. В дальнем углу, за массивными бетонными опорами, Джим обустроил «зону тишины»: там, среди тел убитых агентов Динлейка, стонали раненые. Пятна крови на светлом кафеле расплзались, словно фрагменты зловещей мозаики.

Каррагер приказал заложникам отойти к стенам. Двое добровольцев — мужчина средних лет и женщина в белом кардигане — пытались перевязывать раны, используя обрывки одежды. Джим подошел к одной из раненых женщин. Осмотрев её рваную рану в животе, он лишь констатировал:

— Ей не выжить.

Он выудил пистолет и направил дуло в её сторону. Но женщина-врач, забыв об инстинкте самосохранения, рванулась вперед, закрыв раненую своим телом. Джим на секунду замер. В её глазах не было страха — только ослепительная ненависть. Каррагер молча опустил ствол и отошел.

Зал, заваленный чемоданами и обломками мебели, казался опустевшим даже при сотне людей внутри. Джим прислонился к колонне и закурил. Пепел осыпался на плиты, отмечая минуты, оставшиеся до штурма.

Пытаясь отвлечься, он пробовал воскресить в памяти Веики, но пот мгновенно стирал её черты, оставляя лишь горечь. Он всегда жил по принципу «цель оправдывает средства», но теперь, глядя на свои окровавленные руки, понимал: он стал тем самым чудовищем, с которым всю жизнь боролся.

Россия должна была стать их убежищем. Тихой гаванью, где Веики перестала бы быть для него «проектом», а стала бы просто женщиной. Но Динлейк, узнав об их связи, превратил её жизнь в шахматную фигуру для своих игр. Тот взрыв на станции был сигналом. Джим похитил компромат на директора, чтобы выжечь гнойник, который искалечил его собственное детство и отнял любовь.

Жива ли она? Или я убил её своей попыткой спасти?

Джим погрузился в бездну этих мыслей, не заметив, как за ним наблюдают. Сергей, притаившийся неподалеку, внимательно изучал каждое движение Каррагера. Для Сергея этот зал был лабораторией, где он впервые наблюдал за «легендой» в момент его высшего психологического слома. Раненые рядом хватали воздух, словно выброшенные на берег рыбы, но русского интересовал лишь один человек — тот, кто стоял в центре этого безумия.

Терминал превратился в камеру пыток, где страх стал единственным законом. Заложники, сбившись в кучу, бросали на Сергея и его друзей полные ненависти взгляды. Они видели в нем такого же врага, как и в Каррагере, — хищника, выжидающего момента.

Рядом с Сергеем сидел мужчина средних лет, чья паника окончательно перевесила разум. Он тяжело хрипел, лихорадочно сжимая кулаки, и наконец не выдержал — сорвался на шипящий шепот:

— Ты с ними заодно, тварь... Вы вместе, — мужчина с брызгами слюны ткнул пальцем в сторону укрытия Джима. — Я всё понял! Пошел отсюда!

Сидевший рядом сосед испуганно вцепился ему в рукав, дико озираясь на боевика:

— Замолчи! Заткнись, ты хочешь, чтобы нас всех тут положили?!

Сергей повернул голову. На его лице расплылась сочувственная улыбка.

— Знаешь, в чем твоя ошибка? — с ленивым любопытством спросил Сергей, подавшись чуть вперед. — Если ты прав, и я действительно с ним... то ты только что совершил глупость всей своей жизни.

Мужчина замер, его брызжащая ярость мгновенно наткнулась на этот нечеловеческий спокойный тон.

— Хочешь проверить мою теорию? — Сергей чуть приподнял руку, готовый сделать знак боевику. — Я сейчас просто подам ему сигнал. Скажу, что ты пытаешься поднять бунт. Как думаешь, сколько секунд у тебя уйдет на то, чтобы собрать мозги с этого кафеля?

Сергей заглянул ему прямо в зрачки, понизив голос до вкрадчивого шепота:

— Одно мое движение... И тебе прострелят башку прямо на глазах у всех. Проверим?

Тишина вокруг стала звенящей. Мужчина стремительно терял краски: взгляд остекленел, губы затряслись в судорожной попытке сглотнуть слюну. Он посмотрел на вооруженного террориста, потом на немигающие глаза Сергея — и окончательно сломался. Паника превратилась в животный ужас перед человеком, который сидел с ним бок о бок.

Мужчина бессильно обмяк, вжался в плечи и зажмурился, не в силах вымолвить больше ни звука.

Сергей равнодушно отвернулся, возвращаясь к созерцанию зала.

Наталья, наблюдавшая за этим, робко придвинулась к нему. В её взгляде смешались страх и иррациональная преданность — она только что увидела, как Сергей подчинил себе чужую волю без единого выстрела.

— Серёж... — прошептала она, касаясь его руки. — Спасибо. Ты спас меня там, у колонны.

Она ждала, что он снова наденет свою маску, снова станет «тем самым» приятным парнем. И он не подвел. Сергей обернулся, и его лицо мгновенно стало нежным.

— За что ты благодаришь, глупая? — он слегка коснулся её щеки, и в этот миг в его глазах не было ни капли той тьмы, что секунду назад сломала жизнь их соседа.

В застеклённые двери глухо постучали. Многие заложники замерли, вслушиваясь в звук, донёсшийся с той стороны баррикады. В нём им почудилась надежда.

Время пришло. У меня осталось не больше часа, — подумал Каррагер.

Он обернулся, бросил сигарету на пол и придавил её подошвой. Затем подошёл к притихшим заложникам, сбившимся у стены. Они смотрели на него, как ягнята на волка.

— Ты, — сказал Джим, направив пистолет на одного из мужчин.

Заложник судорожно оглянулся.

— Я?

— Да. Встань, — приказал Джим по-английски, мгновенно распознав британский акцент.

— Сэр, пожалуйста... Я ничего не сделал.

С той стороны снова донёсся глухой стук.

— Встать. Живо.

Мужчина медлил. Джим понимал: ещё несколько секунд — и страх окончательно лишит толпу способности подчиняться. Если первый приказ останется без ответа, вся конструкция рухнет.

Заложник поднялся, дрожа всем телом.

— Ко мне.

— Нет, прошу...

Джим тяжело выдохнул. На скулах заиграли желваки.

— Тогда ты, — резко бросил он, переводя ствол на Наталью. — Поднимайся.

У девушки перехватило дыхание.

— Вставай.

Наталья обернулась к Сергею. Он не сводил взгляда с Каррагера. На мгновение Сергей сжал её ладонь, затем отпустил и коротким движением приказал подняться.

Она подчинилась. Губы дрогнули; по щекам скользнули слёзы.

— Пойдёшь со мной. Выйдешь первой.

Каррагер не хотел никого убивать, но должен был сохранить видимость полной решимости. В этом зале страх уже заменил людям разум: любое колебание могло обернуться неповиновением, а неповиновение — массовой паникой.

— Живо! — рявкнул он.

Заложники вздрогнули. Наталья осталась неподвижной, часто моргая, чтобы сдержать слёзы.

— В таком случае... — Джим крепче сжал рукоять пистолета.

Сергей вмешался.

Он поднялся, раскрыл ладони и встал между Каррагером и Натальей

— Стойте! — крикнул он. — Я пойду с вами. Я.

Джим замер.

Что им движет?

Решение требовалось принять немедленно. Стоило дать противнику заметить сомнение — и власть над залом рассыпалась бы.

— От меня не будет проблем, честно, — быстро продолжил Сергей. — Она до смерти вас боится. Здесь все вас боятся.

Он бросил короткий взгляд на заложников, предлагая Каррагеру самому убедиться в этом.

Джим молчал. Чем дольше он смотрел на Сергея, тем сильнее ощущал фальшь происходящего. Перед ним был не испуганный гражданский, а человек, который слишком точно выбрал момент и слишком уверенно вошёл под прицел.

— Я понимаю, — Сергей говорил достаточно громко, чтобы его слышали не только Джим, но и все присутствующие в зале. — Ситуация патовая. Вас слишком много, а контроля — ноль. Но никто из заложников здесь не будет рисковать собой ради геройства. Разрешите мне пойти с вами. Я сделаю всё, что прикажете. Беспрекословно.

Слова звучали как услужливая приманка, но интуиция Каррагера — та самая, что спасала его всю жизнь, — взвыла от тревоги.

— Если вы возьмете её, — Сергей кивнул на Наталью, — она станет обузой. В момент опасности люди теряют голову.

Челюсти Каррагера непроизвольно стиснулись. Сергей казался слабым, жалким, но эта картинка была слишком «правильной». Слишком выверенной.

Время поджимало. Джим не мог позволить себе роскошь доверять интуиции, но и игнорировать её не имел права. В этой партии он вдруг почувствовал, что его ведут — вопрос был лишь в том, куда именно.

— Ты, — Джим указал дулом пистолета на мужчину из очереди, — оставайся. А ты, — он перевел ствол на Наталью, — садись.

Решение было принято. Девушка с дрожью в коленях опустилась на пол, не сводя с Сергея полных слёз глаз. Все происходящее казалось ей искаженной реальностью, но чувство защищенности, которое он излучал, было пугающе реальным.

Сергей поднял руки и покорно подошел к Каррагеру.

— Здесь. И опусти руки, — Джим подошел со спины, прижав ствол к затылку парня. — Вперёд. Если кто-то из вас дернется — я пристрелю не только его, но и всех, кто сидит рядом. Вы меня поняли?

Они подошли к баррикаде.

— Снимай ограждение, — приказал Джим.

Сергей начал торопливо отбрасывать в сторону ветровки, чемоданы и кресла. За стеной мелькнуло лицо Уолтера Дюрана. Каррагер закрылся за спиной парня, используя его как живой щит.

— Говорите! — бросил Джим в проём.

— Ты можешь открыть дверь?

— Нет.

Уолтер сделал глубокий вдох, понимая, что вежливостью ничего не добьется. Он резко сменил тон, переходя на «ты» — грубый, намеренно фамильярный прием, чтобы сбить Джима с толку и навязать ложную близость.

— Хорошо. Давай без лишнего официоза. Как я могу обращаться к тебе?

Каррагер усмехнулся. *Неплохой ход, комиссар, но предсказуемый.*

— Джим Каррагер.

— Ладно, Джим, — Уолтер развел руками, демонстрируя открытость. — Скажи прямо: чего ты хочешь?

— Прямой эфир. И чтобы камеры были включены немедленно.

Комиссар, приподняв бровь, отметил мгновенный и выверенный ответ Джима. Его хладнокровие не разрядило обстановку, а лишь плотнее затянуло узел напряжения. Дюрана поразило это жуткое самообладание, словно Каррагер не в первый раз оказывался в подобном положении.

— На это нужно время. Требуется согласование.

— Времени у вас немного, — парировал Каррагер. — Лучше начать действовать сейчас.

— Джим, я сделаю всё возможное, чтобы выполнить твои требования, но ты должен дать мне что-то взамен. Моё руководство не позволит идти на поводу у преступника. Среди заложников есть раненые?

— Да.

— Можешь отпустить детей?

— Комиссар... — Джим тяжело выдохнул. — Оставьте попытки тянуть время ради эвакуации, это бессмысленно. Мне нужен прямой эфир. Дадите его — и крови не будет. Если через час я не увижу объектив камеры, я начну убивать: по три заложника каждый час. Если не поймёте после шестого — буду пускать в расход по десятке каждые тридцать минут. В случае штурма живым не уйдёт никто, я превращу этот день в национальную катастрофу. Выполните условия — я сложу оружие. Сейчас 14:48. В 15:48 прольётся первая кровь. Часы тикают.

Ужас искажил лицо Сергея. Глаза его затуманились слезами, на щеках вспыхнул лихорадочный румянец.

— Пожалуйста! — выкрикнул он, сорвав голос. — Прошу вас... сделайте то, что он говорит! Я вас умоляю!

— Заткнись! — рявкнул Джим и приставил пистолет к виску парня.

Сергей, игнорируя угрозу, прокричал:

— Мой отец — Михаил Воронин! Он занимается международными поставками! Скажите ему, что я здесь!

Комиссар запоминал каждое слово, вылетевшее из уст напуганного парня. Он искренне желал помочь молодому человеку, чувствуя, как душа начинает наливаться свинцом, не имея возможности освободиться от этой брэнной ноши.

Здесь нельзя договориться, — понял Дюран.

Имя Воронина показалось ему подозрительно знакомым. И тут его осенило: Михаил Воронин — влиятельный российский магнат, специализирующийся на поставках вооружений и боеприпасов для флота крупнейшим странам мира, включая Францию. Если сын такого человека погибнет из-за некомпетентности правоохранительных органов Парижа, разгорится международный скандал, который затронет даже Елисейский дворец.

— На этом закончим, комиссар.

— Постойте! Стой! — отчаянно крикнул Уолтер в ответ.

Каррагер отскочил в сторону, скрывшись за стеллажом с вещами, и направил пистолет на Сергея. Русский, внешне морально истощённый, принялся поправлять баррикаду, отчаянно пытаясь ухватиться за взгляд комиссара.

Крепость вновь приняла свой прежний облик. Когда Сергей завершил работу, он обернулся и спокойным тоном произнёс:

— Я закончил.

Джим на мгновение смутился, разглядывая молодого человека, который только что кричал от страха, а теперь отважно смотрел ему прямо в глаза.

— Позвольте мне помочь, — продолжил Сергей. — Я понимаю, что ситуация в терминале требует контроля. И я — лучший вариант, который у вас есть.

— Ты его обманул? — процедил Джим сквозь зубы.

— Да. Я мало что понимаю в политике, но международный скандал никому не нужен. Особенно когда речь заходит о безопасности и сыне влиятельного человека. Об этом бизнесмене я лишь слышал в новостях. — Сергей чуть поднял подбородок. — И я не хочу умирать. Не хочу, чтобы погибли мои друзья.

Каррагер пристально сверлил взглядом Сергея, его пальцы еще сильнее стиснули рукоять пистолета.

Глава 9

Напряжённая тишина звенела в воздухе, изредка прорываясь тихим шелестом одежды и приглушённым шёпотом. Любой шорох отзывался у заложников отчаянной надеждой на спасение.

— Скоро нас вытащат, — шепнул Артём, не сводя глаз с баррикады. — Перед вылетом я читал про GIGN — французский спецназ считается одним из лучших в мире. А он здесь один.

В центре зала русский и американец стояли лицом к лицу. Их взгляды скрестились, выискивая скрытые намерения друг друга. Сергей бегло скользнул по толпе, на мгновение встретившись взглядом с Натальей. В её карих глазах застыла сдерживаемая тревога.

— Я говорю правду, — развёл ладони Сергей, демонстративно показывая незащищённость.

Джим въедливо вглядывался в его лицо, но не находил привычных маркеров страха. Каррагер понимал: перед ним всего лишь гражданский юнец, от которого не стоит ждать прямого физического отпора. И всё же в осанке этого парня сквозило неестественное спокойствие — такое он видел только у хорошо подготовленных оперативников. Дерзкая собранность в глазах заложника выбивалась из стандартной схемы и вызывала у Каррагера острый профессиональный интерес.

Сергею не нужно было угадывать — он видел, как у антагониста созревает решение.

Внезапно Каррагер сократил дистанцию, сгреб Сергея за грудки и с кошачьей ловкостью рванул на себя:

— Пошёл сюда!

Рывок был настолько мощным, что Сергей отлетел к бетонной опоре.

— Нет! Пожалуйста, не надо! — заверещал парень, сжимаясь на полу и выставя руки.

Сердце Натальи сжалось от ужаса, но многолетнее чутье удерживало её от крика. Она замерла, пряча эмоции за маской покорности. Однако когда Джим снова шагнул к Сергею, давящая тишина вокруг стала физически ощутимой.

Агент намертво прижал русского к бетону, перекрывая собой обзор от заложников.

— Говори, — процедил Джим, вжимая ствол в его челюсть.

— Я не вру вам! — парень судорожно заерзал под металлом. — Вы сами сказали комиссару, что начнёте убивать! Позвольте мне помочь! Я лишь хочу, чтобы вы не трогали меня и моих друзей!

— Ты станешь первым, кого я пушу в расход, если через час на пороге не будет съёмочной группы.

— Прошу вас... — забормотал Сергей. — Я лишь предложил выход...

— Зачем ты солгал про Воронина? — перебил Каррагер, нависая над ним. — Откуда ты знаешь его имя?

— Я читаю аналитику! Попытался разобраться в биржевом рынке, в международной политике, чтобы просчитывать движение акций, — слова хлынули из Сергея сбивчивым потоком. — Фамилия Воронина мелькала в сносках. У него огромное влияние! Я не вру! Я боюсь вас, я не хочу умирать... Я просто... я пытаюсь выжить! Подумал: если стану полезным, вы оставите меня в живых!

— Новостные сноски? — Джим сузил глаза, и дуло пистолета ещё сильнее въелось в подбородок Сергея. — Воронин завязан на закрытые оборонные контракты. Ему не делают рекламу в новостях.

— Я вам говорю правду! — в голосе Сергея прорезался отчаянный фальцет. — В сети можно нарыть что угодно! Спецфорумы, сливы, соцсети — я не помню точно, где именно! Я просто цепляю детали и запоминаю их. Это факт. Можете проверить!

— Как? — прорычал Джим.

— Я... — парень заметался взглядом по телу Каррагера. — Я ведь запомнил вас! С самого начала!

Джим напрягся, выжидая, куда повернёт эта ложь.

— В зале, ещё до первых выстрелов, — Сергей закинул голову назад, будто всматриваясь в выцветшую хроникальную плёнку. — Вы сидели в третьем ряду. Газета поднята чуть выше уровня глаз, нога на ногу. Только взгляд у вас каждые три секунды соскальзывал с текста к проходу.

— Какое это имеет отношение к делу? — сухо спросил Джим, не ослабляя хватки.

— Дайте мне закончить! Я пытаюсь объяснить, что не представляю для вас угрозы. Я просто... слишком наблюдателен. В этом мой единственный шанс доказать, что я могу быть полезен.

Каррагер молчал. Его мозг автоматически фильтровал этот поток слов. Парень забивал паузы, старательно занимая собой всё пространство, — классический прием для выигрыша времени. Но ради чего?

— Лицо всегда выдает больше, чем человек хочет сказать, — продолжил Сергей, понизив тон до доверительного шепота. — Есть такое понятие — микромимика. Когда вы направили на меня ствол, правое веко едва заметно дернулось. Значит, вы не убиваете на автомате. Вы подавляете импульс, просчитываете риски. А газета... — парень виновато улыбнулся. — Это старый трюк: за ней удобно прятать угол обзора, пока сканируешь зал.

Джим не изменился в лице, но его пальцы на рукояти пистолета сместились.

— Я не претендую на истину, — торопливо добавил Сергей, считывая этот жест. — Я просто читаю психологию, статьи по кинезиологии, язык телодвижений... Это хобби. Просто хобби.

— Хобби? — переспросил Джим. В его голосе впервые прорезался глухой интерес.

— Ну да. Вот, например, вы, — Сергей повел подбородком в сторону его плеч. — Спортивное телосложение, сухая масса, разворот плеч. Это не просто генетика, это года баллистических нагрузок, бега и железа. Тренировки систематические, жесткие.

— Ты высмотрел всё это за десять минут в зале? — прищурился Каррагер.

— Я не пытался вас задеть! — выпалил Сергей, почуяв опасную грань. — Я пытаюсь объяснить: я не глупый заложник. Я вижу, с кем имею дело. Вы — человек, у которого каждый шаг просчитан наперед, как у шахматиста перед решающей партией. Но вот что странно...

Парень сделал короткую паузу, выравнивая дыхание.

— Человек, уверенный в абсолютной победе, хотя бы на долю секунды расслабляет мимику. У вас этого не было. У вас была настороженность человека, который ждет, что система даст сбой в самый последний момент. Я просто увидел это по вашим глазам.

Сергей опустил взгляд, изображая полное смирение.

Раньше я уже наблюдал подобное, — пронеслось в его голове. — Если хочешь повелевать хищником, покажи ему, что ты видишь его ирамы, но не претендуешь на его добычу.

— Ты слишком хорошо владеешь языком, — отрезал Каррагер. — Но меня интересует другое: если ты такой наблюдательный и так хочешь выжить... зачем ты бросил мне пистолет?

Вопрос прозвучал как щелчок взведенного курка. Сергей внутренней сжался, понимая, что вступил на тонкий лед. Лгать было нельзя — Каррагер считывал фальшь на физическом уровне.

Парень торопливо потер зажмуренные глаза, выигрывая секунду для ответа.

— Я... я подумал, что это единственный способ спастись.

Каррагер наклонил голову, но дуло пистолета продолжало упираться Сергею в подбородок.

— Помочь? Ты отдаешь оружие человеку, который только что застрелил троих. Кому ты хотел помочь? Мне? Или всё-таки себе?

Сергей тяжело сглотнул, удерживая маску отчаявшегося, но думающего парня.

— Когда началась стрельба, — сбивчиво проговорил он, — я понял: если у вас не будет ствола, нас всех просто зачистят. Я видел, как вы двигаетесь. У вас были шансы. У меня — ноль.

— Логично. Но не убедительно, — Джим слегка надавил на металл. — Напуганный обыватель отбрасывает оружие от себя в панике. Ты же запустил его по траектории — точно мне под ноги, с расчетом на перехват. Для этого нужно не просто сохранять холодную голову, а понимать, с кем имеешь дело.

Сергей сделал глубокий вдох, заставляя плечи дрогнуть.

— Хорошо... Вы хотите правду? Вы напомнили мне отца. Тот тоже всегда брал контроль над хаосом. Точный, сухой, просчитывающий каждый шаг. Наверное... это была просто глупая проекция. Иллюзия безопасности.

Каррагер усмехнулся — без тени веселья.

— Ты чертовски хорошо говоришь, парень. Но твое «доверие» — липа. Хочешь пройти мой тест?

Сергей молча кивнул.

— Представь: ты в кабине лифта. У тебя в руке ствол. Напротив — террорист, угрожающий десяткам людей. У тебя секунда на решение: всадить ему пулю в голову или попытаться заговорить зубы, рискуя упустить контроль. Твой выбор?

Сергей замер. Пот защекотал висок. Это был не абстрактный гипотетический выбор — Каррагер тестировал его реакцию на прямое насилие.

— Я бы... попытался заговорить, — глядя прямо в глаза Джиму, ответил Сергей. — Потому что если я нажму на спуск, я стану таким же, как он. А моя цель — не воевать его методами. Моя цель — выжить.

Джим долго сверлил его взглядом, выискивая ниточку лжи. Но перед ним стоял парень, чей взгляд излучал абсолютную, почти фанатичную убежденность.

— Любопытно, — пробормотал Каррагер и наконец отступил на шаг, опустив оружие. — Хотя твоя версия всё равно шита белыми нитками.

Джим планировал оттолкнуть юнца к толпе заложников и получить паузу для размышлений. Этот паршивец действовал ему на нервы: его дерзость граничила с глупостью, но одновременно вызывала странное чувство. Каррагер не выстрелил ему в голову не из жалости. В глубине души он понимал: если бы этот парень не пустил пистолет по полу, Роджер Тайлер успел бы всадить пулю в самого Джима. Этот юнец спас ему жизнь.

Решив закончить этот бессмысленный допрос, Каррагер сгреб Сергея за отворот рубашки и потащил назад к толпе. На шагу его взгляд на долю секунды потух, ставившись пустым и мёртвым.

Сергей мгновенно выхватил эту микропаузу.

— Это из-за неё? — выдохнул он.

Джим замер. Хватка на ткани чуть ослабла, но пальцы побелели.

— Что ты сказал?

— Вы здесь из-за неё, — тихо, но отчетливо повторил Сергей, глядя ему прямо в зрачки. — Из-за женщины, которую любите. Вы познакомились с ней около полутора лет назад, верно?

Слова прошили Каррагера насквозь. В памяти вспыхнул ресторан, рубиновое платье, шум улицы за окном и удушливая красота Веики, перевернувшая всю его жизнь.

— Откуда ты знаешь?! — взревел Джим, махом прижимая горло Сергея локтем к окровавленному бетону. — На кого ты работаешь?! На Москву?!

Сергей захрипел, хватаясь пальцами за его рукав, но не отвёл взгляда.

— Всё это... из-за неё?

Эта с трудом вытолкнутая из сжатого горла фраза окончательно сорвала с Джима заслоны. Вспышка безумной, но ещё контролируемой ярости заставила его выхватить пистолет и с силой загнать ствол прямо в рот Сергею, прижимая его голову к блоку.

— Как думаешь, я спущу курок? — прошипел Джим.

Металл охлаждал язык. Сергей с трудом разомкнул губы, когда Каррагер чуть отдернул оружие:

— Да... Можете. Поэтому я и хочу помочь. Чтобы вы... просто сохранили мне жизнь...

Джим тяжело выдохнул и ослабил хватку. Сергей сполз по бетону, судорожно и жадно втягивая воздух, как тонущий, выскочивший на поверхность.

— Я понял это... пока наблюдал за вами, — прохрипел парень, растирая шею. — Вы не хотите никого убивать. Вы выгорели. Вы устали. Вы здесь ради той женщины.

Каррагер разжал кулаки, чувствуя, как годами выстраиваемый панцирь рассыпается в прах. Внешне он оставался неподвижен, но внутри бушевал шторм. Этот юнец вскрыл его самую глубокую рану так легко, словно между ними не было ни опыта, ни оружия, ни десятка трупов вокруг.

Он просто угадал? — метались мысли Джима. — *Или он агент? Но почему тогда я не спустил курок?*

Каррагер молча рывком поднял Сергея и потащил за собой. Сделав несколько шагов, он грубо толкнул его в сторону заложников. Сергей с трудом удержал равновесие и опустился на кафедру рядом с Натальей.

Девушка без лишних слов перехватила его дрожащие ладони. Её пальцы стали для него реальным якорем после минуты на грани жизни и смерти. Из груди Сергея вырвался рваный выдох. Наталья притянула его к себе, и на одно короткое мгновение он позволил себе ослабить внутренний волевой шов, чувствуя её нерушимый стержень.

Чуть отстранившись, Сергей выравнивал дыхание, заставляя лицо снова стать непроницаемым.

— Ты хорошо держишься.

Фраза прозвучала отстраненно, но Наталья умела читать между строк. За этой подчеркнутой скупостью слов она увидела истинную благодарность человека, который слишком привык держать зверя внутри, чтобы открыто проявлять уязвимость. Кивок стал её молчаливым ответом — она знала, что на большее он сейчас просто не способен.

— И ты тоже, — тихо ответила она.

Каррагер стоял у стены, молча наблюдая за ними. Спокойствие и тихая сила Натальи неожиданно эхом отозвались в его собственной памяти, поднимая из глубин то, что он годами хоронил под грузом оперативной дисциплины.

Сцена у кресел всколыхнула воспоминания о Веики — женщине, ставшей его главной любовью и роковой уязвимостью. В этом русском парне проявлялось пугающее, почти inferнальное умение препарировать людей, добираясь до самых глухих уголков их душ.

Каррагер вглядывался в эту сцену и не мог ответить себе на главный вопрос: был ли этот разговор случайным порывом испуганного заложника — или парень только что одержал над ним полную психологическую победу?

Глава 10

Уолтер прислонился к стене, не сводя взгляда с того, как за баррикадой снова выстраивается преграда. Перепуганный русский парень метался, раскладывая чемоданы и куртки, возводя стену между миром и убийцей.

И эти отчаянные мольбы юноши снова вскрыли то, что Дюран годами запечатывал в самых глухих уголках памяти.

Супермаркет «Ариэль»... Крики. Глухие стоны. Едкий смрад горелой плоти, смешанный с запахом испражнений и пороховой гари...

Память нещадно выбрасывала перед глазами изуродованные тела: оторванные ноги старика в паре метров от него, женщина с дико вытаращенными остекленевшими глазами, погибшая рыжеволосая девушка у его ног. Уолтер искал спасения в работе, ночами пропадая в кабинете за уголовными делами, лишь бы не оставаться наедине с этой пустотой. Но кошмар вернулся.

Воспоминания накрыли его с головой. Тогда, в дыму «Ариэля», он отчаянно пытался нащупать руку Жасмин. Звуки пробивались словно из-под воды, пока сквозь этот гул не прорезался тонкий детский крик. В двух метрах извивалась восьмилетняя Жасмин, пытавшаяся сорвать пламя со своего лица. Уолтер рванулся к ней, сорвал с себя обгоревший пиджак и намертво прижал ткань к горящей щеке. Девочка билась в конвульсиях, заходясь в истошном вопле, но он держал её мертвой хваткой. А когда убрал пиджак, она закричала ещё отчаяннее.

И только тогда Уолтер понял: дочь кричит не от боли. Она кричит от ужаса перед ним. Перед его выбитым правым глазом, тягуче вытекавшим по щеке, и перед его раздробленной рукой, из которой торчали обломки костей.

Комиссар резко встряхнул головой, отгоняя нахлынувший морок, и быстрым шагом направился прочь от баррикады.

— Комиссар! Что делаем? — Жак едва поспевал за шефом, прижимая к боку открытый ноутбук.

— Мне нужны все записи видеонаблюдения, — голос Уолтера мгновенно изменился, став жестким и собранным. — Восстанови весь его маршрут по аэропорту. Собери всё: где Каррагер был прошлой ночью, с кем контактировал, где спал. Немедленно. И отдельно: выясни, кто такой Михаил Воронин. И как с этим русским магнатом завязан наш заложник.

— А что с жандармами?

— Я сам с ними разберусь.

— Не стоит, — раздался за спиной нетерпимый голос.

Уолтер обернулся. К ним приближался Гюстав Женере — дивизионный генерал и заместитель генерального директора Национальной жандармерии Франции.

Его трудно было спутать с кем-то другим: монументальное телосложение, безупречный черный шерстяной костюм индивидуального пошива, отполированные до зеркального блеска туфли и платиновые часы, изредка мелькавшие из-под строгой манжеты. В руководстве его знали как высокомерного, авторитарного холерика, привыкшего доминировать и публично унижать подчинённых.

В отличие от холодного и прагматичного директора ЦРУ Динлейка, Женере был напыщенным системным карьеристом. Его агрессия и вычурный лоск скрывали за собой животный страх перед Префектурой и Президентом — страх провалить операцию и оказаться выброшенным из обоймы.

— Кто санкционировал прямой контакт с террористом? — на ходу бросил Женере, даже не глядя на комиссара.

— Я, — коротко ответил Дюран.

— Вам приказали собирать первичные данные! — перебил генерал, раздувая ноздри. — А не усугублять кризис и плодить панику!

— Данные я как раз и собрал.

— Мне уже доложили, что этот псих угрожает расстреливать по три заложника в час! — Женере попытался придать голосу стальные командные интонации, но вышла лишь раздраженная, визгливая вспышка. — За мной!

Направляясь в оперативную смотровую — просторный зал, заставленный серверами и мозаикой мониторов, — группа миновала гражданские сектора. Силовики в бронежилетах и с кобурами на бедрах деловито рассекали толпу. Пассажиры с побледневшими лицами жались к стенам, ловя каждое слово правоохранителей.

У кордона сгрудились репортеры с микрофонами. Завидев объективы, Женере мгновенно преобразился: расправил плечи, натянул маску невозмутимого хозяина положения и замер на тридцать секунд, выдавая перед телекамерами порцию отточенного, уверенного официоза.

На пороге смотровой их встретил директор аэропорта Реми Жиру — взмыленный, с заискивающей, униженной улыбкой.

— Господин дивизионный генерал...

— Заткнитесь, — отмахнулся Женере, даже не замедляя шага.

Жиру попытался семенить следом, лепеча оправдания и пытаясь свалить вину за провал безопасности на службу внутренних расследований, но генерал резким кивком приказал охране выставить чиновника за дверь.

Едва за ними закрылась дверь смотровой, Женере развернулся к Дюрану. Его лицо налилось багровым оттенком, а пальцы нервно закрутили серебряную монетку.

— А теперь слушайте меня внимательно, комиссар. Отныне вы подчиняетесь лично мне. Любой ваш шаг, любая идея — только через мое одобрение. Ваши оперативники поступают в распоряжение Жандармерии — таков прямой приказ Префектуры. Забудьте про свою самостоятельность. Вы уже достаточно наломали дров. Я даже не определяюсь, что хуже для репутации МВД: захват терминала или ваше присутствие здесь, — генерал брезгливо поддернул нос. — На прошлые регалии мне плевать. Для меня вы — рядовой исполнитель. Выполняете приказания без рассуждений. Вопросы есть?

— Мне кажется...

— Я спросил: вы уяснили?! — выкрикнул Женере, шагнув вплотную и ткнув пальцем Дюрану в грудь.

Уолтер желваками сжал челюсти, перемалывая гнев. В его искусственном глазу замер холодеющий отблеск.

— Так точно.

— Отлично. А теперь доложите: что вы успели наговорить моим людям?

— Вашим людям? — Уолтер едва удержал иронию. — Террорист назвал имя: Джим Каррагер. Он прикрывается парнем, который заявил, что он — сын Михаила Воронина. Я приказал моему помощнику проверить эту легенду, поднять все перемещения Каррагера за сутки, а также вытянуть архивные записи с камер терминала.

— Зачем перегружать аналитиков? — буркнул генерал, нервно подбрасывая монетку.

— Потому что на записи четко видно: Каррагер действовал не один. Ему подбросили пистолет из глухого сектора. В засаде был второй человек.

— Глупости! — отмахнулся Женере. — Если бы там кто-то был, оцепление бы зафиксировало движение. Вы ищете оправдания собственной некомпетентности.

— Послушайте, генерал, — Уолтер понизил голос, делая его тяжелым, как свинец. — Нужно начинать немедленную эвакуацию смежных секторов. Это не рядовой бытовой псих. Это профессиональный ликвидатор. В зале идет глубокая...

— Довольно!

— В этом действительно нет необходимости, — раздался за их спинами ровный, совершенно лишённый эмоций голос. — На видеозаписи вы всё равно ничего не найдете. Мы её уже изъяли, отредактировали и детально изучили. Человека, передавшего оружие, на исходниках нет.

Дюран и Женере одновременно развернулись.

От дверей к ним приближался худощавый, лысый мужчина средних лет. На нем сидел безупречно скроенный строгий костюм, а в левой руке он сжимал кожаную папку с красным грифом. Под красно-синими от бессонницы и дикого напряжения веками застыл свинцовый взгляд.

— Эжен Бутен, — представился он. Голос звучал сухо, с монотонной металлической интонацией. Он извлек из внутреннего кармана удостоверение. — Спецотдел «№ 6 Лис». Дивизионный генерал Гюстав Женере, комиссар Уолтер Дюран. Отныне вы оба переходите в мое прямое подчинение.

В смотровой повисла пауза. Лицо Женере из багрового стало пунцовым.

Отдел «№ 6 Лис»?

Что за чертовщина?!

— Вы кто вообще такой?! — взревел генерал, шагнув вперед.

— Ваше новое оперативное руководство, — Бутен даже не моргнул. — Направлен Генеральным секретариатом национальной обороны по личному поручению Президента Республики¹⁶.

Он ровным движением протянул папку с президентской печатью.

— Бред! — Женере с отвращением отмахнул документы. — Какая еще «шестерка»?! Вы в своем уме?! Охрана! Выведите этого сумасшедшего из зала!

Находившиеся в смотровой жандармы и полицейские замерли в растерянности. Приказ генерала звучал категорично, но спокойствие лысого мужчины в дорогом костюме пугало больше, чем крики начальства. Офицеры сделали неопределенный шаг вперед, не понимая, кого именно им нужно арестовывать.

Пока силовые структуры Французской Республики взяли в ведомственной грызне, в пятидесяти метрах от них забаррикадированный террорист держал на прицеле сотню гражданских. Ситуация на глазах превращалась в политический фарс.

— Разрешите? — Уолтер шагнул к Бутену, протягивая руку к упавшим на стол бумагам.

Глава «№ 6 Лис» коротко кивнул. Комиссар поднял папку, бегло пробегая глазами по параграфам секретного директива.

— «Спецотдел № 6 Лис — автономное подразделение Генерального директората внешней безопасности... DGSE», — зачитал Дюран. Подняв взгляд на Бутена, он добавил:

— Никогда о вас не слышал.

— На то мы и секретная служба, комиссар, — отозвался Бутен. — Наш профиль...

— Да плевать я хотел на ваш профиль! — сорвался Женере, нервно поддёргивая нос и тыча пальцем в Бутена. — Вы уже провалили всё, что могли! Захват произошел на нашей территории! Если операция сорвется, Елисейский дворец спросит не с вашего «липового» отдела, а с меня! Поэтому никакие конторские крысы здесь командовать не будут!

Уолтер продолжал вдумчиво читать документ, игнорируя истерику генерала:

— «Специализация: разработка особо опасных фигур международного терроризма высшего уровня... Допуск класса „Альфа“».

¹⁶ Генеральный секретариат национальной обороны и безопасности (фр. Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale — SGDSN) — высший межведомственный орган под руководством Премьер-министра и Президента Франции. Отвечает за стратегическое планирование национальной безопасности, координацию работы спецслужб, защиты от гибридных угроз, кибербезопасность и управление государственными кризисами высшего уровня.

Бутен и Дюран на секунду обменялись понимающими взглядами.

Комиссар видел перед собой человека, несущего колоссальный груз ответственности, а Бутен узнал в Уолтере единственного в этой комнате профессионала, умеющего сохранять трезвый ум.

— Всем посторонним — покинуть смотровую, — не повышая голоса, приказал Бутен.

В его тихом тоне прозвучала такая непреклонная сила, что жандармы и оперативники невольно потянулись к выходу. Через десять секунд в зале остались только руководители ведомств и двое молчаливых оперативников Бутена.

— Генерал, призовите на помощь остатки благоразумия, — Бутен оперся сухими ладонями о край стола с мониторами. — Мы имеем дело с объектом, аналогов которому в вашей практике не было. Комиссар, полагаю, он уже назвал свое имя?

Дюран коротко кивнул:

— Джим Каррагер.

— Джим Каррагер — один из самых опасных и подготовленных ликвидаторов, — произнес Бутен, переворачивая страницу папки. — Он связан с группировкой — «Энтикам». В переводе с арабского — «Месть». Комиссар, взгляните на предпоследний лист.

Уолтер скользнул взглядом по секретному досье с фотографией бородатого мужчины в военной экипировке.

— Асаф Назим Тахир? — поднял бровь Дюран. — Сын Назима Усама Али?

В глазах Бутена на секунду проскользнуло удивление:

— Вы знакомы с его структурой?

— Я помню дело четырнадцатого года, — ответил Уолтер. — У них специфическое именование — сын добавляет имя отца и деда. Назим Усама Али был террористом номер один, пока американцы не зачистили его в ходе операции «Копьё Нептуна».

— При чём здесь дохлые арабские шейхи и резня в нашем терминале?! — огрызнулся Женере, тщетно пытаясь вернуть себе инициативу.

— При том, генерал, — сурово перебил Бутен, — что после ликвидации старшего Назима «Энтикам» распался на пять автономных ячеек. Сыновья и соратники растащили ресурсы. Самый агрессивный осколок возглавил Асаф. Джим Каррагер — его ключевой оперативник в Европе.

— Настоящая цель Каррагера — Асаф Назим Тахир? — уточнил Дюран.

— Совершенно верно, — кивнул полковник DGSE. — С момента развала мы искали нити к Асафу два года. По данным внешней разведки, в ближайшие дни Асаф планирует масштабную акцию, чтобы заставить остальные ячейки присягнуть ему.

— Масштабную акцию? — Женере нахмурился, его ноздри снова нервно раздулись. — Взрыв?

— Если бы они планировали подорвать Руасси, бомба уже детонировала бы. К тому же, по нашим данным и регистрационным спискам, Каррагер улетал в Санкт-Петербург. Париж был лишь транзитом.

— А кто тогда открыл по нему огонь? — цепко спросил Уолтер, фиксируя реакцию Бутена. — Кто были те трое в «кожанках»?

Эжен Бутен даже не моргнул, но его монотонный голос стал ещё суше:

— Эта информация под грифом абсолютной секретности, комиссар. Я и так сообщил вам больше, чем позволяет протокол.

— Так зачем вы здесь, полковник?! — язвительно вставил Женере, подбрасывая свою монетку. — Если террорист просто летел мимо, зачем спецотделу «Лис» вся эта комедия? Вызовите снайперов GIGN и всадите ему пулю в висок!

— Каррагер нужен Елисейскому дворцу живым, — отрезал Бутен. — Он — единственный источник данных о структуре нового «Энтикама» и месте нахождения Асафа. Допросить его — приказ Президента.

— С ним невозможно договориться, — качнул головой Дюран. — Я говорил с ним у баррикады. Он выдвинул ультиматум.

— Он требовал прямой эфир? — Бутен развернулся к своему адъютанту. — Найдите гражданского журналиста. Того, кто согласится войти в терминал с видеокамерой. Срочно.

— Вы совсем из ума выжили?! — взревел Женере, наливаясь багровой краской. — Какое, к черту, интервью?! Всё, с меня хватит этой ахинеи! Я отдаю приказ на полную эвакуацию и штурм!

— Никакой эвакуации, — монотонно отрезал Бутен. — Начнется движение у периметра — мы спровоцируем Каррагера на немедленный отстрел заложников. Мы полностью потеряем контроль.

— И что он сделает?! Всадит себе пулю в лоб?! Он и без нашей эвакуации пообещал расстреливать людей каждый час!

— Я повторил дважды, генерал: объект нужен Елисейскому дворцу живым.

— Почему не запустить к нему нашего оперативника под видом журналиста? — вмешался Дюран, сделав шаг между спорящими. — Скрытый элемент, ликвидация на близкой дистанции.

— Как вы сами абсолютно верно заметили, комиссар, — Бутен тяжело повернул голову к Уолтеру, — Каррагер действует не один. У него есть страховка внутри зала. Мы не будем рисковать человеком. Если липовый репортер срисуетса — начнется бойня.

— Мне глубоко плевать на ваши инструкции! — закричал Женере, окончательно теряя самообладание и сжимая кулаки. — Я приказываю подразделениям GIGN выдвигаться на штурмовые позиции!

— Заткнитесь, генерал! — в голосе Бутена впервые прорезался бьющий по ушам металл. — Вы мне осточертели со своими амбициями! Вы находитесь в моем оперативном подчинении. Если у вас не хватает мозгов и выдержки соблюдать субординацию — я прямо сейчас отстраню вас от должности и отправлю под арест. У нас нет права на ошибку.

В смотровой повисла тишина. Женере тяжело дышал, раздувая ноздри, но под свинцовым взглядом полковника DGSE всё же не решился отдать прямой приказ жандармам.

Попытки выработать единый план превратились в тупик. Женере настаивал на жестком силовом решении, подгоняемый тикающим таймером ультиматума — отведенный Каррагером час стремительно таял. Бутен упрямо гнул линию переговоров, и Уолтер отчетливо понимал: полковник рискует жизнями заложников ради сведений, которые хранит Каррагер.

В этой позиции Дюрана настораживало главное: стремление Бутена войти в прямой контакт с террористом на корню ломало государственную доктрину Франции, категорически запрещающую любые сделки с захватчиками. А Женере, ведомый уязвленным тщеславием, просто лез напролом, озвучивая безумные идеи лишь бы перечить внешней разведке.

Ожесточенный спор вспыхнул с новой силой, когда дверь смотровой с тихим шипением разошлась. На пороге появился офицер полиции. За ним в комнату вошла молодая смуглая девушка.

Глава 11

Назад на кожаном сиденье такси Аннет Бибо лихорадочно листала страницы своего потертого рабочего блокнота. Её глубокие ежевичные глаза жадно выхватывали строчки, исписанные размашистым почерком.

«09:30 — предполагаемое время расправы. Мужчина, женщина и трое детей убиты с особой жестокостью. Филипп, младший сын, 5 лет. Перелом основания черепа, многочисленные синяки и гематомы по всему телу. Перед смертью зверски избит».

Перевернув страницу, Аннет быстро пробежала взглядом следующий абзац:

«Аналогичные повреждения у остальных детей: Ребекка, 8 лет, Эмелин, 11 лет. Возле тела Ребекки — окровавленная ткань... Следы сексуального насилия уточняются. Фаланги пальцев Эмелин превращены в месиво: осколки ногтей вбиты глубоко в мягкие ткани».

Какой монстр способен на такое? — Аннет на секунду зажмурилась, давя подступающую тошноту. Но профессиональный инстинкт уже брал верх над брезгливостью.

Пальцы торопливо заскользили по листам дальше:

«Эмерик Леруа, 45 лет, глава семейства. Череп пробит тяжелым предметом, следы пыток. Пальцы рук ампутированы, очищены от мягких тканей. Костные фрагменты заострены (эксперт Александр Моро: кости фаланг обнаружены в брюшной полости жертвы). Криминалисты заявляют о сугубо специфическом почерке».

В этот миг в голове Аннет разрозненные детали вспыхнули единым рисунком. Сердце в груди заколотилось как сумасшедшее. Все страхи и первобытный ужас перед человеческой жестокостью мгновенно испарились, уступив место чистой, жгучей радости охотника.

Это была не просто бытовая резня. Это была сенсация.

Не в силах сдержать профессионального ликования, абсолютно не уместного на фоне гибели пяти человек, Аннет залезла в сумочку, выудила телефон и набрала номер.

— Люк! — выпалила Аннет в трубку.

— М-м-м... — отозвался сонный голос.

— Люк! Ты всё еще бьешься лицом в подушку?!

— Аннет?.. Который час...

— Поднимай свою задницу! У нас экстренная работа!

— Аннет, — тяжело вздохнул парень, — у меня единственный выходной за месяц. Пожа-лей человека. В понедельник поговорим...

— Он в Париже, Люк.

— Кто «он»?.. Опять твои фантомные сенсации? Отстань, а...

— Сумасшедший судья, — отрезала она.

На том конце провода палец Люка уже занесен был над кнопкой сброса, но имя заставило его замереть. В динамике раздался глухой треск, грохот упавшей лампы и суматошный шорох.

— Что?! — сонный голос мгновенно прорезался высокой нотой. — Сумасшедший судья?! В Париже?!

— Да! И мне срочно нужны твои мозги.

— Тот самый, за которым уже три года гоняется Европол?! Который перебил банду в Марселе?!

— Люк, заткнись и слушай! — перебила Аннет. — Доставай блокнот и ручку. Записывай.

В динамике послышалась суета: Люк, судорожно прижимая телефон плечом к уху, рылся в тумбочке, шурша бумагами.

— Говори, я готов!

— Пробей по ведомственным базам и закрытым форумам имя: Эмерик Леруа. Сорок пять лет. Прописка — улица Адольфа Жюльена, тридцать один. Выясни, не проходил ли он по

заявлениям о педофилии или домогательствах. Может, замятые дела, отозванные иски, жалобы соседей — всё, что сможешь нарыть.

— Есть, — в голосе Люка прорезался профессиональный азарт. — А при чём тут Леруа?

— В девять утра в его доме нашли пять трупов. Вся семья. Травмы — один в один почерк «Судьи». И разрубленные фаланги пальцев.

В трубке повисла тишина, сменившаяся свистящим выдохом:

— Мать твоя... Я выезжаю. Встречаемся в редакции через час.

Аннет убрала телефон в сумку и откинулась на подголовник, чувствуя, как по жилам разливается опьяняющий азарт. Сердце колотилось в предвкушении: первая полоса, международный эксклюзив. Эта статья разнесет в пух и прах устоявшееся мнение в редакции, где её до сих пор воспринимали лишь как эффектное украшение отдела расследований.

Даже Бертран Фурнье — главный редактор и главный сексист «Le Figaro»¹⁷ — будет вынужден засунуть свое высокомерие подальше и признать в ней равного игрока.

Аннет сжала губы. Её яркая красота всегда работала как палка о двух концах. Черные шелковистые волосы, выразительные ежевичные глаза и точеная фигура открывали перед ней многие двери, но одновременно возводили глухую стену. На первом же собеседовании Фурнье даже не удосужился открыть её портфолио — он просто скользнул масляным взглядом по её блузке и кивнул, приняв её на работу за пять секунд. В ней видели привлекательную куклу, упорно игнорируя аналитический ум и способность выстраивать сложнейшие психологические профили.

В зеркале заднего вида Аннет снова перехватила липкий, сфокусированный на её груди взгляд таксиста. Раздраженно вздохнув, она привычным движением поправила воротник блузки, застегивая верхнюю пуговицу — этот неосознанный жест защиты стал для неё ритуалом в мире мужчин.

За окнами машины проплывали залитые солнцем улицы Парижа, но мирная жизнь города уже давала трещину. Прохожие на тротуарах замирали у витрин, прижав к ушам телефоны, перешептывались, указывая на экраны смартфонов.

— Сделайте погромче, — попросила Аннет, подавшись вперед.

Таксист поспешно крутанул ручку громкости, вытягивая шею, чтобы снова ухватить взгляд в зеркале. Из динамиков пробился сбивчивый голос диктора:

«...Повторяем экстренное сообщение. Терминал 2D аэропорта Шарль-де-Голль захвачен неизвестной вооруженной группой. Ни полиция, ни жандармерия официальных комментариев пока не дают. Операцию на месте возглавил комиссар Префектуры Уолтер Дюран. По неофициальным каналам поступают данные о десятках заложников. Эвакуация прилегающих секторов заблокирована, ситуация остается критической...»

Радиостанция умолкла. В салоне такси повисла тишина. Аннет откинулась на спинку сиденья, ее глаза горели.

Захват терминала в Руасси... Настоящая резня.

На губах Аннет вспыхнула торжествующая улыбка. Ей-то какое дело? Туда отправили бы высшую лигу — старших корреспондентов, привычных часами дежурить у полицейских кордонов и вылавливать скупые, официальные фразы пресс-секретарей.

Абсолютно бесплодная, унылая гонка. Аннет не собиралась тратить жизнь на подобные подвиги. У неё на руках был материал в сто раз круче — расследование серии убийств «Сумасшедшего судьи».

¹⁷ Le Figaro — старейшая из ныне издающихся ежедневных национальных газет Франции, основанная в 1826 году (названа в честь персонажа Бомарше). Одно из главных печатных изданий страны, традиционно отражающее позицию правоправящих, политических и деловых элит.

Такси затормозило у строгой классической фасады редакции «Le Figaro». Расплатившись, Аннет выскочила на тротуар, даже не обратив внимания на очередной масляный взгляд водителя, скользнувший по её облегающим брюкам.

Внутри здания на бульваре Осман кипел настоящий ад. Журналисты носились по коридорам с пачками распечаток, стационарные телефоны разрывались от звонков, операторы судорожно монтировали экстренные репортажи.

Поднявшись на третий этаж, Аннет успела сделать шаг к своему столу, как на нее налетела подруга и коллега Аньес.

— Ты где ходишь?! — зашипела Аньес, хватая ее за локоть. — В здании полная катастрофа! Фурнье синее от ярости!

— Да что у вас тут стряслось? — Аннет небрежно скинула сумочку на стол.

— Что стряслось?! Терминал 2D в Руасси захвачен! Штурм, заложники, трупы! А отправлять туда некого! Стефан с Роз пропали и не берут трубки, Пьер застрял на южном выезде. Фурнье буквально рвет и мечет!

В подтверждение её слов из кабинета главного редактора донесся оглушительный, визгливый рев Бертрана Фурнье, от которого задрожали стеклянные перегородки:

— Какая, к черту, пробка?! Уволены оба! Мне плевать, где и с кем они трахаются в рабочее время! На передовую они должны слетаться по первому моему щелчку!

Дверь кабинета с треском распахнулась, едва не сорвавшись с петель. Из неё, вытирая пот со лба, выскочил бледный помощник, а за ним, словно разъяренный бык, вывалился Бертран Фурнье. Заметив Аннет, стоящую у стола с невозмутимым видом, он мгновенно сменил вектор своей ярости.

— Ты. Что ты встала? Чем занята? — рявкнул Фурнье, в упор глядя на неё.

Аннет попыталась сохранить спокойствие:

— Шеф, у меня на руках уникальный материал. В Париже проявился «Сумасшедший судья». Я выхожу на его...

— Заткнись, — отрезан Фурнье, не дослушав. — Отдай всё Алену! Ален! Где тебя черти носят, дебила кусок?!

Из-за перегородки выскочил Ален — помятый, в мокрой от пота рубашке и с галстуком набок.

— Возьми у... — Бертран замялся, в очередной раз показательно «забыв» имя своей сотрудницы.

Аннет задела эта мелкая, привычная низость. Она принципиально молчала, сжав зубы и упрямо глядя Фурнье прямо в глаза.

— Возьми у неё блокнот! Записи, схемы — всё! Пошел за стол, живо! — Фурнье развернулся к Аннет. — А ты дуй в Руасси. Прямо сейчас. Будешь давать репортаж с поля.

— Это моё расследование! — в Аннет вспыхнула застарелая ярость. — Вы забрали у меня тему, над которой я пахала месяц, чтобы отдавать мои наработки этому Алену?! А из аэропорта пресса всё равно ни черта не получит — флики глухи¹⁸!

— Я сказал — пошла отсюда! — крикнул Фурнье так, что брызги слюны попали Аннет на щеку.

Вся редакция замерла. Это был предел.

Аннет вытерла щеку тыльной стороной ладони, сделала шаг вплотную к главному редактору и прошипела ему прямо в лицо — тихо, но с такой беспощадной угрозой, от которой у босса перехватило дыхание:

¹⁸ Флики (от фр. flics) — общепринятое разговорное прозвище сотрудников полиции во Франции, аналог американского «копы». Слово зародилось ещё в XIX веке и прочно вошло во французский жаргон, массовую культуру и лексикон журналистов.

— Я поеду. Но имя под материалом из Руасси будет моим. Без соавторов. Или иди к черту и ищи себе другую куклу.

На этаже повисла гробовая тишина. Фурнье ошеломленно застыл. На мгновение в его масляных глазах мелькнула тень неожиданного уважения — он впервые увидел перед собой не «красивое лицо с обложки», а хищника с зубами.

Не дожидаясь ответа, Аннет развернулась и на каблучках пошла к лифту.

Через три минуты она уже летела в такси по направлению к аэропорту Шарль-де-Голль. Пальцы сжимали сумочку так сильно, что костяшки побелели.

Урод, — кипело у неё внутри. — Старый напыщенный боров...

Горькая обида выжигала грудь. Сенсация про «Сумасшедшего судью», которая могла раз и навсегда заставить всю журналистскую тусовку Парижа уважать её интеллект, досталась Алену. А её отправили мариноваться в общей ораве репортеров у полицейских кордонов, откуда она привезет лишь скупые строчки пресс-релизов.

Что я привезу? — стиснув зубы, думала Аннет. — «Полиция воздерживается от комментариев»? Проклятье...

Она еще не знала, что через полчаса этот глухой тупик превратится в главный шанс всей её жизни.

Аэропорт встретил Аннет хаосом. Толпа репортёров напоминала стаю муравьев: одни бессмысленно курили у оцепления, другие имитировали бурную деятельность, вырывая обрывки слухов у ничего не знавших охранников. Спектакль без сценария.

Идиот Фурнье, — зло подумала она, усаживаясь на жесткий стул в зале ожидания. Отправил меня глотать пыль с остальными статистами.

Мир вокруг неё внезапно взорвался. Репортеры сорвались с мест, камеры начали фокусироваться на кордоне. Аннет перехватила пробегающего мимо оператора:

— Что происходит?!

— Псих внутри потребовал журналиста для интервью, — на бегу бросил тот, ухмыляясь. — Полиция ищет самоубийцу, который согласится войти в терминал. Пока добровольцев нет.

Сердце Аннет пропустило удар. Вот он — её шанс. Шанс вырваться из массовки, шанс, который окупит все унижения в редакции. Она решительно направилась к полицейскому фургону, оцепленному охраной.

— Стоять! Никаких комментариев! — рявкнул офицер.

— Мне плевать на комментарии, — Аннет выудила из сумочки удостоверение и ткнула им в лицо жандарму. — Я — репортер отдела расследований Le Figaro. Я готова идти к нему. Передайте это своему начальству.

Полицейский на секунду растерялся, затем прижал рацию к губам:

— Доложите шефу: есть женщина-журналистка, готова выйти на контакт.

— Какому именно? — голос в рации звучал раздраженно. — У нас тут три штабных офицера, я не знаю, чей это приказ!

— Докладывай всем, — отрезал офицер и кивнул Аннет. — Идите за мной.

Её провели вглубь комплекса, в оперативную смотровую. Внутри стоял густой смог от напряжения, которое можно было резать ножом. Аннет узнала Дюрана — его часто крутили в новостях — и грозного генерала Женере. Но третий мужчина, худой и лысый, стоял особняком, держа ситуацию в железных руках.

— Журналистка, Аннет Бибо, — доложил сопровождающий её офицер. — Она предлагает свои услуги для интервью.

— Немедленно уберите её! — взорвался Женере. — Мне не нужны трупы в отчетности!

— Нет, — перебил его лысый незнакомец. — Оставьте её. Она нам понадобится.

— Вы здесь не командуете! — рявкнул генерал, багровея.

— Посмотрите в папки еще раз, если память вас подводит, — голос незнакомца прозвучал как лязг затвора. — Она остается.

Женере задохнулся от ярости, но промолчал. Тем временем незнакомец, не обращая внимания на генерала, в упор посмотрел на Аннет. Его глаза, измученные бессонницей, сканировали её насквозь.

— Пойдемте, мадемуазель Бибо. Нам нужно обсудить детали. Ваша роль в этом театре будет гораздо сложнее, чем вы себе представляете.

Глава 12

Майкл Шерман был той фигурой, чье имя старались не произносить вслух даже в защищенных кабинетах Лэнгли. В мире тайных операций ЦРУ его знали под прозвищем «Мясник». Социопат по крови и садист по призванию, он десятилетиями зачищал «грязные углы» управления, превращая хладнокровный прагматизм в искусство пыток и безупречных ликвидаций.

Сейчас Шерман летел в Париж на борту личного джета Дилана Динлейка. Наслаждаясь ровным гулом турбин и вкусом дорогого бурбона, он изучал досье своей новой цели. Плотная кремовая бумага, безупречный шрифт — Динлейк не скупился на отчеты, когда речь шла о ликвидации собственных ошибок.

Шерман лениво перевернул страницу, вчитываясь в данные: Джим Каррагер. 41 год. Рост 185 см.

История объекта началась в грязи. Его нашли новорожденным на углу 106-й улицы в Гарлеме — пуповина была обрезана грубо, ребенок пролежал на бетоне несколько часов. Официальный статус: «найденный». Родители не установлены.

Начало с самого дна. Хорошая закалка, — хмыкнул Шерман.

В пять лет Джим сбежал из государственного интерната, предпочтя систему приютов свободе трущоб Манхэттена. Социальные службы годами пытались поймать «призрака», но Каррагер в нежном возрасте уже обладал пугающим умением манипулировать взрослыми и растворяться в городском шуме.

В семь лет в жизни бродяги появился Бенджамин Диксон — владелец дешевого бара на Медл Вэлли Драйв. Пожалев мальчишку, Диксон дал ему кров и работу. Каррагер разносил заказы и убирал столы, обретя в лице бармена некое подобие отца. Но Шерман, листая отчет, видел иную сторону этой идиллии.

Джим вел двойную игру. Днем — примерный помощник в баре, ночью — вожак банды малолетних беспризорников. К восьми годам Каррагер уже не просто воровал продукты и кошельки; он выстраивал логистику краж, координировал «задания» и распределял добычу между своими «солдатами».

Маленький генерал в песочнице из мусора, — Шерман отхлебнул из бокала. — Диксон думал, что спасает его, а на самом деле просто создавал идеальные условия для роста хищника.

Шерман перевернул страницу. Следующий раздел досье назывался: «Программа „Железная Воля“. Вербовка: 8 лет».

Правительственная инициатива по отбору и подготовке идеальных оперативников. Критерии: высокий потенциал, тяжелое детство, полное отсутствие социальных связей. Программа включает жесткую физическую, психологическую и интеллектуальную подготовку, направленную на создание универсальных полевых агентов.

В 8 лет, — Майкл усмехнулся. — Как мило. Целое поколение сирот превратили в мясников, а потом удивляются, почему они убивают своих же.

Джим Каррагер завершил программу с максимальными оценками. Его итоговый коэффициент эффективности — 10 из 10.

Шерман пробежал глазами по подпунктам:

— *Интеллектуальные способности: Стратегическое мышление, анализ сложных ситуаций, моделирование вариантов, оперативное принятие решений. Способность к тактическому мастерству и предвидению рисков.*

— *Физическая подготовка: Показатели выносливости, скорости реакции, устойчивость к болевым раздражителям и сенсорной депривации. Быстрое восстановление после травм. Эффективность в экстремальных условиях.*

— Эмоциональный контроль: Исключительная устойчивость. Подавление эмоций, способных помешать выполнению задачи. Полное отсутствие эмпатии. Безоговорочное выполнение приказов в сложных моральных ситуациях.

Идеальная машина, — Майкл хмыкнул, — для убийства. Не зря Динлейк так за него цепляется.

Но ниже, под заголовком «Дополнительные особенности,,, Шерман нашел то, что его действительно заинтересовало.

1. Вспышки неконтролируемой агрессии: В стрессовых ситуациях или под воздействием сильной провокации Каррагер теряет контроль. Проявления включают насильственное поведение по отношению к тренерам, другим участникам программы, уничтожение имущества. Агрессия расценена как следствие интенсивного обучения, но проявления сохраняются.

2. Склонность к выстраиванию отношений с определенным типом женщин: Подсознательная попытка искать эмоциональное удовлетворение и поддержку в отношениях с властными, сильными и доминирующими женщинами, обладающими мудростью и харизмой. Интерпретировано как проявление травмы, связанной с отсутствием материнской фигуры в раннем возрасте. Привязанность к этому типу женщин может приводить к конфликтам и осложнениям в ходе профессиональных миссий, где Джим склонен использовать навыки манипуляции для завоевания доверия, а затем давать волю сложным эмоциональным механизмам.

Шерман улыбнулся — та самая, жуткая, «мясницкая» улыбка.

Вот ты где, Джимми. Твоя ахиллесова пята. Мамочка. Всегда эти мамочки...

Шерман перевернул лист, переходя к разделу полевых операций.

Юношеский и взрослый периоды. После завершения программы деятельность Каррагера засекречена. Фрагментарные данные по миссиям:

1. Возраст 15 лет. Ликвидация наркобарона в Колумбии. Результат: абсолютная эффективность, минимальные затраты ресурсов, отсутствие потерь.

2. Возраст 21 год. Зачистка ячейки торговцев оружием в Восточной Европе. Методы: жестокая эффективность, объект уничтожен полностью, без выживших.

3. Возраст 30 лет. Ближний Восток. Работа под глубоким двойным прикрытием в контрабандных сетях. Ликвидация ключевых целей точно совпадает с его тайным присутствием в регионе.

Майкл хмыкнул, откинувшись на спинку кресла. Пятнадцать лет — и первая кровь в джунглях Колумбии. Знакомый почерк. В таком возрасте у обычных мальчишек на уме только бейсбол и девчонки, а этот парень уже потрошил колумбийских сикариев на заказ управления.

Внизу страницы шла жирная строка итогового заключения:

Общее заключение: Каррагер — уникальный продукт «Железной воли», сочетающий выдающийся тактический интеллект и редкий деструктивный потенциал. Тем не менее, латентная агрессия и эмоциональная нестабильность делают его труднопредсказуемым. Рекомендация: постоянный мониторинг или ликвидация при малейших признаках выхода из-под контроля.

Шерман захлопнул папку. Кремовая бумага глухо шуркнула.

— Ну что ж, Джимми, — пробормотал он в тишину салона, доставая сигарету. — Ты действительно хорош. Но систему не обманешь. Ты всего лишь бешеный пес, которого забыли вовремя пристрелить.

Майкл изучал досье, когда в кабину вошла стюардесса. Её движения были скованными, взгляд испуганным.

— Простите, сэр... Вас к телефону. Директор Динлейк.

Шерман поднял голову. На его лице расплылась та самая улыбка — тошнотворная смесь смертельной угрозы и неотразимого обаяния. Стюардесса смущённо улыбнулась, но её выдавала дрожь в коленях — она пятилась от него, инстинктивно пытаясь отстраниться.

— Благодарю, — процедил Шерман, забирая трубку.

Как только дверь за девушкой закрылась, маска исчезла.

— Вы мешаете мне отдыхать, Дилан, — небрежно бросил он.

Но голос Динлейка на этот раз сбивался.

— Шерман, слушай внимательно. Каррагер захватил терминал в «Руасси».

Майкл выпрямился, и его расслабленная поза мгновенно сменилась хищной собранностью.

— Что?

— Туда уже стекаются спецслужбы со всей Европы. Ты понимаешь, чем это нам грозит?

Шерман хмыкнул, откидываясь на спинку кресла:

— И что? Думаете, они устроят массовую перестрелку в международном аэропорту? Директор, успокойтесь. Есть куда более изящные способы решения, чем разводить панику.

— Ты не понимаешь! — Динлейк кричал в трубку. — Это не просто ликвидация. Джим унёс с собой данные, утечка которых станет концом для Управления. Он — живая бомба.

В салоне наступила тишина. Шерман переварил информацию: значит, Джим не просто взбесился, он прихватил «грязное белье» директора.

— Он превратил зал ожидания в неприступную крепость, — голос Динлейка дрожал от ярости. — Стулья, куртки, багаж пассажиров... Он перекрыл все сектора, доступ к нему полностью заблокирован.

Шерман внезапно расхохотался. Громко, искренне, наслаждаясь моментом.

— Что ты ржёшь, псих?!

— Ну что тут скажешь, директор... — Шерман сыто усмехнулся. — Один ваш Каррагер стоит всей вашей «богадельни». Такой изящный финт не купишь за деньги. Это чистое, извращенное искусство. А оно, как вы знаете, бесценно.

— Заткнись! — рявкнул Динлейк. — Это твоё последнее предупреждение.

— Значит, боитесь, что кто-то до него доберётся? Русские? Китайцы? Куда он собирался, напомним? В Россию?

— Никакой России, Шерман! — прорычал Динлейк. — И запомни: этот самолет — ловушка. Если я почувствую, что ты виляешь, рейс завершится досрочно вместе с тобой.

Шерман на секунду представил, как было бы красиво расчертить лезвием горло человеку, говорящему с ним сейчас. Но реальность была прозаичнее: Каррагер был приоритетной целью, прожектором, выжигающим все остальные мысли.

— В течение часа я задействую все ресурсы во Франции, — продолжал директор. — Тебе никто не помешает. Устрани его. Раз и навсегда. Любой ценой!

Майкл выдержал паузу, смакуя момент, и произнес с ледяным спокойствием:

— Двадцать миллионов долларов.

— Ты спятил? — голос Динлейка сорвался на хрип.

— Если хотите, чтобы я это сделал — гонорар должен быть на моем счету сейчас. Без предоплаты я не пошевелю и пальцем.

— Прощай, Шерман, — в трубке послышались гудки.

Майкл лишь лениво усмехнулся. Он знал, что попал в точку. Через минуту телефон ожил — Динлейк перезвонил сам.

— Дилан, давай начистоту, — перебил его Шерман. — Кроме меня, Каррагера никто не убьёт. Ты повесил мне на хвост своих ищеек, значит, тихой работы не будет. Мне придется шуметь, а это дорогое удовольствие. Либо я получаю финансирование и закрываю вопрос, либо ты начинаешь репетировать оправдания перед Сенатом. Потому что когда Каррагер начнет пускать кровь, все побегут к тебе.

В ответ раздался лишь сдавленный вздох. Прошло меньше двух минут, и экран телефона мигнул уведомлением: входящий перевод на двадцать миллионов.

— Отлично, директор.

— Шерман, если ты провалишься... — Динлейк шептал. — Клянусь, ты испытаешь на себе каждую из тех пыток, которые применял к другим. Я лично об этом позабочусь.

Короткие гудки. Шерман сидел неподвижно, глядя в иллюминатор. Его воображение уже рисовало картины: как он расчленяет Динлейка на куски и скармливает их свиньям. Как простреливает голову Каррагеру. Как связывает ту стюардессу и начинает медленно, со вкусом истязать её бархатное тело. Под напором этой ярости телефон в его руке хрустнул и рассыпался обломками пластика.

Ненависть давала ему почти сверхъестественную силу. Разум Майкла превратился в хаос кровавых видений. Он представлял, как сдирает кожу с живого человека и натягивает этот сочащийся кусок на собственное лицо, смеясь в лицо «костяному выродку», чьи мольбы превращаются в захлебывающийся визг. Садистское наслаждение заполняло его до краев. Ему доставляло удовольствие не только само страдание, но и то, как рушится самонадеянность жертвы. Шерман представлял, как срезает кусочек плоти со щеки еще живого врага и слизывает кровь, смакуя металлический привкус чужого страха.

Эта жажда боли разрушала остатки его хрупкого самоконтроля. Ему необходимо было убить. Прямо сейчас. Причинить невыносимую, абсолютную боль, которая изменит саму суть человека.

С трудом подавив лихорадочную дрожь, Майкл оскалился. Он разгладил страницы досье Джима Каррагера. Вся эта накопленная ярость теперь имела конкретный вектор. Он шел за предателем.

Меньше чем через полчаса после разговора с Динлейком Шерман уже был в Руасси. Он ещё не успел составить детальный план проникновения в забаррикадированный сектор, когда случай сам преподнес ему решение.

Майкл уловил обрывок яростного спора между вымотанной журналисткой и её оператором. Речь шла о безумном требовании Каррагера — интервью в прямом эфире. Полиция лихорадочно искала добровольца, но лезть в ловушку никто не спешил. Журналистка раздраженно бросила аппаратуру и ушла в сторону штабного оцепления, а Шерман бесшумно двинулся за оставшимся у машины оператором.

Мужчина подошел к белому фургону прессы, открыл задние дверцы и залез внутрь, копаясь в кофрах с оборудованием. Шерман тенью скользнул следом. Оказавшись внутри, он мягко притворил за собой створку, отсекая шум улицы.

— Ты кто...

Закончить фразу парень не успел. Шерман обрушил на него каскад сокрушительных ударов. Голыми кулаками он дробил кости черепа и хрящи гортани до тех пор, пока хрипы под ногами полностью не прекратились.

Смыв кровь водой из пластиковой бутылки, найденной на приборной панели, Майкл вытер ладони ветошью и сорвал с трупа ламинированный бейдж. На груди Мясника теперь висела официальная аккредитация прессы. Лицо на фото не имело ничего общего с его собственным, но в царящей вокруг неразберихе на это вряд ли бы кто-то обратил внимание. У него уже была наготове пара простых легенд на случай проверки.

Майкл принялся перебирать кофры, когда спиной почувствовал движение воздуха. Он начал разворот, краем глаза фиксируя направленный на него ствол с глушителем. Рвануться навстречу он не успевал — расстояние было критическим.

Но вместо выстрела в упор раздался приглушенный хлопок с улицы. Пуля пробила голову нападавшего навывлет, окропив борт фургона темной юшкой. Бездыханное тело уже валилось на землю, когда чьи-то цепкие руки подхватили его прямо в дверном проеме.

— Так и будешь пялиться? Помогай, быстрее, — прошипел мужчина с жесткими темными кудрями.

Шерман перехватил ноги убитого и помог затащить его внутрь. Стрелявший запрыгнул следом и плотно задвинул створку фургона.

— Британец, — уверенно бросил кудрявый, усаживаясь на кофр у двери и убирая пистолет.

— Нет. Немец, — возразил Шерман, бегло осматривая одежду покойника.

— С чего вдруг?

— Рубашка, — Шерман провел пальцами по воротнику. — Безупречно отутюженная ткань, идеальные складки. Чистокровная немецкая занудность. Даже идя на ликвидацию, они не могут не выгладить воротничок.

Собеседник хмыкнул, оценивающе разглядывая тело.

— М-да. Не зря тебя называют лучшим.

Майкл промолчал. Для него такие детали были алфавитом войны.

— А это ещё кто? — кудрявый посветил фонариком вглубь фургона и тут же отшатнулся. — Мать твою, что ты с ним сделал?..

От лица несчастного оператора не осталось ничего. Череп был разбит, превратившись в багровое месиво, напоминающее остатки жирного супа на дне немытой миски

— Убил, — ровно ответил Шерман.

Он продолжал обыскивать карманы мертвеца, полностью игнорируя сладковатый запах свежей крови.

— Сколько прошло с момента, как Динлейк дал команду на моё сопровождение? — спросил Майкл, вытряхивая содержимое чужого бумажника и отбрасывая его в сторону.

Оперативник ЦРУ с трудом сглотнул, пытаясь справиться с дрожью в голосе. Он повидал немало смертей, но то, как этот человек голыми руками буквально стёр лицо взрослого мужчины, вызывало у него животный ужас.

— Примерно... примерно сорок минут.

— Ещё кого-нибудь заметили? — не поворачивая головы, бросил Шерман. — Британцы, китайцы, пакистанцы?

— Нет. Немец... оказался первым.

— Проверяйте периметр на наличие журналистов, ведущих себя слишком тихо, — Шерман перебрался на переднее сиденье фургона. — Британская агентура. Они всегда крутятся рядом, стараются не привлекать внимания, но их выдает выправка. Армейская кость не прячется под гражданскими куртками.

— Передам остальным. А с остальными как быть?

— На остальных у меня нет времени, — Майкл вытащил из-за солнцезащитного козырька полароидный снимок: убитый оператор обнимал улыбающуюся девушку. На обратной стороне торопливым почерком было выведено: «*Клер и Лоран — навсегда*».

Шерман на мгновение замер, оценивая снимок, затем вытащил из рукава нож. Лезвие брызнуло тусклым светом в полумраке кабины. Коротким движением он разрезал карточку пополам: часть с изображением Клер упала на коврик, а портрет Лорана он аккуратно засунул в карман чужого бумажника.

— Мне пора.

Майкл подхватил камеру и потянулся к задней двери.

— Мы будем страховать снаружи, — попытался заверить его агент.

— Нет. Ты останешься здесь, — отрезал Шерман. — Скоро сюда вернется женщина. Убей её.

Приказ прозвучал буднично, но в последнем слове явственно прорезалась жуткая хрипотца. Даже для выдавшего виды оперативника ЦРУ это выглядело нездоровым, избыточным насилием. Агент хотел возразить, но под пустым взглядом Мясника лишь молча кивнул.

Шерман выпрыгнул наружу и направился к оцеплению терминала.

Подойдя к первому же жандарму, он втерся в доверие, отрекомендовавшись штатным оператором, которого срочно вызывают на замену для интервью. Из-под расстегнутой куртки он демонстративно качнул уголком аккредитации.

— У нас уже есть оператор, — нахмурился полицейский, преграждая путь.

— И журналист? — парировал Шерман, сохраняя на лице профессиональную невозмутимость.

— Да. Прошу отойти за линию оцепления.

Зубы Майкла закрипели. Ещё секунда — и внутренний предохранитель сорвало бы. Любая задержка грозила обрушить всю операцию. С титаническим усилием задавив поднимающуюся волну ярости, Шерман отступил на шаг, оценивая варианты нового проникновения, как вдруг за спиной раздался оклик:

— Месье! Эй, месье!

Обернувшись, он увидел того самого жандарма, лицо которого выражало смесь паники и облегчения.

— Извините! Нам срочно нужен оператор! Наш пропал, связи с ним нет вообще. Вы свободны? Вопросы есть?

Американские кураторы отработывают деньги подчистую, расчищая путь, — промелькнуло в голове у Шермана.

— Да, конечно, — на лице Мясника мгновенно расцвела мягкая улыбка.

— Документы покажите.

Майкл вытащил фальшивый бейдж, прикрывая пальцем нижнюю часть ламината. Но жандарм неожиданно перехватил его запястье и взгляделся в снимок. Лицо стража порядка вытянулось.

— Это... это совсем не вы, месье.

Шерман включил режим растерянного простака. На лице отразилась комичная досада:

— Черт побери! Кажется, мы с мужем перепутали бейджи в суматохе перед выездом, — зачастил он с извиняющейся интонацией.

Жандарм опешил от такого поворота, но отшатнулся, возвращая официальный тон:

— Простите, но с чужим документом я вас пропустить не могу.

— Понимаю, — с легкой грустью отозвался Шерман. — Я могу сбегать за своим бейджем. Машина в десяти метрах. Мы с моим... скажем так, «малышом»... — Майкл изобразил смущенную улыбку, — по утру так разругались, что впопыхах перепутали ксивы. Он сейчас где-то тут, в оцеплении.

Он вытащил из кармана половинку фотографии, на которой был запечатлен «Лоран».

— Видите? У меня вторая половина. Если их соединить, пазл сложится. Я просто не хочу, чтобы он попал в неприятности из-за этой дурацкой суматохи.

Это была филигранная ложь. Шерман понимал, что полицейский сейчас находится в точке принятия решения: следовать букве инструкции или спасти собственную шкуру, выполнив приказ руководства. Майкл мастерски дозировал эмоции — легкая растерянность, капля вины, налет человечности.

— Месье... — начал было полицейский, но его перебил резкий треск радиации. Голос Уолтера Дюрана, пробивавшийся сквозь помехи, был пропитан сталью:

— Всем постам! Нам нужен оператор, немедленно! Если репортер найден — тащить его в смотровую! Без промедлений!

Полицейский вздрогнул. Приказ был прямым, и времени на бюрократию не оставалось. Секунды начали утекать, как песок сквозь пальцы, и он решился, махнув рукой в сторону терминала:

— Черт с вами. Идите. Если на месте выяснится, что это подделка — вы труп.

— Благодарю, — Майкл ответил безупречно вежливым кивком, в котором не было ни капли той кровожадной ярости, что кипела внутри еще пять минут назад.

Он вошел в терминал, чувствуя, как воздух внутри меняется — становится тяжелым, пропитанным страхом и пороховым налетом. Шерман не шел к Каррагеру. Он шел на встречу с самим собой из прошлого. Две тени программы «Железная воля», выкованные в одной кузнице, вот-вот должны были сойтись в финальном клинче. В этом аэропорту должна была решиться судьба обоих. Победитель в этой игре мог быть только один.

Глава 13

Эжен Бутен обвел присутствующих взглядом. Каждый его жест, каждое движение глаз были выверены до миллиметра. В углу застыл Майкл Шерман — воплощение абсолютной сдержанности. Ни лишнего звука, ни тени эмоции. Он был здесь с единственной целью: добраться до Каррагера и обнулить его.

— Задача ясна? — Бутен обрезал тишину своим «металлическим» голосом. — Каррагер диктует правила. Вы — наблюдаете и подчиняетесь. Никаких импровизаций.

Шерман кивнул, растворяясь в полумраке операторской.

Помощник Бутена подошел к полковнику и передал камеру. Тот подержал её на весу, оценивая вес, и с коротким кивком передал Шерману.

— Встроенный передатчик, — сухо пояснил помощник, обращаясь к «оператору». — Картинка уходит в штаб в режиме реального времени.

Бутен резко развернулся к Аннет. Его лицо, бледное от хронического недосыпа, казалось высеченным из камня.

— Бибо, ваша роль ключевая. Но забудьте о своих амбициях. Эти кадры никогда не попадут в эфир. Вы — прикрытие, не более. Любое отклонение от сценария — и мы получим трупы.

— Но как это понимать? — Аннет встрепенулась, чувствуя, как внутри закипает профессиональный протест. — Вы хотите, чтобы я молчала или пела дифирамбы убийце? Я должна спрашивать только то, что одобрено цензурой?!

Бутен сократил дистанцию. Он наклонился к ней, и в его глазах, под тяжелыми воспаленными веками, Аннет увидела такую бездну усталости и цинизма, что слова застряли в горле.

— Вы не будете молчать. Вы будете задавать вопросы, которые не вызовут у него паранойи. Поверьте, Каррагер сам укажет вам, что говорить. Не провоцируйте его. Если вы совершите ошибку — последствия будут катастрофическими.

Аннет сглотнула, чувствуя, как пересыхает во рту. Она кивнула, хотя внутри все сжималось от предчувствия беды.

— Шеф, осталось шесть минут, — подал голос помощник.

Бутен расправил плечи:

— По местам.

Майкл Шерман еще раз проверил камеру, мельком взглянув на мониторы. В черном стекле отразилось его лицо — застывшая маска пугающего безразличия. До встречи с целью оставались считанные минуты.

— За мной, — Бутен повернулся к журналистам.

Аннет и Шерман поднялись синхронно. Воздух в комнате стал пропитанным адреналином.

— Генерал, — Бутен перевел взгляд на Женере, — боюсь, вам и вашим людям придется покинуть помещение. Вы нужны у зала ожидания, чтобы обеспечить периметр.

Гюстав Женере вспыхнул, как пропитанный керосином фитиль. Лицо генерала налилось багровым, вены на висках вздулись, но, к удивлению штаба, он сдержал крик.

— Когда вы всё запорете, — прошипел он, вплотную приближаясь к полковнику, — не ждите от меня помощи.

Женере с яростным грохотом махнул рукой, выгоняя жандармов. Для него этот уход был болезненнее любого поражения в карьере. Бутен даже не удостоил его ответом, сосредоточившись на карте терминала.

— Комиссар, думаю, вы сделали всё, что могли, — бросил Бутен, не оборачиваясь.

Уолтер Дюран поджал губы, кивнул и, не прощаясь, направился к выходу. Он двигался как солдат, прикрывающий отступление — мрачно, покорно, выполняя свою жертвенную роль.

— За мной, — скомандовал Бутен, открывая путь в «логово».

Глава 14

Прислонившись к бетонной колонне, Джим Каррагер казался пугающе спокойным. Наручные часы отсчитывали минуты до финала ультиматума, но его лицо оставалось бесстрастной маской: весь его мир теперь сузился до единственной, решающей цели.

Сергей, сидевший рядом на полу, старательно изображал безучастность, но Наталья видела его насквозь. Она ловила каждое микродвижение его глаз — то рассеянно устремленных в пустоту, то остро фокусирующихся на фигуре Каррагера. Это не был взгляд жертвы. Так смотрит игрок, который лихорадочно достраивает в голове многоходовую партию.

Наблюдая за ним украдкой, Наталья чувствовала, как внутри нее нарастает противоречивый ком из страха и восхищения. Она знала его импульсивность, его готовность к безрасчётной жестокости. В нем зрел замысел, и от этой догадки её пульс частил.

Сергей был для неё всем: спасательным кругом и бездонной воронкой одновременно. Их общая история, длившаяся почти всю сознательную жизнь, слишком часто выворачивала её наизнанку, обнажая в обоих самое темное и болезненное. Наталья пыталась цепляться за счастливые воспоминания, убеждая себя, что во всём виноваты обстоятельства, но ощущение безысходности лишь крепло. Разум требовал бежать, разорвать этот пагубный узел, но сердце, поработённое странной, почти мистической любовью, шептало: без неё он погибнет.

— Серёж, — тихо позвала она, — мы выберемся?

Ей не нужны были пустые утешения. Она просто хотела услышать его голос — этот барометр их реальных шансов на жизнь.

— И что это был за фокус с пистолетом? — добавила она, понизив голос до шепота. — Зачем ты его подбросил ему?

— Тактические издержки, — отозвался Сергей, даже не повернув головы. — Иногда, чтобы выиграть партию, нужно скормить противнику фигуру, которой он всё равно не сумеет воспользоваться. Не забивай голову, Наташ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.